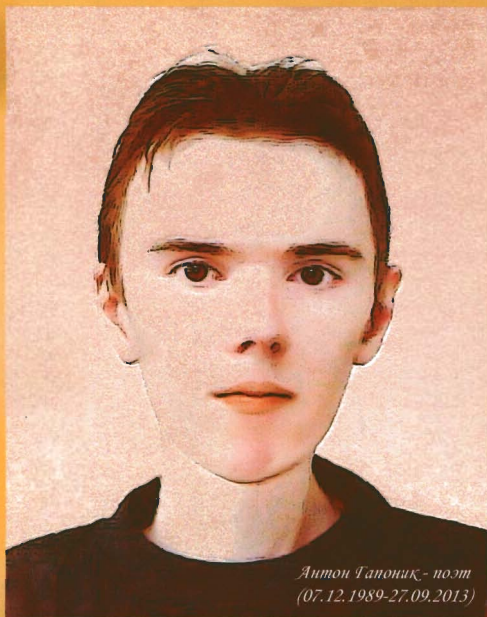

Светлой памяти сына Антона Гапоника

84Р7 (2Р58-4Кем)
Г19

ЛИСЬМА В ВЕЧНОСТЬ

*Антон Гапоник - поэт
(07.12.1989-27.09.2013)*

Твоя, горячо любящая тебя, мама

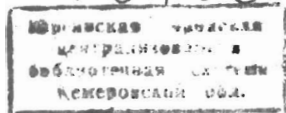
84Р7 (2Р52 - 4Кем)
Г19

12+

Письма в Вечность...

Книга об Антоне Гапонике

110706

Юрга
2017

Предисловие

27 сентября 2013г. на 24-м году ушел из жизни мой сыночек Антоша. Родился в год Змеи и ушел в год Змеи. Это был жизнерадостный, добрый, отзывчивый, умный мальчишка, с врожденными мудростью, интеллигентностью и силой духа, с необъемлемой любовью к жизни. Нежный и ласковый. Знания легко ему давались. Закончил 9 классов с красным дипломом. Шел на золотую медаль, но болезнь перекрыла все пути. Антоша обладал мудростью старца и, вместе с тем, наивностью ребенка. Ведь он жил в мире информации, а не в мире людей. Но, несмотря на это, очень хорошо разбирался в людях и жизненных ситуациях. Был всесторонне развит. Обладал обширными знаниями в области географии, истории, литературы, астрономии, анатомии, психологии, философии, медицины. Любил и понимал технику и электронику. Изучал немецкий, английский, китайский языки. Хорошо разбирался в политике. Был моим советчиком, надеждой и опорой. Моим смыслом жизни. Достоинно жил, достойно ушел из жизни. А еще он хорошо рисовал и успел стать поэтом.

При жизни Антоша изданы 5 сборников:

«Я слышу всё, чем мир наполнен» (2002 г.)

«И каждый день дороже» (2004 г.)

«Войди в мой хрупкий храм» (2005 г.)

«Слова мои будут просты» (2006 г.)

«Творить по законам любви» (2007 г.)

В 2014г. к годовщине смерти Антоша Гапоника на добровольно пожертвованные средства при поддержке Союза Писателей Кузбасса и центральной библиотеки г. Юрги издан посмертный сборник его стихов «Собираясь в дальнюю дорогу».

В 2005 г. принят в Союз писателей Кузбасса.

Побеждал в международном конкурсе, нескольких областных и городских конкурсах, автор песни о Юрге. Удостоен медалей «Надежда Кузбасса», «За веру и добро» и премии «За любовь к жизни».

Людмила Гапоник, мама.

Слово матери

...Я молчу.

Я устала с тобой говорить без ответов...

Забрала тебя осень. Как листочек с веточки, ты сорвался и улетел. Не оставил и следа. И бреду я по листьям памяти, памяти о тебе, любимый малыш, светлый мой Ангел. Ночами я мысленно шлю тебе рассказы, сочиняю поэмы, пишу повести воспоминаний. Под них засыпаю. А утром все стирается. Чисто и пусто. И слова не выдумать. Но мне так нравится говорить с тобой ночами, когда особенно тихо, темно и одиноко. Тогда всплывают образы – резко, исподтишка - они мелькают, как молнии, в голове, как разряд тока. От них больно. Они вышибают мгновенные слезы. Мелькают, как листы книги. А на листах этих записана она - хрупкая, истерзанная неизлечимой болезнью, судьба мудрого не по годам человечка с могучей и нежной душой.

Я никогда не писала стихов, тем более книг. И вот, на четвертый год без тебя, что-то стало приходить в моё сознание. Наверное, я не все еще сделала в своей жизни для тебя. Мысль написать книгу о тебе, сыночек, шла издалика, по пути набирая слова, фразы, предложения, ощущения. Я думала, что она еще далеко. Но вдруг 2 мая 2017года, совершенно неожиданно для себя, села за написание книги. О тебе. О моем сыне - Антоне Гапонике.

Оглядываюсь назад... Там, за моей спиной, - счастливое, доброе, светлое прошлое. Там - чудо рождения и жизни моего единственного сыночка Антошки, в котором соединилось все самое прекрасное, что только Вселенная может дать душе человеческой. Это и станет началом моей повести - повести о человеке, ставшем моей бережно хранимой легендой.

Твоя, горячо любящая тебя мама

Антон Гапоник (опыт автобиографии)

Родился я в городе Юрга Кемеровской области. С каких лет себя помню? Да с грудного возраста, с четырёх-пяти месяцев. Помню свою кроватку, погремушку, натянутую над ней. Я тянулся к погремушке, но движения были неточными, и это озадачивало меня. Помню маму. Она проходила мимо кроватки и почему-то не брала меня на руки. От такого мамино поведения мне хотелось капризничать и кукуться. О чём я тогда думал и думал ли вообще? Сколько ни пытаюсь вспомнить – не могу! Но жил во мне кто-то, кому было всё понятно и доступно. Этот кто-то мог мыслить, знать, вспоминать, анализировать. Потом – провал. И вот мне три года, и я в детском саду. Беззаботное детство! Слова воспитателей, сказанные маме: «Ваш мальчик не такой, как все. Покажите его врачу». Но всё это меня не касается, я радуюсь жизни, а жизнь радуется мне. Лишь кто-то внутри меня тревожен и задумчив...

Потом врачи, больницы, обследования. Что-то не так. Я болен? Ну и что! Жизнь-то не кончается, она так прекрасна! И ничего, что в голове уже давно кружатся недетские мысли. Но сформулировать, превратить их в слова пока не могу. До чего же я ещё мал! А сколько всего впереди! Мне шесть лет. Я болен, и потому переведён в садик для детей-инвалидов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Там встречаю ползающих, хромающих, частично парализованных детей. Слабые, беспомощные, бледные, в глазах совсем не детская тоска. Кто-то плачет внутри меня, и я плачу. Приходит сознание того, что с этим кем-то мы живём одной жизнью, одинаково мыслим, одинаково чувствуем. А может, этот кто-то и есть я?...

И вот я, в ту пору здоровый, сильный, краснощёкий, стал помогать воспитателям ухаживать за этими детьми. Я умывал их, носил на руках в туалет, кормил, старался сделать всё, от меня зависящее, чтобы они не чувствовали себя ненужными. Но детское безрассудство, конечно же, брало верх надо мной и, к моему стыду, всё же случилась одна драка между мной и другим мальчиком. Мы не поделили игрушки.

Жизнь в этом детском саду казалась мне раем. Я чувствовал себя нужным, полезным. Впервые познав ответственность за других, испытав сочувствие, сопереживание, отзывчивость, стремление помочь, поддержать в трудную минуту, я уже не мог забыть эти драгоценные уроки жизни, которые впоследствии помогли мне духовно выжить и развиваться дальше.

Наступило 1 сентября 1996 года. Мне почти восемь. В новом, отглаженном костюме, в блестящих туфлях, с огромным букетом и огромным счастьем в сердце, гордый и уверенный, я шёл в школу! Я шёл учиться! Отныне я взрослый и самостоятельный человек! Встречай меня, школа!

На этом моё детство, как и мои лучшие воспоминания, заканчивается. Я вступил в новую жизнь, где оказался «не таким, как все», а значит, лишним, обременяющим. Я подсознательно ощущал, что когда-нибудь испытаю эти чувства, ведь я болен. Но чтоб так скоро! Снаружи казалось, что я сдался и гибну. Ведь я перестал разговаривать и долгими часами мог смотреть в одну

точку. Но не тут-то было! Всё внутри меня кипело, боролось, искало. Что делать? Что изменить? Где выход?

И вдруг...размышления стали складываться в слова, потом в рифмы. Что это? Оказалось – стихи... Мне девять лет. Метания, страхи, слёзы, муки – всё позади. То, зашедшее в тупик «Я», погребло. Я рождён заново. Больше нет слабости, неуверенности, чувства ненужности, незащищённости. Есть любовь, добро, надежда и творчество. Удалось ли мне ступить на первую ступень духовного развития? Наверное, нет. Подошёл ли я к ней? Жизнь покажет. Так будем жить! Мне 18...

(Антон Гапоник)

Ты родился, сыночек!

А мне, будущей маме Антошеньки, 21 год. Свадьба 13 ноября 1988 года. Снег густо покрыл землю. Пухлый, белоснежный, как мое свадебное платье. Мороз - 40. В платье и туфельках я разгуливаю по снегу. Я счастлива. Ах, как я счастлива! Впереди целая, полная тайн, жизнь. Что там меня ждет? Кто там меня ждет? А пока... мои чувства волнуют сердце. Жарко...

После свадьбы я заболела. И, как приговор, жестко был выставлен диагноз - бесплодие. Тогда, как молодому специалисту, мне сразу же от профсоюза машзавода была выделена путевка в Рижский санаторий на лечение от бесплодия. Подошло время. Я стала обходить санаторно-курортную карту и вдруг - 5 недель беременности. Ох, и попало же мне тогда! Ведь путевка сразу стала "горящей".

Но во мне зарождался малюсенький человечек, выросший потом в стойкого, духовно развитого юношу. Но это потом... Тогда же происходило чудо. Как? Ведь я перенесла серьезную простуду. Это невозможно. Я была обречена на бесплодие. Поистине, чудо!

Как прекрасны молодые годы! Здоровье плещет рекой. И совсем не задумываешься о каких-то там проблемах - в быту, в жизни. Просто живешь и наслаждаешься жизнью.

Беременность проходила без осложнений. До конца беременности я оставалась такой же шустрой и жизнерадостной. Вот, мой Антошечка уже и шевелиться начал. Бойкий какой! Мой сладкий комочек счастья! Моё вечное чудо! 13 ноября 1989 года, перед родами, я легла в больницу, в тот же день узнав, что убит мой муж. Как я приняла эту новость? Не знаю. Тогда я была, по-молодости сильная. Осознавать было некогда. 7 декабря в день памяти великомученицы Екатерины (Святая жила в Александрии Египетской в начале IV в. Будучи дочерью правителя Александрии, она получила блестящее образование) 1989-го года в 10 часов утра в родильной операционной раздался непонятный мне звук, похожий на выстрел, а затем скрип несмазанной телеги. Потом мне поставили общий наркоз, и я уснула. И только на следующий день я узнала, что эти непонятные звуки были плепком врача и плачем сына. Я приняла плач сына за скрип телеги. А это мой малыш огласил мир о своем появлении: «Встречай меня, мир! Я уже люблю тебя!»

Потом меня из реанимации перевели в палату. Забегали медсестры посмотреть на меня и удивиться, как мог поместиться такой большой ребенок в такой маленькой маме. Смеялись и говорили, что Ламекин (а тогда у нас с сыночком была такая фамилия по мужу) пищит звонче всех и громче всех. Вот так судьба сделала нам с бабушкой подарок на наши дни рождения - 10 декабря и 25 декабря.

Настал день, когда мне принесли сына. Какой он мало-ю-ю-ю-сенький! Глазки голубые, ротик совсем маленький (его наша мама и бабушка называла потом "буравчиком"), даже пустышка, наверное, не поместится. Не понятно, на кого похож. И снова чудо - вот, еще вчера у меня не было этого ангельского

человечка, а сегодня он есть! Не кукла. Шевелится, носик морщит, губками чмокает. Разве это не чудо?

Встал вопрос, как будем называть. Муж хотел Вовку, мама моя Женьку. Ну, какой же он Вовка или Женька? Это же вылитый Антошка! Носик-курносик-пимпочка, бровки рыжие, щечки тугие, розовые. Весь такой красивый, нежный. Ну, вылитый Антошка! "...Антошка, Антошка, пойдем копать картошку!". И я назвала сыночка Антошкой. Хотя раньше это имя мне и в голову не приходило.

"Ты родился, сыночек, добрым, жизнерадостным, залиvisto смеялся, всем интересовался, всему удивлялся. Ты пришел в мир, и как будто раскрыл ему объятия, стремясь все впитать в себя. Радовался миру и думал, что мир радуется тебе, что он для тебя, он тебя ждал, и вот, дождался, и все готов отдать тебе. В твоих глазах жили искорки, которые никогда не затухали. Пронзительный, сжигающий, заряжающий взгляд. После, когда ты вырос и возродился, твой взгляд так сиял, что врачи приходили на него посмотреть, и у них появлялся заряд бодрости. А твоя улыбка, такая прекрасная, ослепительная. Казалось, что ты улыбался весь. Ты еще не знал, что в мире есть боль, невыносимая боль, которую ты вынес, которая меняла твой взгляд с наивного на мудрый."

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

... И вот мы дома. Встречай, бабушка, Антошку! Потом, когда Антоша вырос, бабушка Галина Степановна рассказывала ему: "Принесли огромный кулек. Развернули. А там...ма-а-а-а-аленький, си-и-и-и-иненький, ручками трясет и пищит. Боже мой, где ж вы такой ужас нашли? Но я вида не подала". Антошка с удовольствием слушал и с удовольствием смеялся.

Но тогда мы вступили в неравный бой с вечно пищущим младенцем. Мне постоянно ужасно хотелось спать. А утром - в институт. Я бы, может, и поплакала об утрате мужа, да совсем некогда было. Хотя дома первое время было очень тяжело находиться. Все напоминало о нашей любви, о присутствии мужа. Все дышало им.

Мне тяжело было "знакомиться" с сыном. После смерти мужа меня не покидала мысль, что жизнь стала бессмысленна. Я смотрела на сыночка и думала: "Зачем мы? Если нет его?" И произошел страшный случай, когда Антоше исполнился месяц. У него, как и у всех младенцев, была грыжа. Я возила его по бабушкам, в надежде грыжу излечить. И вот, возвращались мы от бабушки после 12 - го сеанса. Зима. Личико Антоши я прикрыла. А он плакал всю дорогу. Нисколько не успокаивался. Идти было не далеко. При подходе к дому вроде Антоша немного успокоился. Когда же я его развернула дома - Боже мой! - он был синим. А верхняя губка белой. Он задыхался. Бабушка закричала:

- Срочно скорую!

Антоша умирал у нее на руках. Он хрипел. Такой красивый, большой, полненький и ... умирающий. И тут меня, как током стукнуло. Ведь не жить мне без него! Это моё! Мое всё! Я люблю сыночка!

Приехала скорая. Врачи встали, не знают, что делать.

Искра

-Да, везите же его быстрее в больницу! - крикнула бабушка. - Что вы стоите?

Ее крик отрезвил всех. По дороге в больницу Антоша продышался. Оказалось, когда он плакал по пути домой, то подавился молочком, и молочко попало ему в легкие. В больнице мы пролежали месяц. Так я поняла, что ребенок - самый важный для меня человек на Земле. А грызку мы все-таки залечили после больницы у бабы Маши. Всего за 3 дня.

Жизнь снова вошла в колею. Сыночек мой, Антон Александрович, не давал ни минутки присесть. Вспоминается: полгода было маленькому сыночку-великанчику с тугими ножками, ручками и щечками, большими кулачками и умным, пронизывающим взглядом (цвет глаз потихоньку стал меняться с голубого на карий). Два часа я качала его на руках, выпагивая по комнатам, пытаюсь убаюкать на ночь. Стоило остановиться, Антоша тут же начинал проявлять недовольство. Колыбельные пела, потом уже устала петь и стала говорить, как рэп. Руки отваливались. И все два часа этот карапузик изучающе рассматривал меня и кряхтел в такт моему "рэпу". Спал мало, ел хорошо, лежать совсем не хотел. А хотел на руках быть, и чтобы носили, а не стояли на одном месте.

Дома начал быстро расти и набирать килограммы. Бабушка называла его "бутуз". А он стал ловить людей взглядом, серьезно смотрел в глаза и внимательно слушал, что ему говорили. Потом стал что-то пытаться отвечать, вел с нами долгие разговоры, смешно вытягивая губки, говоря на своем "инопланетном" языке. Стал улыбаться, потом просто заливался смехом, который тоже был особенным - как ручеек журчал.

Помню его первую попытку поймать игрушку кулачком. Бабушка связала внуку крючком симпатичного, яркого клоуна и повесила на коляску. Надо сказать, что Антошка нигде не хотел спать, только в коляске. К году ножки его уже торчали из коляски, но мы никак не могли приучить нашего рыжика спать в кроватке. И вот день за днем, Антошка наблюдал за этим клоуном, потом стал пытаться ловить его, но промахивался. Ему было около 3-х месяцев. Так и жили, каждый день радуясь новым достижениям сыночка. Когда бабушка стала внука подкармливать супами с ложечки, тут оказалось, что наш мальчишка - то - лентяйка. Не хотел смириться с ложкой. Но все-таки удалось уговорить Топшку, с условием, что он будет кушать сидя. Ему шел четвертый месяц.

Рос Антоша здоровеньким, быстро развивался, дарил нам с бабушкой счастье своей постоянной жизнерадостной улыбкой. И еще у него появились пальчики - хватальчики (я так называла его кулачки), которыми он успевал захватывать молниеносно все, что оказывалось в зоне доступности на пути следования его на моих руках.

Когда ему исполнилось четыре месяца, начали резаться зубки. Мой малыш "сгорал" от высокой температуры, был вяленький и красный от жара. Я плакала над ним, вызывала врачей, и снова плакала, несмотря на их уговоры: "Мамочка, что же Вы так расстраиваетесь. У Вашего прелестного малыша лезут зубки. Это пройдет". Но, температура не проходила неделями, и я опять плакала. А Антошка будто бы все понимал и, видя мои слезы, тоже обиженно поджимал губки, готовый заплакать хором.

Когда мы приходили на плановые осмотры, он живо интересовался всем, что лежало у врача на столе.

Антошка с рождения разительно отличался от других детей своеобразной степенностью, другим восприятием мира. Мы тогда еще не знали, какой ужас нас ждет. Мы не знали, что в обаятельном, жизнерадостном, любопытном малыше живет страшная, редкая болезнь...

Я с Антошей. 1990-й год. Антоше 1 год 4 месяца.

Антошка познает мир.

Антоша уже родился с добрым сердцем и был очень любознательным. Его интересовало и восторгало буквально все. Он радовался солнышку, траве, снегу, дождю, букашкам, жучкам, гусеницам. Малыш верил, что мир ждал его рождение, и вся природа с ее красотой созданы были лишь для него. Антоша как будто хотел обнять весь мир. Его детство было для него сказкой. Отзывчивый, общительный, любопытный и не ведающий зла, он шел ко всем на руки, всем доверял, всем улыбался. Интересно познавал мир. Старательно изучал всплеск воды, дуновение ветерка, плывущие по небу облака. Первое слово Антоша произнес, когда ему было 7 месяцев. Из его ручонков выпала пустышка (его обожаемая пустышка!). Он потянулся за ней и сказал: "Ппал"(упал). А потом пошло "мама", маба", "бама", "баба".

Люди тянулись к моему Солнышку. Хотели его поддержать на руках. Когда мы проходили мимо базарчика недалеко от нашего дома, бабушки угощали сыночка ягодами, фруктами, овощами, конфетами, печеньем. И все это Антоша успевал зажать в кулачках. И съесть. Бабушки так его приучили к угощениям, что когда Тошка стал ходить, то сам уже подходил и ждал угощения. Пришлось ему объяснять, что так делать некрасиво. И он понял это на всю жизнь.

Антошенька уже хорошо знал животных, как они "говорят", как машины едут - гудят. Любил и тех и других. И очень любил смотреть в окно. Поставлю его на табуретку, сама рядом. А бабушка начинает задавать вопросы:

- Как собачка лает?

- Бобака афф-афф. - незамедлительно отвечал мой малыш.

- Как коровка мычит?

- Ковова му-у-у-у.

Потом ему посчастливилось увидеть корову. Сын побежал к ней, а она как замычит! Да громко...С тех пор Антоша долго боялся коров. Хотя любимой его мягкой игрушкой была корова. Позже, когда сыну исполнилось 2 года, мы смотрели передачу "В мире животных", в которой показывали скусна. Я тогда говорю Антошке:

- Смотри какой зверек.

- Мама, да это же скусной (скуснор)! - он, оказывается, уже знал об этом зверьке. И уже любил его.

- Не скуснор, а скусн.

- Нет, это скунсой!

Потом я Тохе рассказывала это. И всегда повторяла "скунсор". Сынка смеялся и шутил:

- Какая ты, мама, еще маленькая! Не знаешь, что это скунс, а не скунсор.

Только, по прошествии времени, некоторые понимают, насколько были счастливы в прошлом. То же понимание пришло и ко мне. А тогда, почти 28 лет назад, я просто жила, растила сына, внутри себя оплакивала смерть мужа. А сынок рос, со своим мировоззрением и восприятием. Сейчас мне кажется, что он будто знал о своей болезни. Когда ему исполнилось 9 месяцев, он стал ходить с поддержкой. И ходил так до года и трех месяцев, держась всего за один мой палец, как - будто был неуверен в своих силах. Или генетическая память ему подсказывала: "Стоп! Будь осторожен!".

Мальш изучал мир, не давая мне присесть ни на минуту: "Подём тюдя, и тюдя?"(пойдем туда). И мы ходили вместе по улицам на большие расстояния. Я и мой "Хочу все знать!" Но, какой же это был замечательный, добродушный малыш! С такими сильными, большими кулачками! Я думала - могучий парень растет! Веселый, энергичный, сообразительный. К году уже говорил предложениями. Правда, жутко картавил до 6 лет. Ему так нравилось. Вроде и бегал, только отставал от других. Зато как на велосипеде летал! Быстрее всех! Его энергии не было конца с утра до ночи. Словно знал, что мало времени отпущено в этой жизни. Да, мой малыш - самый здоровый малыш в мире!

Когда сыну исполнилось 5 месяцев, я пошла работать. С Тошкой сидела бабушка. Не хватало денег. Вовсю шел знаменитый перестроечный период, когда переставали платить декретные. Тем более, что я училась в институте. Учебу в институте бросила.

"Вспоминаю те счастливые дни твоего детства. Мы все тогда были молодыми и здоровыми. Ты бегал по квартире, заливаясь смехом. Розовые щечки, развивающиеся одуванчиком, белые волосики, улыбка во весь рот. Такой красивый. И такой счастливый. Еще не знающий всех горестей мира, не знающий, какая жестокая судьба тебя ожидает. Этого тогда не знал никто из нас. Счастье, молодость, начало жизни. Ты радовался всему, что тебя окружало. Не знал, что в мире есть зло. Всегда такой добрый, радостный. Умел наслаждаться жизнью... И мы были счастливы в своем маленьком мирке. Бабушка, кошка, я, и ты.

Помню, тебе было 9 месяцев, ты уже говорил предложениями и сам кушал (кушал чисто, аккуратно). Всегда говорил: "Я тям!" (я сам). А вот на горячий суп или чай не хотел дуть, я тебя научила бояться горячего, чтобы знал, что нельзя подходить к плите, к утюгу. Когда давала тебе кушать, говорила: "Подуй". А ты всегда отвечал: "Нет, у меня духа нет!". И это слово "дух" ты потом возвел в великую стойкость. Мой стойкий

оловянный солдатик. То, что ты выдержал, как ты это выдерживал - выражает непоколебимую силу духа, которой обладал мой взрослый мальчи.

...А в годик ты никак не хотел отучаться от пустышки. Что только мы не предпринимали, все было бесполезным. Тогда я пошла на обман (хотя обмануть тебя было практически невозможно). Я надорвала твою последнюю пустышку. И она порвалась. Ты показываешь ее мне. А я развожу руками:

- Все, сыночек. Иди выкинь пустышку.

А сыночек в ответ:

- А в аптеке есть. Ди в аптеку.

- И в аптеке нет. Все, закончились пустышки.

Ты и так и эдак вокруг нее. А никак. Пошел, выкинул пустышку в мусор. Видим - сучаешь по ней. Поиграешь, поиграешь и опять к ведру - над пустышкой вздыхать. А на следующий день ты уже не вспоминал о пустышках. Я потом тебе рассказывала, даже шуткой предлагала пустышку. Ты только весело смеялся.

... Как-то мы с тобой шли по аллее. Тебе было годика 3. Сзади тоже шла мама с сыном, постарше тебя года на 2. А навстречу молодой парень без рук. Взгляд его выражал страдания и стыдливость. И вдруг мама сзади со злорадством и громко: "Смотри, сынок, дядька без рук!" И оба засмеялись и стали тыкать в его сторону пальцами. Парень покраснел, готов был провалиться сквозь землю. Он просто бежал. Мы прошли несколько метров, и ты спросил: "Мама, ему больно?" Я начала отвечать, что больно, ведь ручки отрезаны. А ты задумчиво: "Нет, у него дух болит"...
(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Как хорошо нам жилось! Антоша любил все, что его окружало. Потом, повзрослев, он сказал мне, что имя Антон ему очень нравится. Выходит, знала мама, что хотел её сынок. А сынок спешил и спешил жить. С пяти утра и до часа ночи. И нельзя было его уложить спать. Энергия была ключом. Ни минуты без движения, без улыбки, без слова. Поллюбил книжки, раскраски. И особенно поллюбил городские газеты. По ним и научился читать.

Когда сыну исполнился 1 год 8 месяцев, у него появился папа - отчим. На фамилию отчима Антошу и переписали через полтора года. И всей семьей стали Гапоники. А что, прекрасно подошло к имени Антон. И получился у нас Гапоник Антон Александрович. Другого папу отныне Антоша не знал.

А, помнится, сыну было 2 года, когда его укусила наша соседская собачка-болонка. Кусала она всех. Особенно, детей. А тут, как всегда, собака-кусака сидела под лавочкой, охраняла хозяйку. Сынок подбежал ко мне. И из-под лавочки вылетел грязный мохнатый вихрь, клацнув зубами. Сын испугался. После этого, при ходьбе, у него происходил мышечный спазм в шее. И малыш мой падал. Срочно к врачу! Врач сказала, что это испуг. Его лечат только бабушки. И дала нам адрес бабы Ани. Эта бабушка оказалась одна из сильнейших бабушек – лекарей.

Мы пошли в детский садик. И узнали о болезни Антоши.

Мне очень хотелось, чтобы сыночек разносторонне развивался в общении с детьми. Когда ему исполнилось 3 года, мы отдали его в обычный садик. Первый день Тошка бастовал и не хотел идти. А был он тогда еще сильным мальчиком. С места не сдвинуть. Но когда понял, что мы не бросаем его, а просто даем возможность поиграть с другими детьми, смирился. Однако, появилась другая проблема - Антошка не спал в обед никогда. Все мои попытки уложить спать его днем закончились неудачей. И я окончательно рассталась с этой мыслью. В садике же надо было спать. И там ругались и командовали, завязывали глаза. Сыну было страшно, но он понимал, что днем мы на работе, и не жаловался. Узнала я о таком поведении воспитателей от Антоши через много лет.

Как-то зимним морозным утром я вела сына в детский садик. Мы всегда ходили "за ручку". И никогда мне не думалось, что это одно из важнейших событий в моей жизни - чувствовать родную, маленькую, доверчивую ладошку в своей ладони. Небо было прозрачное, низкое и звездное. Мы беседовали с Антошей о высоком - о Боге, о смысле жизни. И тут он мне сказал, смотря на небо:

- А знаешь, мама, там, высоко, есть большой Свет. И он всех любит и греет. Он сказал мне, что ты будешь моей мамой.

-Ты правда это помнишь, сыночек? - спросила я, глядя с нежностью на мой комочек-клубочек счастья, который шел рядом, такой любимый, такой...весь мой!

-Да, я помню. Это был Боженька. А я тебя уже любил, мамулечка.

Он так много уже тогда, в свои 3 года, говорил о каких-то таинственных мирах. О жизни в них. И о Свете, о Вселенском разуме, о вечной жизни души, о переселении душ и временных дырах.

"Моё счастье, сыночек, смотришь на меня с небес, светишь мне надеждой на встречу, наполняешь моё сердце чистым светом, животельной энергией устремляешься в моё сердце. Твоя любовь велика и бесконечна, твоя нежность прекрасна, твоя вера несокрушима, твой дух не сломлен, твоя поддержка исцеляет! Я желаю тебе чистой небесной любви!
(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

К 4 Антошиным годам воспитатели стали мне говорить, что с ним что-то не так. Со второго этажа съезжает на шубе. Поднимается на второй этаж тяжело. Устает в походах в город.

Когда сыну исполнилось 5 лет, мы проходили плановый медосмотр. Врач - невропатолог его осмотрела, сказала, что все нормально, малыш на удивление опережает свой возраст по интеллекту. И тут я говорю, что сын боится переступить через бордюр, просит поддержку. А к тому времени у Антоши икры на ногах стали просто каменными и иногда болели так ужасно, что он и стоять на ногах не мог. Врач сразу взялась сына всего обследовать и увидела, что мышцы ног, спины гипертрофированы. Сразу диагноз. Мальчик скоро не сможет ходить. Услышав это, я почувствовала, что внутри меня сработал какой-то шлагбаум и отгородил от этих ужасных новостей. Да и не знали мы тогда, что они и правда ужасны. Антоша тоже спокойно отнесся ко всему происходящему. Я не плакала, не падала в обморок. Хотя, и была в шоке. Но, не поверила.

Антоша к тому времени и правда стал ходить медленнее, не прыгал, не бегал. Посторонние люди говорили мне, что с ним что-то не так. И только я одна ничего не видела или не хотела замечать. Мне казалось, что у моего сына все в порядке. Это сейчас, по прошествии стольких лет, я понимаю, что болезнь была врожденной. Ведь на руках он всегда сидел спокойно. Не вертелся, как обычные дети.

Я забрала сына из детского садика. И 13 ноября 1994-го года мы поехали по направлению на обследование в область. А перед этим я увидела сон: "Очень большая кровать застелена белоснежным бельем. На ней спит Антошка. Вокруг темно. С одной стороны кровати я, с другой стороны папа Антоши. С моей стороны на сына падает яркий свет. И папа Антоши мне говорит: "Я все равно заберу у тебя сына."

Это уже были лихие 90-е. Когда главенствовала тотальная невыплата заработной платы. Не было порядка. И больницы, вдруг, стали платными. Сын лежал бесплатно. Мне же положено было платить 300 рублей каждый день. По тем временам это были сумасшедшие деньги. При этом, спала я с Антошей. Благо, веса и роста во мне было совсем мало, и я помещалась на уголке кровати. Бывало, что и на полу спала. И мне не положено было питаться. Но в мои обязанности строго входило вычищать до блеска санузел. Ну, и за детьми я смотрела. Сыночек все понимал и половину еды отдавал мне. К тому же, надо было покупать лекарства, какие назначат для лечения. А денег ни копейки. Долги, кредиты, и снова долги. Обслуживающий персонал грубил.

В наш второй приезд в больнице разыгралась эпидемия гриппа. Дети все без родителей и без присмотра с температурой до 42. Антоша тоже заболел гриппом. Болел тяжелее всех. Задышался. Врачи обвинили меня, будто накормила сына печеньем и у него начался псевдотуберкулез (очень модная тогда болезнь, которую никто так и не увидел). Мамы, не оставившие своих детей одних в больнице, взбунтовались, защищая моего Тошу и требуя для него лечения. Произшел взрывной, большой бунт по всем пунктам нарушения врачами и медсестрами профессиональной этики, в результате которого врачи вылечили Антошу от гриппа за 3 дня и быстрее выписали нас. Больше мы никогда не были в областной больнице. Опыт пребывания там оказался печальным, хотя ведущие врачи-специалисты: терапевты, неврологи, генетики обладали высоким советским профессионализмом. Мне сказали, что сыночек родился без единого недостатка, с очень здоровым организмом и высоким интеллектом. И если бы не миопатия, Антоша был бы на удивление здоров.

С областной больницы мы приехали уже с точным диагнозом миопатия Дюшенна (одно из самых злокачественных, неизлечимых прогрессирующих заболеваний - отмирание мышц). Врачи сказали, что скоро не будет ходить. Мне намекнули, что сын не проживет и до 13 лет. Тогда врачи еще щадили души людей и особенно насчет клиники диагноза не распространялись. Хотя, я до сих пор не знаю, надо ли говорить родным больного и ему самому всю правду или лучше смолчать.

Я никак не могла принять, что Антоша мой так болен. Не понимала, что же за страшное существо хочет забрать моего сына. Даже в ужасном сне я не увидела бы тогда то, что пришлось видеть и переживать в течении многих лет сыну и мне наяву. Нам расписали лечение и дали инвалидность. Хотя, я совсем не хотела понимать своим материнским сердцем, что это происходило с моим сыночком.

"Я повторяю твое имя. Я обнимаю твое имя. Я называю, нечаянно, людей твоим именем. Обращаюсь к ним твоим именем. Вздрагиваю от его звучания и... тоска. Тоска. Всегда тоска. По тебе, сынок. Всеми силами души хочу вернуться туда - в твое детство. В наше счастье. И заново прожить то счастье. Я бы многое изменила по отношению к тебе. Ведь ты был самой нежностью и отзывчивостью. Был... Был... Как хочется тебя обнять. Смотреть в твои прекрасные глаза, не отрываясь. И читать в них твою любовь, мудрость. Как же хочется!"

*Я так скучаю по тебе. Так скучаю! Так сильно скучаю! Все чаще приходит осознание, что тебя не будет больше никогда. Как же я скучаю! Как же больно оттого, что ты не видел жизни. Скучаю...скучаю...скучаю.
(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"*

В раю воспоминаний.

Который раз с восторгом восклицаю: "Какой же Антошка красивенький, неженский, ласковый, веселый и сообразительный мальчишка!" Обладал прекрасной памятью. Знал много стихов и сказок. Он, как и все дети, любил путешествовать. Но, нашей мечте не суждено было сбыться. Его детство, как я уже писала выше, пришлось на лихие 90-е. Денег не было даже на хлеб. Хотя, магазины наполнены продуктами и вещами. Обычно, я не брала сына в магазин, чтобы не расстраивать. А тут пошли вместе за хлебом. А в магазине рядом с хлебным прилавком стояла витрина с пирожными и тортами. Сколько детей тогда пролили горькие слезы у этой витрины. А Антошка только прирастал к ней и смотрел. Грустно так. Но, ничего не просил. Он все прекрасно понимал. Абсолютно все. И даже без слов. К пяти годам он был уже премудрым старичком. Изрекал умные вещи, пословицы, поговорки собственного сочинения. Говорил рифмами.

Бабушка (моя мама) Галина Степановна оказалась затейливой рассказчицей. В молодости она закончила педагогический университет и по распределению попала в немецкую деревню у нас, в Сибири, куда ссылали людей немецкого происхождения. По закону военного времени.

А бабушка, тогда молоденькая красавица, прекрасно знала немецкий язык. Преподавала уроки русского языка немецким детям с первого по седьмой класс. Там и случилась у нее любовь с моим будущим отцом. Его семья также подверглась репрессиям и была сослана в Сибирь. Уже потом, после 70-х, немецкие деревни поднялись, и люди в них жили далеко не бедно, работая в богатейших колхозах и совхозах. А в мамину молодость, бедности, конечно, хватало везде.

Мой папа и был болен этой самой миопатией, но в более легкой форме, которую передал мне. И так как, девочки ей не болеют, но являются носительницами этого гена, то я перенесла мутированный ген сыну. Об этом мы узнали уже, когда нас коснулась беда. Но, не буду скрывать, у меня всегда проскакивала мысль о том, что лишь бы мой будущий ребенок не болел самой страшной болезнью. Что это? Генетическая память?

Вечерами бабушка долго рассказывала внуку о своем детстве, о жизни, о братьях и сестре (а было их 9 детей), о старинных русских обычаях и обрядах, о ворожеех, лекарях, и о том, как всей казармой потомственных многодетных железнодорожников, расположенной на втором километре от станции Юрга - 1 (казарму, выстроенную еще до войны из добротных деревянных бревен в добротные деревянные дома с большими комнатами давно снесли), отмечали церковные и советские праздники. Как отец их (мой дедушка) рвался на войну, но его не взяли, потому что он попал под бронь. Надо было отправлять поезда на фронт. Пригрозили расстрелять, если еще раз зайкнется о фронте. А бабушка с ружьем охраняла склады с боеприпасами. Как ели они мерзлую, и оттого сладкую картошку, варили суп из лебеды в послевоенное время. Как у них были одни валенки, и они по очереди ходили в школу за 3 километра от

дома. А морозы были злочие. Доходило и до -60. Как она одела валенки и пошла высыпать горящую золу и тлеющие угли. И все это высыпала себе в валенок. Валенки не сразу смогли снять. А когда сняли - оказалась оголенная кость, которая потом заросла тонкой кожей. Как плакали люди, узнав о смерти И.В. Сталина. Особенно, подробно она рассказывала, как отец первый раз принес домой комок сахара. Ничего вкуснее они тогда не пробовали. Бабушка, как ребенок послевоенного времени, знала цену пище. И всегда хорошо потом питалась.

Несмотря на лишения и трудности, мама моя очень любила свое детство. Рассказывала о нем красочно и увлекательно.

Пела Антоше свои любимые песни: "На Мамаевом Кургане тишина. За Мамаевым Курганом тишина...", "Темная ночь. Только пули свистят по степи...", "Вьется в тесной печурке огонь. На поленьях смола, как слеза...". На ночь она читала сыну сказки. Сын заслушивался, затаив дыхание. Он очень любил бабушку. Они были друзьями. Бабушка же стала выписывать внуку всякие очень красочные познавательные книжки. Сын уходил в эти книжки с головой. Раскрашивал, дорисовывал, разгадывал кроссворды, ребусы, разные детские задачки. Он очень любил свои книжки и относился к ним бережно.

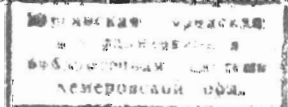
"Я люблю тебя, малыши. Мой ангел. Мой мир. Мой чистый ручеек. Ты на Земле много сделал. И никогда никому плохого слова не сказал. Ты лучший! Самый! Мудрый! Прекрасный! Вечный! Твоя душа светла и чиста. Ты видишь все с небес. И улыбаешься. Мой озончик! Сыночка, ты в моем сердце навсегда! Ты талантлив, прекрасен, умен, мудр. Моя звездочка ясная! Самая прекрасная! Твоя энергия могуча! Она простирается везде. Хранима Богом. Я люблю тебя нежно, светло, сильно! Ты вечен. Твоя душа совершенна! Умничка моя. Я горжусь тобой! Тобой живу!"
(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"

110706

Антоша был настолько энергичен, что его энергии хватило бы на вечный двигатель. Мы пропадали на улице и зимой и летом. Я всегда с ним рядом, как верный оруженосец. Зимой катались с горки на санках, дощечках. У сына была здоровенная машина-кран. На ней тоже катались с горки.

Помню, где-то, в 1994-ом году, впервые в городе должен был прогреметь салют на Новый год. И мы повезли сына вечером, по темноте, на санках смотреть салют. Стояли морозы -40. На это зрелище собралось много юргинцев с детьми. Когда грянул первый, ужасно громкий залп, люди разбежались в разные стороны. Мы тоже испугались. Я еле поймала Антошку. В зимнем ночном небе расцвел цветок необыкновенной красоты! Все пришли в восторг. Потом начали хлопать в ладоши и улюлюкать.

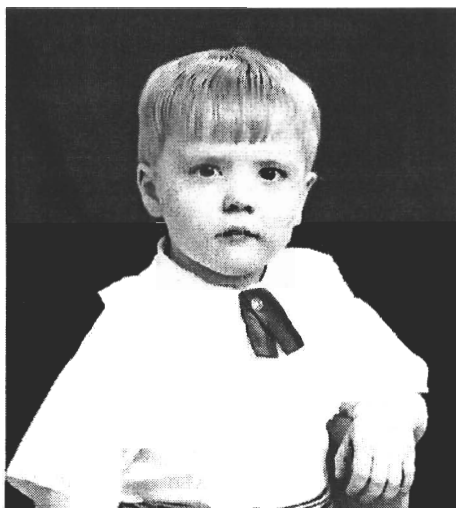
А весной, году в 1995-ом, тоже впервые, на День Победы к мемориалу воинам, павшим в Великой Отечественной, подогнали танки. Дети рвались к этим машинам. Потрогать, залезть. Тогда было разрешено осматривать локи. Но когда ошты же грянул первый танкистский залп страшной силы, дети

бросились враспынную. Потом пошли на военное представление, которое проходило перед Администрацией города. Солдаты "оживили" сцены военных битв. Люди вздрагивали от взрывов, дети разбегались по сторонам.

Летом мы купались на речке, разъезжали по окрестностям на мотоцикле. А еще Антоша очень любил полоть травку на грядках. Сядет по-турецки на землю и так выпалывал все грядки без отдыха.

Когда сыну исполнилось шесть лет, я отдала его в специализированный садик для детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Сын с большим удовольствием стал посещать этот садик. Он попал почти в домашнюю атмосферу. Профессиональные воспитатели, тут же врачи, логопеды, массажный кабинет. За детьми ухаживали, как за своими. Берегли и жалели. Давали витамины. Проводили много интересных мероприятий. Но самое главное, Антоше было позволено не спать в обед. И не только ему. Когда дети спали - те, кто не спал, играли в соседней комнате. А еще, придя в этот садик, Антоша оказался самым здоровым по тому времени. Широкоплечий, большой, розовощекий, он напоминал маленького богатыря. Но, это было только видимостью. Богатырем его делала прогрессирующая болезнь, превращая мышцы в жир. Однако, Антоша один из немногих мог ходить и помогать детям. И он это делал. Я бы назвала это врожденной ответственностью и отзывчивостью. В садике нарекли сыночка "Пшеничкой" за его русые волосики, нежное личико, и доброе сердечко.

1993-й год. Антоше 4года.

Дома он с восторгом рассказывал, чем они занимались в садике. Рисовали, лепили, вырезали снежинки, играли в интересные, познавательные игры. А

через месяц наш малыш перестал картавить. Врач - логопед прекрасно поставила ему произношение всех звуков. Этот садик стал для сына раем на два с половиной года. Антоша абсолютно не замечал своей непохожести на здоровых детей. Он чувствовал себя нужным, сильным, как говорится "в своей тарелке". Помогал детям мыть руки, подносил стульчики, игрушки. А ведь дети в его группе были не только плохо ходящие, но и те, которых носили на руках. И воспитатели безропотно исполняли свою работу, любили этих страдающих детей. Ведь они понимали, что ждет таких ребятшек за стенами этого садика тяжелое будущее. До конца своей жизни Антоша поддерживал дружбу с воспитателями его группы.

А пока мы с сыном игрались, бодались (лоб у него был просто каменный - еще одна способность этого генетического заболевания - в крепких костях, ведь такие дети много падают), шутили, пели песенки, приплясывали, смеялись, смотрели мультфильмы "Ну, погоди!", "Том и Джерри", "Чип и Дейл", "Мишки Гамми". Папа стал называть Антошу "Мишка Гамми". Сыночек и правда был похож на этих обаятельных бухрячков из мультика. Утром Антоша просыпался и разговаривал с бабушкой (они жили в спальне). Когда они слышали мои шаги, бабушка заговорщически шептала:

- Мама идет, давай притворимся, что еще спим!

Я входила в комнату.

- Антоша-а-а, вставай!

Антоша старательно делал вид, что спит, хотя не мог скрыть улыбки. Я подходила к нему на цыпочках, чтобы он не слышал. Сыночек открывал один глаз, подглядывая, где же я. Увидев меня, тут же зажмурился, а сам уже "давился" смехом.

- Антоша-а-а, Вставай пришел, тебя нашел. Сейчас закусает, защекочет!

И начинала его тормошить щекотать, целовать в тугие щечки. Антошка заливался смехом. А смеялся он всегда тихо, но задорно, от души. Потом как всегда говорил:

- Мама, ты, прям, как маленькая. Все не наиграешься.

А я ему пела: "Ягодка моя, Солнышко земное! Где, в каких краях встретились с тобой?" Прижималась к его тугой щечке. В профиль видела хитрющий, сияющий глазик-смородинку. Так и остался у меня в памяти этот образ - самый любимый.

До вечера сынок пропадал на улице. Своим слабеющими ножками он обошел все, прилегающие к нашему дому, квартала и окрестности. Потом, мы купили ему велосипед "Школьник". И на нем он объехал весь город. Для

здорового человека это ерунда, для Ангоши же это было преодоление себя. Мы радовались каждому его движению, которое он не должен был делать по данному заболеванию. Но он это делал! Через силу. Простые, незатейливые движения - такие, как поднять кружку с водой и выпить, как обуться, одеться, взбежать по лестнице. Все это было для нас с ним преодолением. И мы восклицали от восторга и удивления. А Ангоша светился счастьем, что смог.

Вечерами мы всей семьей играли в лото, в пашки, в другие игры. Но, по взрослению сына, его ручки слабели. И мой малыш все чаще придумывал причины, чтобы не играть. Хотя, видно было, что ему очень хотелось. Но, об этом мы молчали. Друг друга понимали без слов.

Как и я в детстве, Антоша хотел стать сначала космонавтом, потом ветеринаром, милиционером. Но, позже, когда он понял, что не стать никем - перестал загадывать профессию. А пока у него появилось новое занятие. Он рисовал планы - планы городов, кварталов, гоночных соревнований и звездных войн. К 6-ти годам сын прекрасно разбирался в любых планах и умел видеть и рисовать все предметы в объеме и в разрезе. Даже самые сложные разрезы он прекрасно рисовал. И до школы мой малыш разрисовывал планами целые тетради и играл по ним в гонки, бои - морские, уличные, звездные. Рисовал интересные летающие тарелки, похожие на дирижабли, загадочные звездолеты, приплюснутые космические корабли. Рассказывал мне об инопланетных жителях. Но более всего его с самых малых лет интересовала жизнь после жизни. Антошка смотрел художественные фильмы об этом, научные фильмы, читал работы ученых. И это в 6 лет. Мы много беседовали с ним о вечной жизни души.

"С твоим уходом я потеряла все, сынок. Потеряла прекрасное, разностороннее общение. Я так скучаю по твоим мыслям, по твоему мнению, по твоим рассказам, новостям. Ты следил за всеми событиями в мире - политика, медицина, открытия, обсуждения, исследования, путешествия. За всем. И все мне рассказывал, показывал. Я потеряла духовный мир, духовное развитие. У нас с тобой разговоры были - если бы кто послушал, подумал бы, что с Луны свалились на Землю. Всё говорили о заповедье этого мира, этой жизни. Какой же ты, сынок, у меня развитый! Как мне тебя не хватает! У меня больше ничего нет. Только надежда на встречу и боязнь, что я так устану жить, что потеряю способность чувствовать. И встреча наша произойдет не так, как я мечтаю. У тебя, сыночка, будет своя жизнь, где ты уже привыкнешь. А у меня душа вся отомрет, останется только оболочка от нее. Жить в пустом мире столько лет, не высказать свое мнение, не услышать твоё спокойное мнение... Я потеряла всё. (Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"

Мы любили всей семьей выезжать на природу, обследовать ближайшие леса, поля, собирать грибы, ягоды. Про каждый грибочек, цветочек бабушка с внуком сочиняли сказку. К тому же, наша бабушка оказалась прекрасной травницей. Она рассказывала внуку про каждый цветочек-лепесточек. Сын

очень любил, когда мы подъезжали к железнодорожному мосту и смотрели, как по нему идут поезда. Сколько было радости и восторга. А какой пейзаж! Как много неба и реки! Как много поля и леса на той стороне реки!

В моей душе, конечно, поселилась боль из-за болезни Антоши. Ночами я представляла, что его не станет. Как же я без него. Что было в Антошиной душе, даже мне - маме неизвестно. Он всегда улыбался, рассказывал новости, какие услышал по телевизору или еще где-то. Казалось, сыночек и не замечал, что болен.

А я так и не могла представить, что нас ждет, поэтому меня больше тревожило то, чтобы Антоша не встал на ложный путь, не пристрастился к вредным привычкам. Я подбирала статьи о вреде наркотиков, алкоголя и курения, рассказывала сыну какие-то случаи. А он со своей стороны разбирал со мной такие понятия, как душа, совесть, честь, честность, верность, преданность, отзывчивость, духовность. Но главной темой по нашей с ним судьбе прошла тема о вечной жизни после жизни. Антоша всегда оживлялся, когда рассказывал о жизни за чертой. Так и дожили до момента, когда надо было идти в первый класс. Отвели в садике выпускной, простились с райским местом. И вперед. В новую жизнь, которая разбила все наши мечты и чаяния, причем, почти сразу.

Перед школой.

Сейчас, с высоты прошедших лет, все те переживания, слезы от гонений сына, обиды - все это сгладилося. Тогда же начиналось тяжелое время и для сына, и для меня, но об этом мы еще не знали.

"Мальши мой, я так соскучилась. Прости, что устала бороться. Ничего без тебя не надо, сказка моя. Ты подарил мне столько теплоты, сколько не подарят люди всего мира. В тебе была кладезь любви, доброты, мудрости. Скучаю по твоему взгляду, голосу, словам, тихому искреннему смеху. Во всем, что ты делал, быци огромная сила духа, мудрость и бесконечная любовь. Ты любил все! Любил каждую секунду своей короткой жизни.

Я слышу твоё дыхание, сынок. Сквозь километры ледяной разлуки. Слышу бичение сердца и улыбаюсь своим мыслям. Мне тепло с тобой. Вряд ли можно объяснить нормальному человеку, что происходит между нами. Этого "между" не существует. Сушествуем только "мы". Наш мир. И сколько бы километры не пытались нас разделить, им это не под силу, потому - что, где бы ты не был, я слышу тебя, сынок, вижу тебя, осязаю тебя. Это больше, чем любовь. Этому еще не придумано имени. Живу тобой, родной мой. Просытаюсь и засытаю каждый день в тебе. И чувствую себя каждое мгновение объятай твоей неизмеримой нежностью. Мой рай - в свете твоих счастливых глаз. Мой воздух - это твоё дыхание. Мой мир - в твоих снах. Мое счастье - в твоих ладонях.

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"⁴

Перед школой, мы узнали, что в Томске делают "миопатам" операции по посадке клеток. Якобы, это не дает болезни прогрессировать. Я все также не замечала, что болезнь прогрессирует. Не хотела замечать. А Антоша не жаловался. Он спешил жить. Пока ходил - спешил жить природой. Когда стал не выездным, спешил жить информацией, как можно больше. Просто "глотал, впитывал" информацию в больших количествах.

В лихие 90-е мы взяли очередной кредит и поехали в Томск на посадку клеток. Врачи называли их "заячьими" (вроде, когда подсаживаешь, ребенок начинает даже прыгать). Нам было обещано 99,9%, если не излечения, то возможности нормально жить и передвигаться. Но, я - молодая мама, не зная, какое страшное и абсолютно неизлечимое генетическое заболевание прогрессирует в моем сыне, была согласна на все. Меня врачи не посвящали в то, что не нужно лечить ребенка. Это бесполезно. Они просто брали деньги.

И мой сын после этой операции чуть не умер. Не пошел наркоз. Пять дней его рвало. Не спали, не ели. Потом я вдруг увидела, что у Антоши глаза впали, а под ними образовались синяки. Я пришла в ужас. Потеряла контроль и сказала, что засужу врачей, если мой сын умрет. Что было интересным - к тому времени Министерство Здравоохранения запретило проводить эти операции, за их бесполезностью и осложнениями. Но, об этом мы узнали тоже после. Однако, моя решимость все сделать для излечения своего ребенка была неоправданно упрямой. Медсестра мне ответила:

-Вы знаете, как страшна миопатия? Он все равно умрет.

- Это будет потом, а вы сейчас убили моего сына.

Тогда они принесли укол с каким-то успокоительным. Для меня. Я наотрез отказалась. Они принесли что-то в ложечке. Сказали, что безобидное успокоительное. Я выпила. Эта "безобидная" настойка оказалась очень крепкой и изменила всю мою дальнейшую жизнь. После недельного бодрствования, меня просто сбило с ног. Может, если бы выспалась с день-два, все и прошло бы незаметно. Но я забылась всего на час. Потом меня разбудили. Надо было вставать, а я не могла проснуться. Было невыносимо плохо. Это недосыпание, потом, через месяц, вышло боком. А Антоше стало лучше. Ему надо было ходить. Лежать он не мог - мутило. Я за ним, еле-еле. Не знаю, как сама выжила, но после этого у меня начались жуткие головные боли, а через месяц грянула депрессия, которая со мной по сей день.

Депрессия была страшной. Я не хотела жить. Не могла жить. Постоянно плакала и мучилась от ломоты души. Все вокруг казалось обманом. Объекты потеряли объем. Я жила, как - будто в оборванном рисунке. Похудела до 32кг. Соседи говорили: "рак". И хоронили меня. Я и сама себя хоронила. Потом, через 3 месяца своего увядания вдруг я увидела грустный, сиротский взгляд сына. Боже, он же все понимал! Он понимал, что стал никому не нужен. И я мгновенно решила - надо жить! Безрезультатно походив по врачам, стала

выходить из депрессии сама. Сама и назначала себе препараты. Обострение прошло, но депрессия осталась со мной и по сей день.

То лечение, что сыночку расписали в областной больнице, тоже совершенно не пошло ему. Ни один препарат не пошел. Он даже побывал в реанимации от побочных эффектов. Получил передозировку в уколе. Открылась рвота и другие осложнения. Вызвали скорую. Увезли в детскую больницу. Мама стала кричать, что в их палате не нужен заразный.

- Да, не заразный же он, мамочки! Передозировка у него.

- Нас это не касается. Убирайте его!

Нас положили в жутко холодную процедурную. Антоше становилось все хуже. Но какой же это был терпеливый малыш! Почти без сознания, он не отпуская с ручек тазик, чтобы, в результате рвоты не замарать больничное белье. К вечеру вызвали реаниматологов с районной больницы. Несмотря на лихие 90-е, врачи тогда еще были с советским сознанием и знаниями. Привезли сына в "районку". Моего маленького бутузика. Врач унес его в реанимацию на руках, сказав мне на прощание:

- Передайте горячий привет медсестре, которая поставила этот укол. Кризис еще впереди.

Утром сыночка мне отдали. Нас перевезли назад, в холодную процедурную. Антоша рассказывал мне, что тетя-врач всю ночь сидела рядом, не отводя от него взгляда. Следила за капельницами и гладила моего сыночка по голове. Вечером мы ушли домой. Сами.

Гормоны же, которые ставили сыну, когда ему было 6 лет, совершенно были не нужны в таком маленьком возрасте. Стали расти усики. И это в 6 лет. Я отказалась от такого лечения. Но, поздно. Гормоны сделали голос сына грубым. Больше его смех не звенел, как колокольчик. А потом начался эписиндром, как побочный эффект от препаратов, который тоже стал мучить Антошу. Дело в том, что мозг сына был и так энергичен. Врачи сказали мне в самом начале, что миопатия Дюшенна обладает компенсирующим характером - забирает физические силы, но взамен дает высокий интеллект.

Поэтому, вообще не надо было ставить препараты, которые повышают энергию. Излишняя энергия вызвала судорожный синдром, от которого мы принимали еще один препарат до 15 лет, чтобы укротить и без того через край шлепущий энергетический поток. Лечение от миопатии прекратили. Я заваривала травки, смотрела, чем лечатся другие "миопаты". В общем, нельзя давать ребенку что попало. Даже, если это помогает (якобы) другим "миопатам". Все должно быть сугубо индивидуально. Или вообще ничего.

До 13 лет, несмотря на всяческие "подводные камни", все шло неплохо. Конечно, миопатия прогрессировала. Антоша ходил уже на носочках. Позвоночник просел. Массаж и прочие попытки против контрактур не

помогали. Сын перестал ходить в 13 лет. Но инвалидную коляску нам дали, когда ему было 11 лет. Антоша сел на нее с удовольствием. Сильно тяжело ему было ходить. И он был рад этой коляске. И мы гуляли по городу.

Один раз я оставила моё Солнышко около магазина. На инвалидной коляске не везде можно проехать. Когда вышла из магазина, то не увидела сына. А мамой я была фанатичной. Исчезновения сына вызывали во мне мгновенную панику. Меня бросало в жар от мысли, что больше никогда его не увижу. Тогда я просто металась по улице в поисках Тошки. Ведь он болен. Вдруг ему нужна моя помощь. А сын, как всегда, спокойно появлялся из-за угла на коляске.

- Антоша, ты куда пропал? Не пугай меня так!

- Мама, я стоял перед дверью, а люди мне деньги давали. И я спрятался. Сын смотрел на меня виноватым взглядом. Но, я была счастлива оттого, что Антоша снова рядом.

-Правильно, сыночек. Не нужно брать деньги.

Однако, находились люди, что насильно совали нам деньги. Видно было, что они это делают от всей души. Приходилось брать раза два. Один раз из этих двух была женщина, которая сильно плакала:

-Возьмите, пожалуйста, деньги.

-Не нужно, у нас все есть.

-У меня тоже сынок болел. - плакала она - Возьмите.

Пришлось взять.

*"Ты - мой прекрасный сын! Я не могу без тебя! Люблю! Моя любовь живет теперь в небесах, мои слезы на земле, моя душа с тобой, сыночка. А меня больше нет! Разлетелась на осколки. Память не отпускает, мысли долбят мозг, нет чувств, и вроде, меня тоже нет, но я страдаю. Как в клетке. Люди ходят, я их вижу, а навстречу пойти не могу. Горе-клетка выставила преграды. "...И только боль...верная подруга, мое дыхание стережет..." - как ты писал, Тошенька. Невозможно больно. Голоса твоего не слышу, тепла твоего не чувствую, волосики твои не глажу, щечки, ладошки не целую, пальчики не грею. Люблю тебя вечно, зайчонок!
(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама) "*

Здравствуй, школа.

Ну, поближе к школе. К тому времени было модно где-нибудь в районе школы держать филиалы начальных классов. То, есть делить начальные классы. Например: ученики из первых классов "а" и "б" должны были ходить учиться в школу. А ученики классов "в", "г" и т.д. должны были ходить учиться в филиал. Сама школа располагалась за нашим домом, а филиал намного дальше. Я пришла записывать в школу сына. Перед этим он прекрасно прошел тест. Встреча происходила с завучем школы (а также депутатом), с уважаемой, как я поняла, и с большим стажем работы в школе, женщиной. Я ее помнила, когда сама училась в этой школе. Тогда она была начинающей учительницей.

-Здравствуйте, я пришла, чтобы попросить Вас оставить моего сына в школе.

-Почему?

-Школа располагается за нашим домом.

-Ну и что?

-Мой сын болен. Ему тяжело ходить и...

-Болен? А зачем нам такой? - перебила она меня.

-Что? - не поняла я.

Завуч осеклась и замолчала. Больше не проронила ни слова. И ушла, оставив меня глупо улыбаться. Так я поняла, что сладкая жизнь наша окончена. Сына записали в первый "б" класс. И вот настало 29 августа 1996 года.

29 августа 1996 года. На переключку в первый класс готовы.

Мы, празднично одетые, с праздничным настроением, идем на переключку. Антоша такой важный! Ведь он уже взрослый. Он искренне радовался перемене в своей жизни. Пришли все его друзья - одноклассники, с его квартала, с его дома. Они попали в один класс. И все радовались этому. Погода стояла жаркая. Все были счастливы и энергичны.

А потом начались будни. Занятия в школе. Антоша ходил уже не так, как все, а вразвалочку (типичный признак миопатии). Но, еще пытался бегать. Голос его был грубее других голосов из-за гормонов. На уроках он учился, на переменах бегал с мальчишками. Действительно, трудно было унять его позитивную энергию.

Но, первой учительнице мальчик и еще несколько ребят вместе с ним, пришлось не по душе. Невзлюбила она его сразу. Потому что не такой, как все, а значит, больной. Может, и на голову. Кто его знает. Она стала занижать ему оценки, придираться к не так написанным буквам, цифрам. А почерк у Антоши был папин - каллиграфический. Справлялся со школьной программой он на высший бал. Но, учительница, почему-то стала его оставлять после уроков, как отстающего, позорить на уроках. Постоянно наказывала Антона перед классом, оглашая приговор перед ребятами: "Сегодня Антон медленно писал, поэтому мы не будем с ним разговаривать". Дальше - больше. Стала унижать его при всем классе и даже... бить, о чем мне и рассказали девочки из класса сына.

В один прекрасный весенний день я пошла встречать Антошу со школы. Но его уже провожали девочки с нашего квартала и рассказали мне, что сегодня Антошу по голове сильно ударила учительница. Он, в свою очередь ударился о парту и разбил нос. Увидел кровь и заплакал. Учительница сделала вид, что не замечает этого. Так и сидел Антоша. Со слезами. И с кровавым носом. Я начала расспрашивать сына. Он не любил жаловаться (мама же так учила). Оказалось, что учительница вроде бы за спиной сына потянулась закрыть форточку и в это время сильно Антошу ударила головой о парту, разбив нос. Я стала ходить на уроки. Антоша действительно боялся учительницу. Ученики писали контрольную, и учительница встала за спиной сына. Он втянул голову в плечи и не шевелился весь урок. А учительница все мигала мне: "Видите, он ничего не понимает." Я же была ослаблена изматывающей, постоянной депрессией, и избегала открытых столкновений. Да, и боялась еще больше навредить сыну. Но, безнаказанность рождает бездушные. Таким образом, с легкой руки первой учительницы, Антошу бросили друзья, потом стали ненавидеть мамы друзей, потом соседи, потом открылась просто "травля".

Я же смотрела диктанты детей. У них было много ошибок, но стояли оценки 4-5. У Антоши были, якобы, не так написаны буквы и в результате оценки 3-2. Сыночек начал прекрасно рисовать. Учительница ставила ему двойки, говоря, что это рисует мама. В общем, она стала намекать, что Антон школу не тянет, а ему надо в 13-ый интернат, где учатся умственно отсталые дети. Одного мальчика ей удалось туда сдать. После очередной двойки по контрольной ни за

что, моя мама позвонила ей и сказала, что соберет комиссию по переаттестации внука. И пусть комиссия увидит его способности. Учительница начала ставить ему пятерки. Как бы она его не ненавидела, а в четверти у нее не было причины поставить хоть одну тройку Антоше.

Но, гнобить она его стала тонко, морально. Через детей-одноклассников. В праздниках она мальчишку не задействовала, и он сидел в сторонке, покинутый и несчастный. Антон прошел за 3 года обучения в школе настоящий ад. Он понял, что не такой, как все. Вернее, ему дали понять, что он не нужен обществу, что он общество оскорбляет своим немощным видом. И...сын стал забытым, несчастным, молчаливым ребенком. Потенциальной жертвой.

Как бы я не боролась, а учительница делала свое дело. Антон ушел в себя, стал слабеть быстрее. Он был "гадким утенком". В третьем классе мы сделали Антону третью бесполезную операцию по подсадке клеток. Я попросила учительницу, чтобы дети осторожнее обращались с сыном, у него еще шов не зажил. И вдруг, мальчишки стали его ронять (а подняться сам он уже не мог) и пинать в шов. Скидывали его учебники с парты. А Антоша книжки любил и жалел.

Я пришла, встала перед классом и просила детей дать доучиться сыну этот год. Не бить его. Учительница криво усмехалась. Когда я уходила, один мальчик мне сказал: "Вы уйдете, я его вообще убью". Тут уже предел моего терпения закончился. Унижение Антона учительницей, молчание по этому поводу директора вынудило меня решить перевести сына в другую школу, уже на домашнее обучение.

И вдруг меня стали уговаривать не делать этого. Оставить ребенка в школе, но перевести в другой класс и на домашнее обучение. Сын мог еще ходить в школу, но это уже не надо было ни ему, ни мне. Наплакались мы от учительницы - бабушка, я и сын. Дошло до того, что Антоша пришел со школы, упал на пол и плакал горько, приговаривая: "За что меня так? Я больше не могу. Я же человек."

Больше не стало общительного мальчика. Сейчас, через 20 лет, я пишу об этом и плачу. Начинает болеть сердце. Сын больше не разговаривал, не хотел на улицу, ведь друзья - одноклассники жестоко стали к нему относиться. Все увидели его инвалидность. Соседей раздражал его убогий вид. Ведь мышцы переставали держать позвоночник, и Антоша стал ходить очень медленно, на носочках. Все сильнее ослабевали ручки, ножки, спинка. Мой светлый мальчишка уже не мог кататься на велосипеде. Ему было 9 лет. Мой сыночек - мотылек сидел дома, часами смотрел в одну точку и молчал. Мы думали, что Антошка погибнет.

"Вот был же ты у меня, был! Сыночек мой ненаглядный! Но как же так, почему? Господь решил поднять тебя на небо к себе, меня оставив одну страдать. Без тебя, сына, моего лучика, мне воздуха не хватает здесь. Мир вижу или не вижу. Кто это знает! Ослепла от слез. В голове память, запечатала мои клетки. Свербит, болит. ноет. Сыночка, мальчик мой, люблю, люблю! И пусть ты на небе, я с тобой всегда говорю, везде, повсюду. Иду,

рассказываю, плачу. И верю что ты меня видишь и слышишь. И с этой верой живу.

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"

Я, как могла, защищала своего ребенка, отгоняла озверевших, пинающих сына, детей. Ходила по родителям, умоляла, просила, плакала, кричала, чтобы воспитывали своих детей. Чтобы рассказали им, что нельзя обижать слабых. А дети Антошу кормили землей. Я была на грани срыва. Я же мать! Только, видимо, другие матери так не думали и позволяли и, даже поощряли издевательство над Антошей. Детская жестокость страшна. Окружающие готовы были ребенка разорвать. Одна дама мне даже сказала: "Я сейчас позову мужа, и он толкнет твоего сына". Это в ответ на то, что мой обесиленный мальчик, якобы толкнул ее здорового мальчика и причинил вред тому.

И я все-таки схватилась с ними со всеми в один из теплых, летних вечеров. А случилось то, что Антоша сидел на травке. Он все равно не верил в жестокость и еще тянулся к бывшим друзьям. Один мальчик с разбега пнул его по спине в районе почек. Сына парализовало от боли. Он еле дошел до угла дома и позвал меня. Ватага ненавидящих его людей уже собиралась. И я поняла, что на этот раз "выгрызу" сына у них. Посмотрела спинку. На ней вспух след от кроссовка. А мышцы у Антона всегда воспалялись от ударов. Тогда, впервые, я вызвала милицию. Мне не дали завести сына домой. Набросились с ненавистью и упреками. И я дала бой полусотне человек: дети, матери, соседи. Антоша сидел на траве и плакал. От ненужности, от обиды за меня. Потом мы еще дома плакали.

Да, вспомнила, этим же днем произошел случай. Как я уже писала не раз, сын никогда не жаловался на то, что его били. И выспросить тоже было практически невозможно. А тут он играл в песочнице. Сидел на бревнышке и строил домики из песка. И вдруг великовозрастный подросток начал требовать с него деньги и методично пинать в висок. Этот парень всегда обижал сына за его инвалидность. Да, и слабых сподручнее обижать. Они же сдачи не дадут. Допинал до того, что Антоша почти ослеп. У него заболела голова. Тогда он пришел домой и рассказал мне об этом. Сыночек сильно плакал от унижения и собственного бессилия. Я пошла к родителям 16-ти летнего подростка. Стала им говорить о жестокости их чада. Тут же пришло их чадо. Разорвался, раскричался, забегал по комнатам. Родители даже что-то против боялись ему сказать. Он кричал, что инвалидам не место в жизни. Что они должны сидеть дома и не оскорблять своим видом людей.

-А если ты станешь инвалидом и с тобой так? - спросила я

-Я что дурак становится инвалидом! - дико орал он, тяжело ворочая красными белками глаз.

А через месяц его сбила машина. Мозг умер сразу. Кома. Этот подросток даже не стал инвалидом. Ему было 16 лет. Здоровому, высокому и жестокому.

В этот день нами были пролиты последние слезы из-за ненависти людей. Потому что, они, вдруг, стали все умирать. От мала до велика. Сейчас уже никого не осталось. А кто остался из молодежи - стали наркоманами. А Антоше было дано еще 10 лет. Изю дня в день он показывал, что обездвиженный, может достойно и плодотворно прожить короткую, но такую насыщенную красотой и духовностью жизнь.

История жизни Антоши продолжается.

И так, как-то незаметно, закончилась черная полоса, переродив веселого мальчишку в мудрого, малоразговорчивого юношу, который не сошел с ума. В своем молчании и уединении он пересматривал свою жизнь. А мы то уже испугались. Сынок переродил себя, возродился, как птица Феникс из пепла. Оказывается, Антоша провел над собой огромную мыслительную работу. И это в 9 лет! И...стал писать стихи. Талантливый человек талантлив во всем. Вдруг, я начала находить за его учебным столом скомканные бумажки. Сначала просто пылесосила их. А потом развернула одну, а там...стихи. И какие стихи! В 9 лет не всякий такие напишет.

*Гори же, мой костер, гори!
Да не померкнет это пламя!
Дорогу в жизнь мне озари!
Дай силы мне в дни испытаний!
Согрей меня теплом своим!
Сожги все то, что сеет грусть.
И свет надежды и любви
Пролей на мой далекий путь!*
(Антон Гапоник в 9 лет)(07.12.1989-27.09.2013)

В 1999 году. Антоша, никому не сказав, написал письмо Губернатору Кемеровской области Тулееву Аману Гумировичу, которого очень любил за его силу воли и стремление помочь выжить кузбассовцам. С пяти лет сын интересовался политикой и выборами. Уже тогда Антоша слушал Амана Гумировича по телевизору, и все ему в нем нравилось. Сын впитывал речи молодого политика. И мы все вместе с сыночком так радовались, что в 1997 году Аман Гумирович победил на выборах и стал Губернатором Кемеровской области. И Антоша поздравил Амана Гумировича с 55-летием в стихах. К этому времени у сына уже лежала тетрадь, вся исписанная стихами. Когда я нашла бумажки за столом, то сказала сыну:

- Заведи тетрадь, мальшц, и пиши.

-Мамулечка, ну какой я тебе мальшц? - смеялся Тошка.

Но, сыну нравилось, что я называла его ласково - "сыночек - мотылек", "клубочек счастья", "Антошка-картошка, на пузе барабан, ходит, играет по всем городам", "сыночка - лапочка", "моя ласточка", "Топтик", "Тонечка", "Антохин", "стойкий, оловянный солдатик", "маленький Мук"

С этих пор сын стал писать сочинения, которые занимали первые места. Даже на международном уровне. Он постоянно писал стихи. Не прятал их, и сам не показывал. Но, взглядом просил: "Мамочка, оцени." И всегда смущался, когда читали его стихи. Он писал много и ничего не правил. Говорил, что стихи как будто кто ему диктует.

"Как создаются стихи? Откуда берутся слова? Как складываются рифмы? С самого детства я постоянно задумываюсь над этим. Часто возникает чувство, что всё, о чём пишу, мне до боли знакомо. Что, когда-то это уже было мной пережито. Порой, я сам удивляюсь, что могу передавать свои чувства и мысли в стихах. Иногда стихи просто наслаиваются в моей голове, громоздятся друг на друга. Сердце начинает учащённо биться, в душе возникает волнение, ожидание чего-то прекрасного. Я чувствую, что оно во мне, это прекрасное, завладевает всей моей сущностью, пленит и уводит за собой в другой мир. Мир, наполненный дыханием ветров, шелестом листьев, шепотом дождей, журчанием ручейков. Мир, в котором живут любовь, нежность, мечта, потому в нём так тепло и уютно. И тогда, вместо стен, я вижу берёзовую рощу, вместо окна – синее небо, вместо кресла олицуцию крылья. И... «моя душа вдруг становится птицей». И вот я уже лечу, лёгкий и свободный. Необыкновенное чувство! Это чувство я передаю в своих стихах.
(Антон Гапоник в 18 лет)"

Темы были разнообразны, так как сын сам стремительно разносторонне развивался. И сейчас я вижу, что каждое его слово было на своем месте. Не убавить, не прибавить. Он с рождения верил в Бога. И эту веру пронес через свою жизнь.

"В моём понимании Бог – это Вселенский Разум, который создал всё, что нас окружает, создал нас самих. Разум Великий, Вечный. С самого рождения, находясь ещё в неведении, мы начинаем свою жизнь с полёта к Свету Знаний через всемогущий Разум, который заполняет собой всё, и который мы привыкли называть Богом. Мы живём в Боге, но не пускаем его в души. Он приютил нас, а мы изгоняем его. Отрицая Бога, мы отрицаем всё, в том числе, и себя. (Антон Гапоник в 18лет)"

Антоша продолжал активно интересоваться политикой. Благодаря ему, я помню, как в 2000-м году затонула подводная лодка "Курск" с моряками-подводниками. Мы всей семьей не отходили от телевизора много дней, в надежде, что подводников спасут. Плакали от отчаяния и сожаления.

В 2001-м рухнули американские башни-близнецы, упокоив под своими руинами бесчисленное множество людей. Мы также со всеми народами сострадали и плакали. А в 2003-м теракт в Беслане, когда ученики пошли в школу и...погибли. А в 2004-м теракт во время мюзикла в Норд-Осте. Сколько там осталось жизни.

Все эти трагедии человеческих судеб Антоша пронес через свое сердце. И писал, писал стихи. О Родине, о городе, о природе, о Боге, о маме, о любви, о солдатах войны, о трагедии в Беслане. Ведь он был ребенком непонятных перестроечных лет и видел, как стала меняться страна. Откликнулся на любое событие. Защищал свою Родину пером. Не переставал радоваться каждому рассвету. И почему-то грустил с каждым закатом.

И вдруг, через несколько дней к нам приезжают депутаты из Кемеровской Администрации. Красивые, подтянутые, интеллигентные, вежливые. С цветами (создалась шумная торжественная обстановка). И говорят:

-Антоша, Аман Гумирович прочитал твое письмо и был рад, что в Кузбассе появился еще один талантливый мальчик, который несмотря на недуг, стремится стать полезным обществу. Аман Гумирович поручил нам преподнести тебе эти цветы и спросить есть ли у тебя еще стихи. И если есть, то забрать их в областную редакцию, где Аман Гумирович на гонорар, полученный от своей книги, профинансирует выход сборника твоих стихов. А так же, Аман Гумирович интересуется, в чем ты нуждаешься.

-Спасибо большое! У меня все есть. - Антоша перевел дыхание. (Потом он сказал мне, что от неожиданности даже забыл, что не дышит) - Но, я хотел бы инвалидную коляску с электроприводом.

-Хорошо, Антоша, мы передадим твою просьбу Аману Гумировичу.

Антошка затаил дыхание. Он не ожидал, что вообще последует ответ. Просто написал от души. И никому не сказал. И с этого письма началась письменная дружба Антоши с Аманом Гумировичем. Антон расцвел. Получил мощный заряд бодрости. Это был уже другой Антон. Антон-поэт. Антон-мудрец, Антон-победитель. Он давно не нуждался в друзьях. Но небольшой круг друзей все же сформировался (уже потом и ненадолго).

Четвертый класс Антон начал учиться в 4 – он "а". Недаром говорят: "Школьное воспитание детей начинается с учителя". Нина Николаевна Ситник за три года воспитала прекрасных, самостоятельных, свободных в общении, всесторонне развитых детей. Совсем другая атмосфера. Правда, Антоша тоже был уже другим. Закрытым в себе. Поэтому ни в том, ни в другом классе он, позже, себя не помнил. Он простил все унижения. Да даже не простил, а просто они коснулись его вскользь. Сын умел не помнить плохое. А 4-ый "б" стал неуправляемым. Ведь все они унижали сына. Жертва была одна. Когда же лишились жертвы - стали бить друг друга. И мне даже кто-то сказал из родителей того класса: "Зачем Вы забрали сына. Все же было хорошо." Так и канул в лету 4-ый "б" класс. Крайне не дружный.

Домашнее обучение. Компьютер. И Чернышка.

У Антоши опять заблестели глаза. Он снова стал веселым, только говорил уже совсем взрослые, мудрые, с глубоким смыслом, фразы. Говорил мало и точно. И шутил так же. Сына перевели на домашнее обучение. Он слабел, а кабинетов стало много. Первый раз пришла новая учительница Нина Николаевна. Антоша смотрел на нее затравленным взглядом. Весь сжался, в ожидании, что опять будут бить по голове. Но, Нина Николаевна оказалась очень добрым человеком. Она быстро нашла подход к сыну. Да и как не найти. Антоша всегда охотно шел на равноправное общение. Оказалось, что сын намного опережал школьную программу. И стал получать одни пятерки. С тех пор до девятого класса он был круглым отличником. Знания давались ему легко. Антошка никак не понимал, зачем люди считают столбиком, если можно все быстро сосчитать в уме. Так учительница и не смогла добиться от него этих самых столбиков.

А тут Антоша заговорил о компьютере. Узнал ли из телевизора, сказал ли кто, но сын быстро понял все возможности компьютера и очень хотел его иметь. Это было для нас роскошью. Очень дорого. Тогда сын обратился к предпринимателю сам, и тот дал ему первый компьютер с маленьким монитором. Как Антон был счастлив! Он стал печатать стихи, переводить тексты, смотреть любые фильмы. А его интересовало все параллельное и паранормальное (жизнь после жизни). Я тоже увлеклась и пристроилась рядом. Мы смотрели художественные, научные фильмы и комментировали все подряд. У нас получались насыщенные беседы. Мы были счастливы (эх, продлить бы его навсегда!). А вечерами устраивали чаепития со сладеньким.

Бабушка - затейница - рассказчица, Антоша - звездный мальчик, живущий не в этом мире, и я - счастливая мама, плачущая по ночам.

И все-таки, Антон был одинок. Осенью 2001 года, смущаясь, он шепнул мне:

-Мамуля, давай котеночка возьмем.

Конечно! Ради сына все, что угодно! А сын то и не просил невозможного. Понимал наши невеликие возможности. Купили газету, нашли объявления. Тут же поехали. Зашли к одним - абсолютно беленькие котятки, но очень еще маленькие. Поехали к другим. Вышла девушка с грудным ребенком. Мы говорим:

-Нам бы котенка, не кошечку.

-Ой, я так устала от них, берите любого. - И открыла дверь в комнату.

Посередине комнаты сидела мама - кошка и вокруг нее полуторамесячные котята. Один сразу же оказался около нас. Его мы и взяли. Он доверчиво залез к Антохе за пазуху и засопел. Так и доехали до дома. Опустили котеночка на пол. Назвали Чернышом. Сразу создалось такое впечатление, что котеночек нашел свою семью. Малосенький, не видный на паласе, он живо огляделся и шатающейся детской походкой пошел изучать территорию. Он вел себя так, будто ему все здесь было знакомо. Черныш ничему не удивлялся. Он показал нам, где будет кушать. Мы в то место поставили миску. Показал, где будет справлять нужду. На то место мы поставили лоток. И зажили дружно.

Правда, потом это оказалась Чернышка - очень умная кошечка, как человек. Никогда нигде не лазила. Понимала слово "нельзя" или "ну, иди ко мне". Всех нас тут же полюбила. В первую же ночь залезла ко мне на подушку. Потом под одеяло. Заставила меня протянуть руку и положила на нее голову. Антоше стала верной подружкой.

Мы с удовольствием радовали сына подарками к Новому году, к его дню рождения. Он верил в деда Мороза до 13-ти лет. Хотя нашу тайну раскрыл раньше. Бабушка приучила Тошку нарядно одеваться на Новый год. 31-го декабря бабушка варила, я стряпала, делала салаты. Антоха ловил с кухни запахи, но упорно ждал вечера, чтобы обьесться на праздник.

Очень любил конструктор "Лего". И когда сын усаживался на пол с конструктором, Чернышка тут же начинала "воровать" у него детальки и в зубах уносить их в коридор. Антоша делал вид, что возмущался:

- Черная, отдай мне лего!

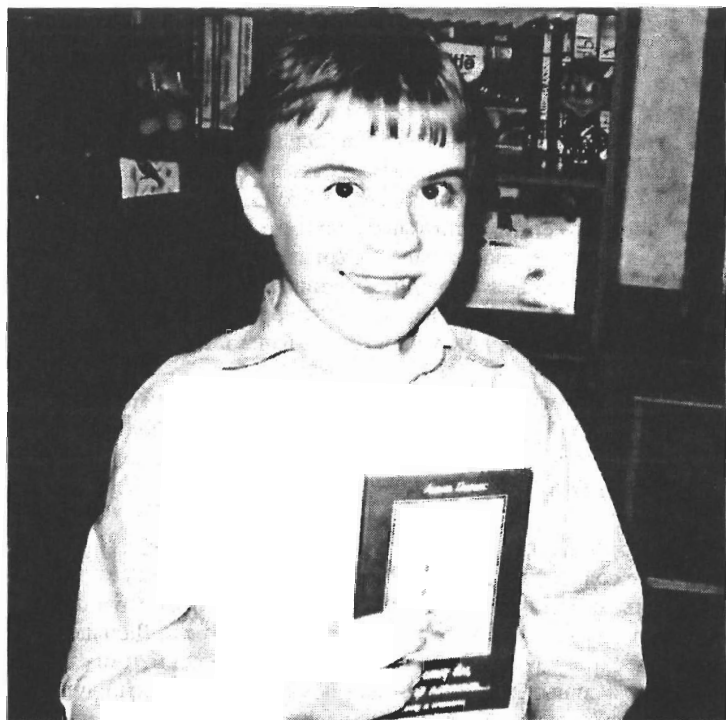
Но, Черная еще больше резвилась. Тогда сынок стал играть с конструктором "Лего" на журнальном столике. Ну, и Чернышка оказалась задирой. Она шлепала вокруг стола на задних лапах и все равно воровала детальки.

Наша кошечка заменила Антоше друзей, скрашивала его жизнь. Они любили друг друга верно и преданно. Позже, когда Чернышка подросла, она усыновила Антошу. Следила за каждым его движением. При купании сына делала огромные глаза, поднимала крик и выцарапывала Тоху из ванны. Заглядывала нам в глаза, бежала жаловаться к бабушке. Когда Антошу приносили с ванны и садили в кресло, она тут же прыгала к нему на колени и облизывала. Они оба родились в год Змеи. И так прожили счастливых 12 лет. И оба ушли в год Змеи - 2013.

Чернышка стала нашим незаменимым членом семьи. Чужих людей не жаловала, не давала к себе прикоснуться, могла оцарапать. Вообще, с ней было опасно играть. Она не понимала шуток и обнажала когти. А когти у нее были, как рыболовные крючки. Не царапала она только Антошу. Спала всегда у кого-нибудь на груди. Один раз попыталась у Антоши, но только ступила на его грудь и тут же поняла, что нельзя. Больше она этого не делала. Любила сниматься на камеру и позировать.

Антоше 12 лет. Его верной подружке Чернышке полгода.

Антоше 12 лет. С первым сборником своих стихов, который профинансировал Губернатор Кемеровской области Тулеев Аман Гумирович.

От сборника к сборнику.

И вот, вышел первый сборник стихов сына, написанных им в 9-11 лет, выход которого профинансировал Губернатор Кемеровской области Аман Гумирович Тулеев. А еще Аман Гумирович заказал в Голландии для Антоши электрическую инвалидную коляску. В один весенний день из Кемерово нам привезли тираж первого сборника стихов Антоши "Я слышу все, чем мир наполнен" и, о, Боже, электрическую коляску! Это ведь Антошины ножки! Теперь он сможет сам ездить, куда захочет! Сам опять будет познавать мир! Это было еще одним чудом! Столько радости, столько непомерного счастья читалось во взгляде сына! Казалось, у него появились крылья. Сыночек не мог поверить, что держит в руках сборник своих стихов, что сядет в эту коляску и сам поедет на первую презентацию первого сборника его первых стихов. Презентация состоялась в актовом зале школы, в которой Антоша учился.

С этих пор Губернатор не забывал Антона. И у нас всегда было много народа. Да, это Аман Гумирович раскрыл Антошины таланты и дал им развиваться. Позже, сын был удостоен Губернаторских наград: двух медалей "Надежда Кузбасса" и "За веру и добро". Также, Губернаторской премии "За любовь к жизни". Но ее пришлось вручать сыну в больничных условиях. Это единственный раз, когда врачи были к нам на редкость внимательны.

Этот отрезок жизни можно назвать волшебным. Антоша возрастал **духовно** нам на счастье. Оказалось, что его и воспитывать не надо было. Он сам себя воспитал. И меня ненавязчиво перевоспитывал. Сын стал очень сдержанным, спокойным, рассудительным. Он мог "говорить" одним взглядом. Я, по натуре, человек эмоциональный. Тоша же одним взглядом "говорил" мне в таких случаях: "Мама, это все такая суета, по сравнению с жизнью. Не порть себе здоровье."

Так и рос мой сын. От сборника к сборнику. Он перегонял информацию. Интересовался философией, историей, историей СССР, историей Великой Отечественной войны, психологией (хотя, он от рождения был психологом), наукой (очень ждал открытия по излечению от миопатии Дюшенна, но так и не дождался).

Как-то мы даже смотрели фильмы и программы по темам. Сначала пересмотрели почти все советские фильмы и русские сериалы, а также исторические программы о Великой Отечественной войне. Потом перешли на детективную тему, **потом** на тему компьютерных и прочих гениев. Дальше были звездные, космические, научно-фантастические темы, потом темы временных дыр, **паранормальных** явлений, связанных с вечной жизнью души. Затем исторические темы, мифы и легенды. Средневековье. И завершила всё тема ангелов. Из музыкальных произведений Антоша любил классику, релаксы, рэп, песни группы "Кино" во главе с Виктором Цоем. Зачитывался произведениями А.С. Пушкина. Особенно, его глаза горели, когда читал-перечитывал "Дубровского" и "Капитанскую дочку". От корки до корки он прочел автобиографический роман Н.А. Островского "Как закалялась сталь". Антоша, не читая Библию, знал все ее **Канюны**. **Строго** следовал Заповедям Бога.

*Божьему внемля примеру,
Крест свой нес, да без стона.
Силы уходят. Но верую!
Верую, полон истомы!
Душу питаю смирением,
Выбору следую строгому-
Из всякого благословения,
Я выбираю Богово.
Я выбираю страдания,
Чтобы постичь великое,
Чтобы познать все тайное
Во взгляде Святого лика.*

*Чтоб выстрадать полную меру
И выстоять в крестной дороге.
И после промолвить: «Верую!» –
Это удел немногих.*

(Антон Гапоник в 16 лет) (07.12.1989-27.09.2013)

За свою короткую жизнь сын не сделал ни одной опшибки по отношению ко всему, что его окружало, и ко всем, кто его окружал. Не знал таких чувств, как обида, ненависть, злость, зависть.

-Что Бог дал, то все мое. - говорил он. - Это моя судьба, и я люблю ее.

-И что же ты родился в нашей бедной семье, давшей тебе болезнь? - винила себя и сетовала я. - А сейчас ушел бы ты в богатую семью, которая живет за границей и может тебе облегчить жизнь?

-Нет, мама, я люблю только тебя. Другой мамы мне не надо. Даже самой богатой. Главное, что ты рядом!

Удивительно нежную сыновью любовь дарил мне мой сыночек.

*Я выстою, мама, я сильный!
Ты только не плачь, родная!
Я выстою, мама, поверь мне!
Болезни меня не сломают!
Любимая! Самая нежная!
Прошу, за меня не тревожься!
Ты видишь – я счастлив по-прежнему!
Ты знаешь – тебя я не брошу!*

(Антон Гапоник в 12 лет) (07.12.1989-27.09.2013)

Еще, он обладал даром предсказания. Правда, редко им пользовался. Но свой уход предсказал точно еще в 15 лет. На заре. Осень. Сентябрь.

*Я росинкой блесну на заре,
Я слезинкой прольюсь из души,
Журавлиной мечтой в сентябре
Кану в самое сердце тиши.
Заплутаю я в храме берёз,
Обгоняя полёт ветерка.
Насладившись дыханием гроз,
Лёгкой блажью взлечу в облака.
Ты, неволя, меня не зови,
Своей цепью злоеще звеня.*

*Нет преград для сердечной любви!
Я – любовь! Нет преград для меня!
(Антон Гапоник в 15 лет)(07.12.1989-27.09.2013)*

За год мы накопили денег на новый компьютер и купили Антоше уже более усовершенствованный. Радости не было предела. Антоша заговорил о подключении Интернета. Конечно же, с удовольствием! Я готова была все сделать для сына, что в моих силах! А сил то у меня было совсем не много. Ведь я видела, как губит сына его заболевание. И тоже заболела, смотря на сыночка и зная, что ничем не могу ему помочь. А он безгранично верил, что мама всегда его спасет. И продолжал наслаждаться каждой секундой своей жизни.

Мы подключили Интернет. И сын приобрел разносторонне развитого друга в виде компьютера. Свой компьютер, который мы постоянно усовершенствовали, он называл "моя прелесть". Антоша любил компьютерные технологии, технику, электроннику. Быстро в них разбирался. Вся техника в доме работала за счет сообразительности Тошки. Сын выписывал детали сам, через Интернет. И деньги на детали зарабатывал тоже сам, через Интернет. Переводил тексты, делал сайты. Несмотря на то, что заболевание все больше обесценивало его. Но, сын знал, стоит ему слезь - и... конец. Поэтому, с раннего утра и до ночи он работал на компьютере, там же развлекался, там же черпал огромные объемы информации, особенно из научных работ.

Последний раз он провел чудесное лето на улице на электрической коляске, когда ему было 13 лет. Последнее "золотое" лето. И когда наступила осень, мы заносили сына домой - я увидела отчаяние в его взгляде. И тоску. Он знал, что больше не выйдет на улицу. Детство закончилось. Друзья подросли и у них появились другие интересы. В его глазах сверкнули слезы сожаления.

- Ты что, Антоша?

-Мама, это последнее мое лето на улице среди друзей. Эта страница жизни закрывается. - губы его тряслись, но мой стойкий оловянный солдатик сдержался.

Потом, через год, два, три мы еще вывозили сына на День Победы посмотреть салют. Потом он стал совсем не выездным. Болезнь заключила его тело в четырех стенах. Но, не душу. В душе сына помещался безграничный мир красок и любви к жизни.

*"Моя Родина настолько мала, что вмещается в окно моей комнаты. И
нastолько велика, что занимает все мою душу!
(Антон Гапоник в 11 лет)(07.12.1989-27.09.2013)"*

Болезнь Антоши берет свое.

На третьем сборнике заболевание стало крутить и убивать сына. Перед презентацией третьего сборника "Войди в мой хрупкий Храм", когда Антоше исполнилось 15 лет, случилось первое ужасное обострение. Уже после ухода сына, я прочла, что миопатия убивает двумя способами: либо обострениями, типа ОРВИ, либо сердечной недостаточностью. А тогда сын был рядом. Что могло быть важнее? Обострение началось неожиданно. Я думала, что это простуда. И она скоро пройдет. Но, через две недели пребывания дома, сын сказал:

-Мама, я так умру.

А я прекрасно знала, если Антоша что-то говорит, то это не напрасно. Он действительно умирал. И умер бы, если... Мы вызвали скорую. Увезли нас в инфекцию. Конечно, госпитализировать не хотели. Ведь мальчик очень болен. На коляске. Не двигаются ни руки, ни ноги. А обострение получилось ужасающим. Одна я бы не справилась. От сына нельзя было отойти ни на секунду. А переносить и пересаживать его мне было не под силу. Он стал намного выше меня и тяжелее. И к тому же, меня сбивали с ног переживания за сына и его жизнь и вид его мучений. Муж же тоже один не справился бы. Не хватило бы двух рук. Четырех -то мало. Поэтому нас надо было класть втроем. А это почти невозможно.

Но, для матери все невозможное - возможно. Правда, тогда я была еще скромной мамочкой больного ребенка. Гораздо позже поняла, что жизнь моего ребенка никого не интересует. Никто и пальцем не пошевелит ради его спасения. Поэтому я должна "выгрызть" каждую секунду его жизни. К тому же, в этом нам очень помогало знакомство Антоша с Губернатором Кемеровской области Аманом Гумировичем Тулеевым. Антон был на пике славы. Хотя, слава никогда его не прельщала. И сейчас, в этой книге, я - мама Антоша Гапоника, от имени моего сына и от своего имени искренне выражаю огромную благодарность и признательность Аману Гумировичу Тулееву за невольное участие в жизни сына и продление ее. Благодаря ему, сын прожил еще 8 лет.

А, тогда его рвало две недели подряд. Желудок не принимал даже воду. Отказала поджелудочная. Сахар 22. От сына несло ацетоном. Он посинел, обтянулся кожей, полопались сосудики в глазах, ослеп и побывал без сознания. Потом рассказывал, как Там хорошо, легко и светло!

-Мама, ты не представляешь, какой Там Свет! Как там хорошо и вольно! И много счастливых людей! Когда меня привели в чувство, я даже расстроился. Снова стало темно, тесно и больно. Теперь я не боюсь смерти, мамулечка!

Когда Антоша был без сознания, я заплакала, говорю: "Он умирает." А он мне оттуда, с абсолютно бессознательного состояния, отвечает четко и ясно: "Я не умру." Врачи не брались сына лечить. Мы попали в больницу в марте, а презентация сборника стихов Антоша должна была состояться в мае.

И тут позвонили с области. Этот звонок был судьбоносным. Он спас сына тогда. Я плакала и кричала в трубку: «Помогите!» Я кричала от всего рвущего в отчаянии материнского сердца на всю 3-х этажную больницу. Просто потеряла контроль. Медсестры, врачи попрыгались в углях. Диспетчер поблдедела и шептала: "Господи Иисусе..."

Набежали врачи всех профессий, вызвали реаниматологов, сразу поставили катетер "бабочку" и стали капать. Откапали. У сына потом долго белки глаз были красными. Венки так полопались. Детский врач-невролог пришла в палату, и я заметила, как она вздрогнула от такого вида сына. А сын вынес это страшнейшее обострение, впрочем, как все другие 24 за 8 лет, без единой жалобы.

В первое утро, как моему малышке стало лучше, он, смущаясь рассказал мне:

-Мама, это было совершенно реально. Ночью я проснулся и увидел перед собой огромного, белого, прозрачного Ангела. Ростом он был метров 4-5. Он наклонился надо мной. В за спиной были сложены огромные, белые, мощные крылья. Он с любовью смотрел на меня. В его руках был не то свет, не то свеча. Я не понял. И этим светом он перекрестил меня. Мне стало так легко. И я сразу же уснул. Ты понимаешь, мамулечка, это было абсолютно реально!

Позже, после ухода сына, я увидела картинку в Интернете - над кроватью мальчика стоял огромный ангел, а в руках он держал горящую свечку. А тогда сын быстро написал это стихотворение:

*Просыпаюсь и вижу: о, чудо!
Белый Ангел стоит у кровати.
Прилетел неизвестно откуда,
И не хочет никак улетать он.
Белый Ангел не знает бессилья,
Не страшна ему жизни кривая.
За спиной его белые крылья,
Белизною святой отливает.
Он, как-будто бы, дарит надежды,
Крест творя своей белой свечкою-
Оттого на душе безмятежно,
Словно устлана белой парчою.
Оттого ей нисколько не страшно,
Боль ушла, но осталось терпенье.
Белый Ангел-Хранитель отважный*

Мне принес Божье Благословенье.
(Антон Гапоник в 15 лет) (07.12.1989-27.09.2013)

"Я вспоминаю, Антоша, твои обострения, умирания. Ты замолкал на это время. Ни стона, ни жалоб. И молча страдал сутками, ожидая облегчения. Я вспоминаю, мой сыночек, как после каждого возрождения, ты радовался, как ребенок, солнышку, что заглядывало в узкое окно палаты, кусочку голубого неба, листикам на деревьях, птичкам. Всей той маленькой картинке, которая была видна тебе из окна. Измученный, иссушенный болезнью, ты улыбался, смеялся и облегченно вздыхал. Ты был таким счастливым, как будто заново народился. И я была счастливой в такие моменты. Мы опять жили счастливо. До следующего обострения, в предчувствии которого у нас нарастал страх, а у меня и нервозность. И снова умирания-возрождения. Я так ясно помню твою радость излечения. Так радоваться всему Божьему могут только Ангелы, сошедшие на Землю. Разве я думала, Антоша, что ты так неожиданно быстро уйдешь. Вот ты еще шутил, улыбался, смеялся, общался весело с другом. Наклонял ко мне голову и шутливо говорил: "А меня никто не гладит". А взгляд твой был таким задорным и любящим. Или тянул ко мне ладошку через силу и говорил: "На пять". Я зажимала твою ладошку в своей - и так мы сидели, смотрели фильмы. Ведь ты у нас был "и режиссер и сценарист" - как поется в твоей, некогда любимой, песне. А ладошка твоя была такая хрупенькая, детская, слабенькая, горячая, и такая родная, любимая. И это в твои 23 года. Ты все так же был ласков и не стеснялся проявить любовь сына к маме. Я смеялась, пела песенки, ты весело смотрел на меня. И я даже не думала тогда, как была счастлива, востребована, как мама. Это принималось, как данность, повседневность. Мой мир был заполнен тобой, твоим теплом и уютностью, не считая постоянного страха за твою жизнь, который омрачал наши дни. А внутри твоего организма шли разрушительные процессы, но мы не хотели этого замечать, вернее, замечали, но делали вид, что все хорошо, и никогда об этом не говорили... И вот, тебя, вдруг, не стало. Так резко и жестоко. Еще 6 часов назад ты строил планы на жизнь, когда выздордвеешь. Последние 6 часов, которые оказались самыми тяжелейшими для нас всех, особенно, для тебя. И никто не подумал, что ты уходишь. Только врачи все знали. Вот, ты был, и вот, тебя нет. Как это понять? Когда ничего уже не понимаешь. И любишь. (Твоя, горячо любящая тебя, мама)"

После этого случая, Антоша стал еще углубленнее изучать возможности вечной жизни души. Пересматривал научные и художественные фильмы об Ангелах, временных дырах, параллельных мирах. А также о сверхсовременной технике, которая когда-то может возникнуть, но пока только в фантазиях. Продолжал развиваться сам и развивал меня. Он был моим бесценным собеседником. Сколько тем мы с ним перелопатили. Обсуждали практически

все стороны жизни, особенно вечной. Антоша твердо знал, что существует вечная жизнь души. И не просто знал. Он был уверен. И говорил об этом, как об обыденном. Рассказывал детально, что все вообще: и здесь, и там, держится как бы на огромном компьютере. С помощью его все просчитано и учтено. И ни одно звено программы не пропущено.

После выписки у нас было время восстановиться до презентации третьей книги "Войди в мой хрупкий Храм". Но, все-таки, Антоша был еще очень слаб. Однако, он заметно возвысился и окреп духом. На Презентации сборника сын узнал, что принят в Союз Писателей Кузбасса. Ему было 16 лет.

Антоша в ботаническом саду г. Кемерово. 16 лет.

Сыночек все мечтал встретиться с Аманом Гумировичем. Его часто приглашали на Губернаторские приемы. Но, когда мы привозили сына, Аман Гумирович отсутствовал. А когда талантливых детей - инвалидов Кузбасса приветствовал сам Аман Гумирович, Антоша лежал в больнице.

Чем больше его разрушала болезнь, чем сильнее он становился духовно. Наряду с этим блеском, Антон моментально понял и другую сторону славы. Ту, где ненавидят, завидуют, где что-то показное и абсолютно бездушное. Мальчишке - подростку было все открыто, как на ладони. Но, это была его судьба.

-С судьбой не поспоришь. - говорил Антон.

Он не любил давать интервью, не хотел, чтобы его снимали, показывали. Внимание, порой, граничащее с нездоровым любопытством, его удручало. Он просто хотел в стихах показать людям, что можно жить по-другому. "Пусть душа заплачет над душою, о душе душа пусть запоет..." (Антон Гапоник). Антон научился в этом мире отстраняться от мирской суеты. Я всегда говорила ему:

-Как ты можешь смотреть сквозь того человека, который пытается тебе сделать больно? Я по - хорошему завидую твоему такому умению.

Антошка сдержанно улыбался. И правда, человек смущался, когда не получал внимания на свои оскорбления. Такого человека выбивало из колеи то, что Антоша смотрел сквозь него, как будто того и не было. В этом теперь была его сила. Человеку становилось обидно, и он шел дальше "не солоно хлебавши", ворча и оглядываясь.

Вот такой слабенький, почти обездвиженный мальчишка, не показывал и вида, что ему было очень больно сидеть в коляске. Антошка оказался могучим духовно. Была в нем какая-то врожденная интеллигентность, степенность, сильнейший энергетический поток, за счет которого он и прожил намного больше. И стал Ангелом-Хранителем нашей семьи.

А дальше посыпались обострения за обострениями. Они мучили и раздирали сына. Но он только просил чашечку с холодной водой и плескал в ней ручки, чтобы не горели. И еще время от времени поднимал голову, жалостливо смотрел на меня и говорил: "Мамочка, я тебя люблю."

*Чашу терпенья беру осторожно.
Не опрокинуть бы. Сердцу тревожно.
Пью. Горьковато! Но я наслаждаюсь.
Пью с неё жадно и не напиваюсь.
Чуден напиток! Такое ли было?
Смешаны в нём все духовные силы:
Воля, смирение и отрицание
Бали, что к смерти приводит сознание.
Кто-то вдруг скажет – Какая нелепость!
Только я чувствую, чувствую! – крепость
В жилы могучая гонит волна...
С Чаши я вытил, а Чаша полна!
К ней обращаюсь, и перед иконой
Пью с неё снова, не ведая стона.
Чаша полна! Убеждаюсь с волненьем –
Неупиваема Чаша терпенья!
(Антон Гапоник в 19лет)(07.12.1989-27.09.2013)*

И все же Антоша успел написать еще два сборника стихов.

И все же Антон успел написать еще два сборника своих стихов. Четвертый сборник профинансировал мэр города Хромов Виктор Дмитриевич - всегда улыбчивый, очень воспитанный, общительный человек, совсем не выказывающий свой высокий чин. Приходил к нам домой и вел себя легко, непринужденно, уважая хозяев дома. Наша бабушка очень уважала Виктора Дмитриевича за его шутки, за то, что абсолютно не брезгуя, он жал всем нам руки, садился в наши старенькие кресла. Прекрасно общался с Антошей, со мной. От него шел добрый позитив всегда. С 11-ти Антошиных лет и до 17-ти Виктор Дмитриевич радовал нас своими приходам и по поручению Губернатора области и от своего имени.

Антон очень любил время в сентября по январь. К осени обычно выходили книги, шли люди, несли цветы, поздравления, а потом его день рождения 7-го декабря, которое Антоша тоже безумно любил, и мы его весело отмечали, а потом мой день рождения, бабушкин и... самый любимый праздник Новый год. И все это было по-доброму. Что же было по какой-то профессиональной вьедливости или охотой за интервью - от всего этого Антоша отгораживался. Он прекрасно чувствовал людей, как и наша Чернышка.

Когда Антоше исполнилось 16 лет, к нему стала приходить девушка. Она прочла стихи Антона. И так о нем узнала. Девушка была верующей. Но сын не допустил ее до своей души.

-Мама, она здоровая девушка. Что я ей могу дать? Только жизнь испортить.

И сын был прав. Позже, эта девушка вышла замуж и родила ребенка. А второго ребенка она родила как раз после смерти Антона.

Девять классов Тошка закончил в больнице. Изможденный очередным обострением, он бился за жизнь изо всех сил. Он отвоевывал каждую секунду.

"Жизнь коротка и прекрасна! Надо жить, наслаждаясь каждой ее минуточкой." (Антон Гапоник в 11лет)(07.12.1989 - 27.09.2013)

Ему предложили окончить школу с золотой медалью. Но Антоша отказался. Больница за больницей. Писать уже не мог. Да и сидеть тоже было тяжело.

- Мама, да я и не заслуживаю золотой медали. Ведь я не знаю интегралы, пределы, и прочее, прочее. И будущего золотого у меня не будет.

Я же все 8 лет (с 15 ти до 23-х Антошкиных лет) билась на трех рингах.

С болезнью сына, с врачами, которые каждый раз отказывались нас госпитализировать, и со своей депрессией, которая лишила меня сил. Биться с врачами было не менее тяжело. Все они знали, что Антон-смертник. Только не могла я смотреть, как мучается сын, если сына еще можно откатать в больницу. Битвы были не менее жестокими. Я уже не оправдывалась и не сочувствовала врачам. Я точно знала, что это у них много больных, а у меня ребенок один. И это всего важнее. И стала просто бессовестно требовательной. Абсолютно игнорировала их жалобы на работу, на маленькую зарплату и прочие упреки. В общем то, просила просто уважать законное право инвалида 1-ой группы на необходимое лечение, а так же на места для сопровождающих. Антоша же верил мне и знал, что я добьюсь всего для его спасения.

Равнодушные врачи было бы беспредельным, если бы их не подстегивал Аман Гумирович. Антоше просто еще повезло. А вообще "миопаты" умирают намного раньше. Нам нужна была палата на троих. Мы всегда просились в платную. Нам было все равно, лишь бы откапали сына. При обострениях картина рисовалась страшная. Мы с мужем во времена таких обострений полностью обессиливали оба в борьбе за жизнь сына. В четыре руки мы не успевали справиться со всем. Антоша ведь не мог двигать ни руками, ни ногами. Шея и позвоночник были тоже слабы. И все это дико болело. Поэтому, один держит, другой поддерживает. Но, как мучился сам Антоша. Он даже не мог переворачиваться. И насколько он был стойким и мужественным! Яркий пример жизнелюбия, всепрощения, и несломленности духа!

Все капельницы он принимал, как Божий дар, надеясь еще пожить. Мы не спали месяцами. Месяцами Антоша почти не купал. Просто было удивительно, чем он жил. Как будто святым духом питался. Только дома придем в себя, и опять обострение. А потом у него развился бульбарный синдром - страшнейший и мучительный (парализация глотательных, дыхательных и сердечной мышц). Когда первый раз случился этот синдром, Антоше было 17 лет. Случился он на спрей в горло. Антоша впервые и единственный раз заплакал.

-Мама, неужели я больше не попробую конфетку? - Он вдруг понял, насколько это вкусно все. И как прекрасно глотать и пить водичку.

Приехал врач-реаниматолог, вызвал меня в кабинет и очень грубо (да, жизнь далека от фильмов) сказал мне:

-Ваш сын умирает. Хотите, чтобы мучился - кормите через зонд. Хотите, чтобы быстро умер - суйте пищу насильно. Она попадет в легкие, и он быстро умрет.-
сделав паузу, - И не устраивайте тут истерик!

Даже сейчас, от таких воспоминаний мурашки бегут по коже. Но, это и была наша жизнь. И люди считали, что вправе сказать нам что угодно, упрекнуть как угодно.

Нас увезли в реанимацию. Сказать, что там всё равнодушно и грубо - ничего не сказать. Абсолютно не замечают, что ребенок не может лежать, потому что позвоночник у него скручен до невозможности. Раздели догола, положили на холодные, железные носилки. Я прорвалась с сыном на исходе моральных сил. Хоть показали, как ставить зонд. На второй день мы ушли умирать домой. Нам достаточно было своих ужасов.

Я написала жалобу Тулееву А.Г. И... врачи вывели Антопу на дому за месяц. У сына из-за зондового кормления развилась еще и пневмония. Низкий поклон детским врачам-неврологам и терапевту за добрые сердца и профессиональный подход к больному. А потом Антону исполнилось 18 лет. Его перевели во взрослую поликлинику. И все. Это был приговор.

"Тонечка моя, лапулечка, сыночек - лапушочек, мой маленький Мук, мудрый старичок с глазками-смородинками, что мне делать, солнышко? Как выжить? Не могу я, родной мой человечек, Тошечка-крошечка, как это? Как? Как я могла остаться одна? Я не хочу без тебя! Сил моих нет! Куда ни глянь - все о тебе напоминает. Какой ты у меня спокойный, рассудительный, добрый, заботливый. Мне так не хватает твоего любящего взгляда, любимого голоса. Память рисует картины из твоего детства, юности. Как же это все быстро пронеслось. Вот был же ты у меня, был! Сыночек мой ненаглядный! Но как же так, почему? Господь решил поднять тебя на небо к себе, меня оставив одну страдать. Без тебя, сына, моего лучика, мне воздуха не хватает здесь. Мир вижу или не вижу? - Кто это знает! Слепла от слез. В груди свербит, болит. ноет. Сыночка, мальчик мой, люблю, люблю! И пусть ты на неб - я с тобой всегда говорю, везде, повсюду. Иду - рассказываю, плачу. И верю что ты меня видишь и слышишь. И с этой верой живу. Как будто ничего и не было. Только боль пронзает сердце, одна боль. Руки болят, так хочется обнять тебя. Поговорить. Не могу без тебя! Лепесточек мой нежный, оторвался, улетел. Без меня. (Людмила Гапоник. Твоя горячо любящая тебя, мама)"

Но, жизнь продолжалась, несмотря ни на что. Сначала у Антоши было очень много друзей в Интернете. Но, по мере прогрессирования заболевания, ему становилось все тяжелее общаться. И поэтому остался один друг Сашка. Они никогда не видели друг друга реально. Не пользовались камерой. Но, оказалось, у них почти одинаковые заболевания. Антоша был старше Саши на 3 года. Пять лет они постоянно общались. Саша тоже был очень умным и сообразительным парнем. Вместе они стали делать сайты. Выучили английский язык. Стали учить китайский. Старались ни в чем не отставать друг от друга. У них и компьютеры были одинаковые. И они скрывали друг от друга, что оба тяжело больны. Смеялись, шутили, играли в гонки, зарабатывали деньги в Интернете. Последнее время они стали меньше общаться. Каждый молчал о том, почему нет времени общаться. Они просто тяжело болели оба.

Как не стало бабушки, Чернышки, Антошки.

В 2009 году наша бабушка перенесла 4 микроинсульта. Весной на церковные праздники у нее произошел пятый инсульт. Бабушка пролежала 18 дней. У меня так и остался календарь с последним оторванным ей листком 11 апреля 2009 года. Я была на краю нервного срыва. Я не знала, как смогу ухаживать за двумя, абсолютно обездвиженными любимыми человечками, будучи сама больна обесценивающей депрессией. Мама была очень тяжелой для меня. Почти все дни она не спала из-за боли и тревоги.

Утром я поднимала сына, одевала, переносила в зал и садила в кресло. И пока он смотрел телевизор, мыла маму на кровати, переодевала, перестилала кровать. Потом обоих кормила. Потом Антошу переносила к компьютеру. И до вечера Антоша меня не трогал. Он все как всегда понимал без слов. Настоящий мужчина!

А я весь день каждые 15 минут укладывала маму, поднимала, опять укладывала, опять поднимала. Внутри себя сходила с ума. Обострилась депрессия. Через силу заставляла себя жить. Очень боялась, что Антоша вдруг останется без меня. И над ним кто-то начнет издеваться. С его умной головой этого нельзя было делать. Меня пробивала душевная боль от мысли, что сын останется один. Вечером Антошу снова переносила в зал. Он смотрел скачанные научные фильмы.

А я не отходила от мамы. Ни днем, ни ночью. 30 апреля 2009-го года полпервого ночи ее не стало. Наша мама и бабушка Ельшпева Галина Степановна - изумительная рассказчица, ушла из жизни на наших глазах. В миг, когда она издала последний выдох, по комнате полукругом пронесся холодный, сильный ветерок. Он с силой отбросил меня к окну, поднял шторы и со гулким звуком "у-у-у-у-у-у..." улетел в окно. Я сразу очень замерзла.

С уходом мамы и бабушки мы сникли. Антоша все больше молчал. Ему было уже 19 лет. И он полностью отстранился от мирской суеты. Перестал писать стихи. Бабушку никогда не вспоминал вслух. Я не спрашивала, почему. Думаю, он знал, что не стоит души тревожить, что им там хорошо. Чернышка два года искала бабушку и не спала на ее кресле. Ходила вокруг, жалобно мяукала, заглядывала мне в глаза и ждала ответа. А я плакала 2 года. Мне было очень жаль маму. Она хотела еще пожить. И все говорила: "Как же вы без меня будете? Как внук будет без меня?"

Болезнь высушила сына, скрутила в спираль его тело. Мышц не осталось, веса тоже. Одни глазенки только сияли жизнелюбием. И душа, дух, энергия - мощные бескрайние и жизнелюбивые силы, которыми Антоша владел сполна. Мне было больно смотреть на его увядание. Я сдавала морально. Абсолютно не обладала энергией. И еле таскалась по жизни. Старалась как-то отгородиться от этой боли. Получалось, что я стала жестче с сыном. Но, на самом деле, организм включал защиту, чтобы совсем не раскисла.

Мы с Антошей просто занялись "прыжками через себя". За полтора года до смерти Антоши, его отец стал приходиться ко мне в сон, хотя до этого никогда не снился. Приходил, улыбался, строил планы на жизнь, оставался. Когда Антоше исполнился 21 год, сыночек опять перенес сильнейшее и тяжелейшее воспаление легких. Скорая привезла нас в терапию. Но молодой, холеный врач отказал нам в госпитализации. У меня не было сил уже настаивать.

Вызвали врача на дом. Пришла врач. Сразу было понятно, что она - профессионал в своей работе. Прослушала легкие сына, сказала, что пневмония, срочно в больницу. Таких больных дома не оставляют. Приехали во второй раз. Куда деваться врачам в терапии. Пришлось брать. Капшать сын не мог давно. Мы опять попросились в платную палату и вдвоем с мужем сидели днями и ночами с кружечками, платочками, стараясь как-то помогать сыну избавиться от мокроты, что шла из легких. Так ее вышло 2 стакана. Как страдал Антоша, об этом можно было только догадываться. Он, как всегда, сидел в кресле с опущенной головой и полоскал иссушенные пальчики в чашке с водой. И ждал...облегчения... день за днем. И все-таки, он опять выкарабкался, благодаря своей энергии, лечению, и своим сопровождающим. Сыночек пошел на поправку через неделю и глаза его сияли счастьем. В безжизненном теле широко и вольно жила душа.

*Тяга к жизни во мне остра,
Злую боль я терпеть готов.
Мои думы, как угли костра,
Пышут жаром, не зная снов.
Мои мысли сильнее огня*

Жгут мой мозг и не гаснут в ночи.

На исходе уставшего дня,

Сердце верой во мне стучит.

(Антон Гапоник в 16 лет) (07.12.1989-27.09.2013)

Глотание у Антошечки становилось все слабее. Он, практически не мог глотать. Купал шпоре, которые едят грудные дети. Кормление с зонда тут же вызывало воспаление легких. За год до ухода Антоши заболели все. Сначала я попала в больницу от истощения стрессами нервной системы, потом у Чернышки обнаружили рак. Муж бледнел и хватался за сердце. Все чаще вызывали и ему скорые.

А потом настал день рождения сына. Мы с ним копили деньги и приобрели огромный компьютер. Антоша был на седьмом небе от радости. И писал другу Сашке: "Моя прелесть работает, как вечный двигатель!" А потом пришел Новый 2013 год - второй год Змеи в жизни Гошки. Когда кремлевские часы отбивали последние секунды уходящего года, я торжественно сказала Антоше:

-Сынок, наступает твой год-год Змеи. Он обязательно принесет тебе только счастье!

И сынок мне поверил. А в январе 2013-го обострение к сыну пришло неожиданно - неожиданно и ушло, ослабив сердце. Антоша сказал, что сердце ослабло, и еще одного обострения он не переживет. Потом говорил, что легкие трутся о ребра, даже больно, что не может вдохнуть воздух полной грудью. С тех пор он тяжело дышал. Очень сильно ослаб. Не мог уже долго сидеть за компьютером. Грудная клетка сузилась. Я не слышала биение его сердца. Но сын все равно улыбался, смеялся и шутил: "Доживете до моих лет, поймете".

Весной 2013-го года я понесла напу кошечку на усыпление. Рак ее уже съел. Когда уходила из ветлечебницы, Чернышка жалобно мяукала. Мол: "Куда же ты без меня?". Слезы захлестнули. Прости, Чернышка, меня за мое предательство. Антоша также никогда не вспомнил вслух о своей подруге. Почему? Это было его тайной. Сынок даже не показывал вида, как ему тяжело.

Когда Тошенька заболел 16 сентября 2013года, сразу почувствовал, что все - конец. Молчал, но по глазам было видно.

Я же отводила взгляд. Не могла. Мышцы в организме сына все умерли, не стало обмена веществ. Никакая пища, никакие лекарства больше не шли. Венки слипились, и органы стали отказывать.

Раньше, во время всех обострений, я очень боялась, что сын умрет. Просто каждый раз умирала от страха. А в это, последнее, как кто-то блокировал мой страх. Я настолько была выжата морально, что не могла ни думать, ни двигаться.

Вызвали скорую. Как всегда я Антошу одевала сразу и садила на коляску. Обычно, скорая приезжала, и бригада врачей не хотела увозить нас в больницу. Но, а так деваться им было некуда. От коляски они не могли избавиться. И остановить коляску тоже не могли. Я же уже не слухала их. Лишь бы увезли в больницу. Увезли. В больнице тоже не брали. Была ночь. Говорили, что главный врач дома. Спит.

- Разбудите. - мне было плохо и тяжело. Антоша смотрел на меня с надеждой. Я же, мама! Я смогу его спасти.

- Поймите, врачу тоже нужен отдых!

- Не понимаю. - бездушно изрекала я.

- Мы не можем вас взять. - бездушно изрекали они. Впрочем, как и всегда.

- Не имеете права отказывать инвалиду первой группы в лечении. - настаивала я.

- У нас нет палаты.

- Найдите. Моему ребенку нужна помощь.

- У нас много больных!

- И что? А у меня ребенок один.

И так происходило всегда. До мозолей на наших с сыном душах. Положили ... в общую палату. На одну койку троих. Кровать проваливалась. Я всю ночь просидела на краю кровати, муж на стульчике. Полная палата больных. Чихают, кашляют.
Утром взбунтовалась.

- Дайте нам отдельную палату! Дайте платную!

- Она занята. Там женщина лежит.

- Женщина - инвалид? Сильно больна?

- Она заплатила.

- Мы тоже заплатим.

Ангоша смотрел на меня жалостливо. Сам бодел, но жалел всех, кроме себя. Когда оформляли Антона в санпропускнике, врач сказал:

- Ну, что, умирать приехал.

Я отвела взгляд. Я никогда не лгала сыну. Не могла его обнадеживать. Это плохая черта. Человек не должен лишать другого надежды. Даже, если надеяться не на что. Нам все-таки освободили платную палату. Когда мы вошли в нее, мне казалось, что у сына были огромные глаза. На самом деле, в них застыло тревожное ожидание. Я не знаю, что бы делал человек, если бы он очень хотел жить, а ему бы сказали, что он умирает. Сын, с какой-то неуверенной надеждой смотрел на меня:

- Мама, я умру?

Я опять отвела взгляд. Не могла лгать. И правду сказать не могла.

- Мама, я еще ничего. А вот Сашку жалко. Он сказал, что весит 20 кг.

Я снова отвела взгляд.

Сыну становилось хуже. Все болело. Не помогали ни капельницы, ни обезболивающие. Я молила Бога, чтобы прекратил его страдания и забрал. Я тогда не знала еще, что без ребенка нельзя выжить. Можно только медленно умирать. Думала о том, что так будет лучше. Только бы не мучился. Не дай Бог, я раньше сойду с ума. Кому он будет нужен. Прележали три дня.

-Мама, поехали домой. Не могу больше. Больно.

-Поехали, сынок. - говорила моя обреченность

Одела сына, вывезла в больничный холл. Заказываю такси. Мне отвечают:

- С инвалидной коляской не берем.

-Так что же мне делать?

-Что хотите.

Кое-как уговорила, набрав пятый или шестой номер. Сын мучился в коляске от боли и нехватки воздуха. Но, усиленно не показывал вида. Только во взгляде читалось: "Скорее бы домой." И тут оказалось, что нельзя никаким машинам подъезжать к санпропускнику. Что делать? Как нести обессиленного ребенка за больничные ворота? Хорошо, у нас в городе работает Всероссийское общество инвалидов. Позвонила Председателю ВОИ г. Юрги Денисенко Антонине Алексеевне, которая никогда никому не отказывала в помощи.

- Спасайте!

- Сейчас мальчишки прибегут.

Прибежали, несли на руках от санпропускника до улицы. Было холодно. Курточка задралась, обнажив поясницу. Привезли домой. Немного поел. После свежего воздуха Антоше стало лучше. А ночью опять плохо.

-Мама поехали в больницу.

-Поехали, сынок. - снова отвечала моя обреченность.

Приехали. Конечно, врачи были очень недовольны. Но, мне было уже совсем все равно. Я тоже еле выживала. Даже сейчас пишу и плачу. Эту часть моей "повести" о стойком оловянном солдатике Антоне Гапонике я избегала писать, избегала редактировать. Но, за меня этого никто не сделает. Как болит душа!

Сынок промучился еще ночь. Наутро я его не узнала. Это был скелет, с бледной кожей, впавшими глазами и синяками под ними. Ночью у сына начался оттек легких. (Виню себя. Если бы не носили по улице! А, впрочем, какая разница. Болезнь взяла свое окончательно). Врачи скрыли, что у них был в больнице отсасыватель мокроты. И мне пришлось выгаскивать ее самой полотенцами и платочками. А она была бесконечной, как целлофановая лента. Антоша ведь не мог глотать. И мокрота забивала ему все во рту и в горле, в носу. Хотя, перед Антошиной смертью врачи принесли отсасыватель, да толку он не дал. Он был сломан. С этих пор пошла страшная неделя. Я валилась с ног. Антоша не отпускал меня ни на шаг.

- Мамочка, мамулечка, я люблю тебя. Мамочка, ты ведь любишь меня? Ты должна меня любить. Ведь ты - моя мамочка. А я - твой сынок.

А я не могла смотреть на его муки. Не могла слушать. Ничего не могла. Засыпала на ходу. Умирала с ним. Муж тоже был слишком болен и слаб. Еще ходил на работу. Депрессия меня задавила.

А какие мучения принимал мой сын, мой ангел, стоит только догадываться. Он выносил нечеловеческие муки. Мой ребенок был заживо разорван этой страшной болезнью на моих глазах. И я ничем больше не могла ему помочь. Для меня сынок все равно слишком тяжел. Муж и на руках его носил, и в кресло садил, и на кровать укладывал. Сын умирал. В полном сознании. Я просила врачей облегчить его страдания. Или вылечить или приблизить...

-Да, поймите Вы, он умирает! - Слова пролетели мимо ушей.

Я тоже была слишком уже больна.

- Мама, мне ничего не помогает. Пошли домой. - Антоша искал себе облегчения. Он просто хотел на улицу.

- Пошли.

И снова ушли домой. Но сын уже не вставал. Всю прошедшую неделю не кушал и не пил. Не было глотания. Кормила через зонд. Вызвала скорую. Приехала бригада врачей, которые хорошо нас знали. Много раз увозили в больницу.

- Вернитесь в терапию.

- Нет, не могу. Там верная смерть. Ноги еле ходят. Не могу. Надо в реанимацию.

- Не возьмут. Нет показаний.

Спорить уже нет сил. По глазам Антоши вижу, что надо в больницу. Он хочет. Боже, дай нам сил!

- По крайней мере, я всегда успею в реанимацию. Там точно спасут. - сказал сын на выдохе.

- Вы обратитесь сами в реанимацию.

Поехала в реанимацию. Вышел уже знакомый, все тот же неприятный, грубый врач. Смотрит с презрением. Говорит с презрением. Грубо.

- Мы берем только перспективных. Мы не няньки, чтобы кормить ваших детей.
- И ушел.

Они больше не боялись моих жалоб Аману Гумировичу. Система жизни сменилась. А мы, за этой борьбой, и не заметили.

Пришла домой. Не сказала сыну, что отказали. Ночью сын бредил. Из-за нехватки воздуха. Я сама задыхалась перед тем, как сесть за написание книги. Поняла, как это. А когда начала писать книгу о сыне, вдруг резко перестала задыхаться.

Настало утро. Антошино сознание прояснилось. У нас по генам вообще очень сильное сознание. Оно никогда никого из нас не покидало даже в очень тяжелых состояниях и стрессах, даже перед уходом из жизни. Сыночек стал прощаться со мной.

- Мама, я знаю, - говорил он на выдохе, - что больше не встану. Даже, если обострение пройдет. Я давно живу в долг, обманул все сроки. Мне пора уходить. Ты хоть отдохнешь от меня, поживешь. Совсем я тебя замучил.

- Сыночек, но ты же хочешь жить!

- Хотелось бы.

- Мама, ты не представляешь, какие Там компьютеры. Не чета нашим. Жаль только Сашку оставлять. Как он без меня? (Раньше всегда говорил: "Как ты без меня?" А в последний раз - как Сашка. Видно, разуверился во мне. Увидел, что я бессильна. И не уйду с ним. Ведь я всегда говорила, что уйдем только вместе.)

Собрала остаточек последних сил.

- Ты меня еще переживешь! - сказала твердо. Сын повеселел.

Вызвала врача на дом, потом скорую. Хорошо, что машины приехали в одно время. И то шофера возмущались, что надо нести носилки. Сына выносили уже

на носилках, завернутого в одеяло. В его любимое одеяло, которое когда-то дали из социальной защиты, как подарок к Международному дню инвалида. Оно было хорошо попользовано. Но очень нежное, легкое и теплое.

Подняли сына в терапию, в ту же платную 9-ю палату. Медсестры бережно и удачно, вместе с одеялом положили его на кровать. Болей практически не стало. Наконец-то, появилась глюкоза в больнице. А то не было. Теперь думаю, что надо было тогда купить. Только тогда как раз об этом и не думалось. Поставили сыночку глюкозу, уже без витамина С. Организм Антоши ведь ничего уже не принимал. Организм был мертв. Но, Антошина душа не хотела оставлять этот мир. Сын жил только за счет могучей силы воли и огромного желания жить. Под капельницей сыну стало лучше. Я погладила его по голове. Он благодарно и светло улыбнулся.

- Мама, завтра давай возьмем книжку в библиотеки о истории Престолов или о истории династии Борджиа. Почитаешь мне?

- Почитаю, сынок.

После капельницы покормила с зонда. Стали укладывать на кровать.

- Положите меня, как медсестры положили. Как маленького ребеночка.

И тут Антоше стало хуже. С 22.00 часов сын стал задыхаться совсем. Оттек легких, 6 часов сильнейшего задыхания. Сынок постоянно вытаскивал язычок - аленький, любимый, нежный, чтобы тот не западал. Он боролся изо всех сил.

- Мама, что со мной?

- Сыночек, это, наверное, очередная аллергия на лекарства. К семи утра пройдет.

Но, Антоша продолжал задыхаться, я валилась с ног. Стала заторможенной. Антоша каждую секунду спрашивал время. Измученный, обездвиженный. Боже, что же тебе еще надо от ребенка? Разве может невинный человек так страдать. Подошел муж:

- Антоша, смотри только на меня. Повторяй за мной. Вдох-выдох, вдох-выдох.

Антоша смотрел на мужа, верил ему. И так забылся на полтора часа.

В четвертом часу утра он закричал:

-Мама, мама что со мной?

Я вскочила. Муж вскочил. Я ничего не соображала. Побежала за врачами.

Меня обуял страх. С одной стороны Антоша, с другой я. Муж не знал, к кому кинуться. У Антоши стала закидываться голова. Но он был в полном сознании.

-Зачем ты так делаешь? - спросил муж.

-Я не могу так не делать. Она сама. - Антоша не понимал, что с ним.
(А это была предсмертная агония, но мы не знали, не соображали)

- Он не может, посмотри! - Я была близка к сумасшествию.

И вдруг, Антоша затих. Глаза сына, всегда сияющие, стали покрываться серой поволокой. Стеклокнеть. Они приобрели тот же цвет, как при его рождении. Но у меня и мысли не было о его скорой смерти. Я подумала, что приступ какой-то. Закричала мужу:

- Смотри, он сознание теряет!

Муж схватил Антошку, метался с ним по палате, вытаскивал язычок, тряс. За ними мокрота из легких сына лентой опускалась на пол. Пришли врачи. Но, что они могли. Они-то все знали. И это не их ведь ребенок, чтобы переживать. Они просто стояли и смотрели, как муж пытается оживить моего сына. Сын ожил. Задыхаясь от усталости и стресса, муж положил его на кровать. Антошенька уже не задыхался. Дышал ровно. Взгляд его был ничего не понимающим, как будто спрашивал: "А что случилось то? Почему вы все взлохмаченные и испуганные?"

- Ну что, видел там свет в конце туннеля? - спросил муж первое, что пришло на ум испуганному до смерти человеку.

- Нет. - сказал Антон и опять стал терять сознание.

Муж тут же схватил его, и снова начал метаться, снова стал реанимировать. Антоша пришел в себя. Муж посадил сына в кресло. И тут Антоша прошептал ясно и понятно: "Отпустите меня, я умираю". Вот тогда до меня дошло. Что я почувствовала? Не скажу даже. Мне хотелось, чтобы этот кошмар, наконец-то, закончился. Вместо того, чтобы говорить сыну, что "люблю!", "прости", "жди" - я заплакала и сказала: "Пусть умирает". Не знаю, почему это сказала. Не могу себе простить. Ведь сыночек, наверное, услышал и понял, что мама предала. Мне принесли какое-то успокоительное.

-Только не кричите, больных напугаете.

А у меня и кричать то не было сил. Вывели из палаты, посадили на стул. И я сидела с таким видом, будто ждала второго Пришествия, которое спасет моего сына. А муж бился за его жизнь. Потом вышел из палаты. Сказал, что все.

- Как он ушел?

-Твердил: "Отпустите меня, я умираю". Я его и уговаривал, и гладил, и целовал. А он просто уснул. С улыбкой. Ушел светло. Врач констатировал смерть.

Я зашла в палату. Пахло полевыми цветами. Как в Раю. Залетал, откуда-то взявшийся, мотылек. Все было закрыто. Муж поймал его и выпустил со словами: "Лети, Антошка, на волю. Больше у тебя ничего не будет болеть." Я подошла к сыну. Он лежал маленький, худенький, улыбался. На лице было столько благодати. Отмучился мой мотылек. "Судьба моя, как мотылек, летит она на огонек..."(Антон Гапоник в 11 лет)

*Я - мотылёк, мятущийся в ночи,
Боюсь огня, но свет его манит,
И я лечу, пусть пламя то свечи
Или пожар... Господь меня хранит!
И я лечу! Я жажду эту ночь!
Я устремляюсь к всполохам огня!
И... обжигаю крылья вновь и вновь,
Так больно, но... Господь хранит меня!
А там вверху, горит моя звезда,
Но я ослаб, я не могу вспорхнуть,
Кружит орлом проклятая беда
И заслоняет в поднебесье путь.
И лишь Господь простор мне отдаёт,
Где я резвлюсь, счастливый, безмятежный,
Где Белый Ангел о любви поёт
Так сладкогласно, искренне и нежно!
Я - мотылёк, боющийся огня,
Но без него я плачу поутру.
Хоть искорку оставьте для меня!
Когда она погаснет, я умру.*
(Антон Гапоник в 14 лет)(07.12.1989-27.09.2013)

Сердце Антона Гапоника, моего драгоценного, удивительного сына, поэта, остановилось ровно в 4 часа утра 27 сентября 2013 года - в день Воздвижения Креста Господня (уже потом я узнала, что в другом городе в этот же день и час, от этой же болезни ушел из жизни мальчик, которому было 15 лет).

А утром муж сказал: «Ну вот и утро. Антоша ты его ждал, чтобы оно принесло тебе облегчение. Ты дождался облегчения.» Антошу забрали через 4

часа. И он все еще был тепленький. Обездвиженный, обезвоженный, в 20 кг. весом он не остывал. Он хотел жить.

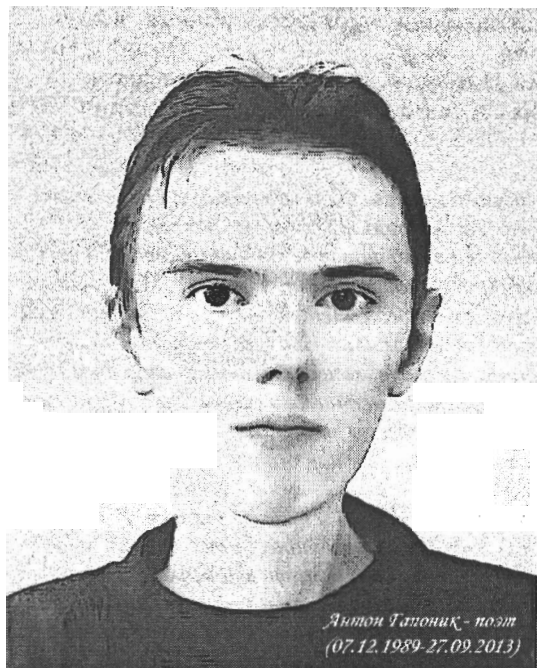
Эти дни простояли солнечными. Никогда не видела такого "огненного", роскошного листопада, как в ту осень. Да и снег не ложился в тот год до Антошиного дня рождения.

"Судьба дала мне тебя, сынок, такого прекрасного, истинного, добрейшего, мудрейшего Человека-Ангела. Ты же подарил мне великое счастье материнства! Я познала прекрасную твою сыновнюю любовь! Почти 24 года я была абсолютно счастлива с тобой, мой удивительный сынок! Я благодарна Богу, что он дал мне почти 24 года безумного счастья, что он отметил тебя бесценными душевными качествами! Мы жили душа в душу, понимая друг друга с полуслова. Я вспоминаю нашу жизнь, в которой ты не сделал ни одного плохого поступка, не сказал ни одного опрометчивого слова. Ты мудр не по годам, сыночек. Я делала много

ошибок, и самая главная - я воспринимала все, как данность. А надо было смотреть на тебя - и не насмотреться, дышать тобой - и не надыхаться, слушать тебя - и не наслушаться, любить тебя - и не налюбоваться. Как жаль, что твоя мама, сыночка, поняла это слишком поздно. А ты это понимал всегда, и был нежным, ласковым, всё прощающим человечком. Ты - замечательный, моё бесценное богатство, мой вечный маячок! Помнишь, я всегда тебе пела: "Ласточка моя, солнышко лесное, где в каких краях встретились с тобою..." А теперь я говорю себе: "Ласточка моя, солнышко лесное, где в каких краях

встретимся с тобою..." И пусть мне очень больно, но я благодарна Богу, что он забрал тебя именно сейчас, не дав тебе больше страданий, не приковал к постели. Рано, но твои прижизненные мучения были ужасны. Мой вечный Ангел, я тебя невозможно люблю! Немыслимо! Мой мотылек. В ту ночь ты вспорхнул мотыльком. Ты всегда говорил: "Моя судьба, как мотылек..." Мой чистый, непорочный, светлый, удивительный, ты подарил мне столько счастья, нежности и ласки за столь короткое время. Спасибо, сынок, за то, что ты жил! Вечно мною любимый...

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Антоше 23 года.

*Сегодня меня не стало,
Я умер... И только дымка.
И боли, как не бывало.
Я с этих пор-невидимка.
А что там внизу? О, боже?
Зачем же так мама плачет?
И я... Бездыханный? Все-же,
Я там или я здесь?-Задача!
Но мне так легко и вольно!
И чувств никаких. И мыслей.
«Не плачьте! – кричу, - Довольно!
Впервые я полон жизни!
К чему эта скорбь? Не надо!
Я Вечностью стал! Поверьте!
Теперь мне открылась правда,
Что нет в этом мире смерти!»
Да, что же меня не слышат? -
Вы голову поднимите!
Я зову, под небесной крышей!*

*А там только тлен, поймите!»
Я к маме спускаюсь ниже,
Я слёзы ей утираю. Шепчу:
"Мама, милая, слышишь?
Я руки твои ласкаю.
Утешься! Твой сын ведь рядом!
Ведь он тебя не покинул!
Родная моя, не надо!
Я только лишь боль отринул!
Я только хотел свободы!
И сбросил телесные пути.
Теперь под небесным сводом,
Ты слышишь, я буду! Буду!
Ну, что ж, что меня не стало?
Пусть буду подобен дымке.
Но если б ты только знала,
Как легко полет невидимки!"*

(Антон Гапоник в 16 лет) (07.12.1989-27.09.2013)

Похороны состоялись 28 сентября 2013 года. В моей голове будто работал тормоз. Никого не узнавала. Не плакала. Верила - это все временно. Вылечат Там и вернут. Отпевание прошло небрежно. Батюшка стал упрекать, что не причастили. Выговаривал долго и агрессивно. Муж сжимал мою руку, чтобы я вытерпела. Потом, через 4 месяца, мне приснился сын и сказал, что не хотел лежать в гробу, в церкви. А ведь я это чувствовала тогда.

На могилке дул осенний ветерок, перебирал волосенки сына пшеничного цвета. "Холодно сыночку - подумала я. - Надо бы согреть, а то опять заболит". Вместо крепкого парня ростом 185 и весом в 70 кг. лежал хрупенький мальчик в 20 кг. и скрученный до 160. Провели поминки. Только зашли домой и, как грянул "слепой" ливень (такой дождик сын описывал в сказке про кота-поводыря). Лил стеной 15 минут. Мощные, длинные струи серебрились на ярком солнце. "Природа прощается с Антошей" - подумала я. А на застекленном балконе лежал осенний листочек.
- Привет от Антона - сказал муж.

После того ужаса, который пережил мой сыночек, я так обижалась на маму, что выбрала генетически больного человека мне в отца. И вижу сон:
"Больничная палата, кровать. На кровати лежит женщина в белой ночнушке. Седая. Волос густой, лица не видно. А я готовлю огромную сковороду овощного рагу с грибами. Все очень красочно и детально. Резкий контраст - белое белье и красный перец в рагу. И говорю: "Ну вот, ужин готов. Сейчас будем кушать." Подхожу к кровати, поднимаю женщину. Смотрю - ноги у нее, как у моей мамы. Женщина поднимает голову, и я вижу, что это мама. А она смотрит на меня виновато и говорит мне с грустью: "Доча, прости меня за все".
"

"...Жизнь коротка и прекрасна. Антон много пишет о чудесной сибирской природе, о любви. Пишет высокими, светлыми, теплыми словами. Поистине, у этого юноши душа кристально чиста и светла, как лесной ручеек, а разума и глубоких чувств порой больше, чем у взрослого человека. Стихи Антона очень просты. Они музыкальны и добры, поэтому очищают душу от всего не главного, мелкого, злого, ибо они излучают доброту и свет.

А это стихотворение Антон написал за месяц до смерти:

*Взметнулась куполами скорбь моя,
Я больше не увижу это лето,
Не воспою закаты и рассветы,
И вдаль уйду я, чувств не утоля.
А где-то звон святой колоколов
На сердце мукой сладостною ляжет.
И как бы ни был путь земной мой тяжек,
Душа вдруг легкой станет без оков.*

Интеллектуальный, поэтический потенциал произведений Антона Гапоника очень высок. Своим искусством он утверждает веру в торжество жизни, красоты и добра. Творчество Антона Гапоника находит горячий отклик в сердцах читателей. Его произведения известны широко за пределами нашей области. Почитатели его стихов – юргинцы рассылают книги Антона своим друзьям и родственникам по всей стране. Стихи Антона можно увидеть на сайтах Интернета. Само появление в литературной жизни Кузбасса имени Антон Гапоник принесло литературе Кузбасса новый самобытный поэтический талант. Мы знаем, что благодаря творчеству Антона Гапоника многие люди начали сами писать стихи, познали несравнимую ни с чем радость творчества. В адрес Антона Гапоника приходили письма благодарности из разных уголков нашей страны и из-за рубежа.

Несмотря на вынужденное затворничество, Антон не был оторван от общества. Он – член литературного клуба «Откровение» при ЦГБ. На заседаниях клуба его представляла мама – Людмила Ивановна. Сама - человек добрый, открытый, сильный и справедливый, она и сыну дала чуткое сердце и умение сопереживать и дар видеть мир в его лучших проявлениях.

Его стихи, полные философских размышлений о жизни, любви несли и несут людям свет и радость. Сам обездвиженный, он дарил своими стихами оптимизм и надежду на светлое будущее. Он останется в памяти близких. А в стихах будет продолжаться его жизнь, такая трудная и такая неповторимая жизнь...

(Ведущий библиотекарь БСЧ им. Т.Рубцовой МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Юрги Елена Чазова)"

Но, жизнь моего сына и поэта Антона Гапоника продолжается. Она вечна! Он приходит. Приходит в сны. Направляет меня во времени и пространстве.

Сегодня 9 мая 2017 года. Повествование о стойком оловянном солдатике, который всей своей жизнью, силой воли и духа являет пример жизнелюбия и всепрощения, закончено. Но, никогда не закончится память Вселенной о сильнейшей духовно развитой, не сломленной нечеловеческими страданиями личности. Мы прошли свою войну. И пусть проиграли ее физически. Но, духовно, Антон ее выиграл.

Письма в вечность.

"Сыночка, ты мне подарил почти 24 года счастья. Прекрасного счастья! Незабываемого! Безгрешного! Я благодарна Богу, что ты - мой сын, добрый, всепонимающий, всеобъемлющий своей любовью. Ты показал достойный пример жизни! Ты окружил меня теплотой, заботой, сыновней любовью. Мы понимали друг друга с полуслова. Такого ангела надо заслужить. Я благодарна Богу, что не узнала от своего ребенка подлости, злости, предательства, тупости, ненависти. Только все самое неземное, все самые высокие, лучшие чувства ты подарил мне, сын! Спасибо, что ты есть в моей жизни! Спасибо, Господи, что оградил меня от подлости, что дал мне Ангела, чистого, непорочного!

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"

"Не то, что скучаю по тебе, сыночек, а душа черна от горести - так тебя не хватает. Не то, что от потери с ума схожу, а опора выбита из-под ног - задыхаюсь от нехватки воздуха. Ты страдал куда больше. Я молилась, чтобы ты отмучился. Чтобы не лежал долго. Ты и не лежал долго - всего неделю. С этой болезнью лежат и мучаются намного дольше, а ты сразу сгорел, за 10 дней. Но почему я тогда я была спокойно - оглушённая?"

Почему не кричала, не рыдала, почему тогда смирилась? Ты - моя звездочка. Всем оставшимся существованием я буду стремиться к тебе, малыши. Я всегда с тобой. С утра опять в слезах. Всегда в слезах. Будто они помогут. Вернут тебя. Странно у человека устроен организм. Живет счастливо - счастья не замечает. Теряет - понимает, насколько был счастлив. Что имеем - не храним. Только ты, Антоша, это всегда понимал. Прости меня, сынок. Только ты мог меня понять и принять такой, какая я есть. Ты-моё всё.

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)."

"Еще один день без тебя, сынок. Я встала, опять в слезах. Уже не оглядываю комнату в поисках тебя. Все мысли только о тебе. Молнией - тебя здесь нет. Встаю, не понимая, зачем. Так хорошо во сне. Там нет печали по тебе.

Смотрю на твоё фото. Ты смотришь на меня, нежно, загадочно...и устало. Слезы, слезы, как их нынче много. Говорю: "Мальши, тебе 10 минут ещё спать, а ты уже глазки открыл. Всю ночь не спал? Устал, наверное?" А мальши мой смотрит на меня и молчит. Я пытаюсь понять по твоему взгляду, как ты там, что хочешь мне сказать. И плачу, плачу...Прошло 10 минут. Я должна тебя поднимать. С какой-то упрямо-тупой надеждой захожу в твою комнату. Поднимать некого. Некого! И так каждый день. Без тебя.

Ужасный, бесполезный день. Без тебя.

Но какой ты нежный всегда приходишь ко мне во сне, любящий и светлый. Ты светишься всем своим существом, всем обликом и прекрасной, нежной улыбкой. Ты такой счастливый приходишь. Такой нежный, тоненький, стройненький и высокий. Так легко передвигаешься, будто паришь. В этих снах я такая счастливая! Хотя во снах я вижу абсолютное счастье, где ты здоров и помнишь меня. И я могу с тобой говорить. Спасибо тебе, сыночек, что ты жил! Что сделал меня счастливой мамой! Что любил и заботился! Спасибо, что и сейчас ты живёшь, любишь и заботишься! Пусть на небесах.

Пусть мы в разлуке. Но я знаю, придет время, и мы снова соединимся. Я люблю тебя, сынок! Прости меня за все, родной мой.

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"

"Я поставила перед собой твою фотографию, сынок, где ты смотришь на меня нежно-любящим взглядом, с легкой улыбкой. Теперь ты встречаешь меня утром подбадривающим взглядом. Когда я плачу, ты смотришь на меня жалостливо. Когда я тоскую - твой взгляд тоскует. Когда я улыбаюсь тебе, кажется, что ты вот-вот мне подмигнешь. Ты - моя жизнь. А я ее потеряла.

Прости. Больно дышать без тебя.

Одна боль...боль...боль...и вина...собственная вина... Опоздала...Не досказала, не доласкала, не дообнимала... Каждый день проживаю за тебя, для тебя. Твоя любовь - моя религия.

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"

"Мне нужен ты, сыночек, только ты! Я с ума схожу в разлуке с тобой. Мне не хватает, ужасно не хватает твоей доброты, мудрости, рассудительности, понимания, твоей заботы, нежности, тепла и уюта твоей души, твоего света, лучистости, надёжности, спокойствия, улыбок и шуток, ладошек, сияющих глаз, щёчек, твоего дыхания и сопения под ухом. Мне нужен ты, мой любимый сынок, мой старший товарищ, заботливый друг, прекрасный наивный мальчишка, мудрый советчик. Я без тебя чувствую себя беззащитной. Ты - моя опора. Очень скучаю. Твой жизнерадостный голос больше не звучит в квартире. Она стала холодной. Ты никогда в этой жизни больше не назовешь меня мамой. Прости меня, сыночка, за все мои ошибки.

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"

*"Не могу поверить, что ты ушел, сынок. Твои движения, привычки, голос, улыбка, смех - до того мне знакомы, что они звучат и видятся мне в воображении, как продолжение жизни. И это сбивает с толку. Я живу так, как будто ты есть в этой жизни, как будто ждешь меня. Но... Это иллюзии. Я живу между воображением и иллюзией. А реальность - самое страшное, что происходит в моей жизни. В этой жизни, наполненной ложью и яростью и неоправданной местью. Ты не захотел быть частью такой жизни.
(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"*

*"Самым любимым словом, любимым пространством для меня стало небо. Небо, я люблю тебя, потому - что ты приютило моего сыночка! Потому - что я верю, ты соберёшь нас всех вместе когда - нибудь! И я знаю, любимый Антошечка - сыночек, что мы с тобой под одним небом, только ты выше, а я ещё не долетела к тебе.
(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"*

*"Очень люблю тебя, лапочка. Плачу по тебе каждую секунду. Слезам нет конца, горю нет дна. Душа скрючилась, свернулась, высохла. Как тебе было уходить? Конечно, мучительно. И эти муки я не смогла тебе облегчить. Самое страшное для живущих на Земле - когда поздно. Поздно всё. И ничего не изменить.
(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)"*

СНЫ О СЫНЕ.

Через 3 дня мне приснился сон: "Пришел отец Антоши. Довольный. Улыбается. Вымыл у меня в зале пол. И ушел. Больше не снился с тех пор. Хотя, до этого снился 2 года каждую ночь"

Потом приснился Антоша. Сказал: "Мама, я больше никогда не заболею, мне моя бабушка сказала."

Антоша приснился в свой День Рождения 7 декабря 2013 года. Вижу сон: "Наши с Антошей души с невероятной сверхскоростью режутся над городом, даже шум, свист в ушах от ветра. Весь город за миг облетаем. Ближе к вечеру, небо уже темно-фиолетовое, в вечерних тучках. Тихо, спокойно. Не чувствую ни печали, ни счастья - мне просто хорошо (тела не чувствую, и не вижу своего). На душе благодать, любовь ко всему. Понимаю, почему душе не надоедает вечная жизнь. Антоша выше летает (его тело гибкое, легкое, как в облачке). Я ближе к земле. Пролетаем над могилкой Антоши и мамы. Там мама стоит, руки к небу подняла – меня зовет обняться. Я на огромной скорости камнем вниз, к ней... Не долетела – проснулась.

30 января 2014 года утром уже хотела вставать. Да, думаю, полежу немного, рано еще. И сразу так странно и глубоко заснула. Вижу сон: " Антоша лежит мертвый. В том гробу, в котором похоронили. Моя мама стоит у его изголовья. Я к нему прикасаюсь, обхватываю кисть. Она холодная. Но, вдруг, чувствую, как рука его теплеет, и вижу – в неё вливается жизнь. Я маме говорю: "Он теплеет!". Она головой качает и улыбается. А я кричу уже в восторге: "Он теплый!". А сынок и правда теплеет, рука розовеет. И вдруг глаза открыл. Ничего понять не может и не знает, что умер. Встал, высокий такой, стройный. К стенке прислонился, я к нему прижалась, но прикосновения не чувствовала. Ему вроде плоховато - бледный и обмякает еще. Я спрашиваю: "Антоша, ты ведь умер, как же ты ожил?" Он мимикой мне показывает: "Мама, не говори ерунды, я жив. Но сейчас мне просто плоховато, пройдет". Я ему говорю: "Ты два дня пролежал холодным. Хорошо, что не похоронили. А то очнулся бы в гробу. Страшно представить". Он бледный еще, какие-то таблетки я ему дала, он сам их взял, спокойно проглотил (а ведь при жизни был полностью обездвижен и глотать не мог, я его никогда не видела таким здоровым, как во сне). Я все смотрела на него. Через некоторое время, по моим подсчетам во сне - через 2 часа Антоша уже сиял в улыбке, был рядом с моей мамой, но и недалеко от меня. И он не ходил, а передвигался по воздуху очень быстро. В одном месте как будто растворялся, а в другом фокусировался - такая была скорость его передвижения. И Антоша мне так ничего и не сказал, только его взгляд, сначала ничего не понимающий, потом страдающая мимика лица - ему было плохо, потом сияющая улыбка. И вот мой сын здоровый, щеки полные, румяные... Они с мамой по полукругу "уплыли" по воздуху вдаль.

Потом видела еще сон: "Антоша показывал мне, как он болел, страдал и мучился в жизни. А потом спросил: "Ну и как бы я здесь жил, мама? Я не мог больше так."

Следующий сон: " Антоша умер. Я ношу и ношу его на руках, и все думаю, почему он теплый, не остывает. Вдруг он ожил, открыл глаза, улыбается и говорит: "Мама, умирать не страшно, жить страшно."

14.03.2014г. Сегодня сон видела, будто какой-то человек вел лекции, и Антоша туда просился аж со слезами. Я его кое-как привезла. Говорю ему: "Ну ты тут побудь, а мне уйти надо ненадолго." А он, не смотря на меня, говорит: "Иди, мама, со мной все будет хорошо." Он смотрел на этого человека, как на Бога, каждое его слово впитывал, а по щеке его стекала слезинка и лучилась. На шее Антоши висела ниточка черная, на ней нанизаны росинки (думаю, это его жизнь. Черная нитка - его болезнь, росинки - жизнь между обострениями). И вот эта ниточка оборвалась и упала на книгу, что лежала перед тем человеком. Антоша хотел ее поднять, но тот человек говорит: "Не надо, смотри куда твоя ниточка упала, это очень важно, так как твоя ниточка избранная". А ниточка упала на слова: "Ты - вера и любовь"

17. 04.2014г. Сегодня видела сон, что пыталась выписать пропуск к Антоше, а мне сказали, что нужна подпись самого Главного. Я пошла в контору какую-то скромную, дощатую, плакала и просила пропуск с подписью. Девушки, которые там работали, пошли за пропуском... И я проснулась.

17.05.2014г . вижу сон: "Антоша стоит перед диваном, на котором мы спим. Смотрит на меня, улыбается. Проснусь-усну, опять стоит. И так до утра. А утром спрашиваю сыночка: "Ты что, Антоша?" Он, улыбаясь, отвечает : "Тяжело дышать".

И к мужу утром в этот же день пришел улыбающийся Антоша, повел его на тот свет (в сторону нашей реки Томь - там оказался другой мир). Показал мужу, что его там вылечили, а теперь он лечит людей с Земли. Антоша сказал мужу, что его скоро здесь вылечат, и что надо сюда привезти еще его друга, чтобы и его вылечили. Ровно через месяц мужа не стало. Мгновенный инфаркт. Еще через полгода не стало друга Антоши Саши.

Платом еще видела замечательный сон: "Небольшой цех, в котором Антошка этих лет - тоненький, радостный, светящийся, полный стремлений строит парусники. С мальчишкой каким-то немного младше его и пониже ростом они чертежи яхт разрабатывали, рассчитывали все, расчерчивали. Видела на ватмане реальные чертежи яхт. Антон был главным. Он был просто поглощен в работу. Сначала они строили макеты и пускали их в ванне с водой. Вода была

такая красивая, голубая. Я вошла в этот цех. Там уже в полный размер стояли заготовки парусников. И в один ряд шесть кресел -таких, как в кинотеатре. Через два кресла сел мой Антошка -жизнерадостный, счастливый, энергичный, получивший наслаждение от работы. И я так его крепко обняла, аж косточки у него хрустнули. Он весь ко мне потянулся. Я его обняла от всей души со всей любовью, понимая, что мы долго с ним не виделись. Я скучала. И вот Антошка рядом. И проснулась. Все видела в деталях. И было очень много радости там, во сне.

Сон 18.12.2015г. "Я уснула. Вдруг, у меня остановилось сердце, и я поняла, что не дышу. Сначала жутко не хватало воздуха, потом воздух стал таким свежим (но я не дышала, я поняла, что умерла). Поднимаюсь с постели легкая, ничего не болит. Знаю, что надо делать. Накинула платье и пошла между домами к речке Этот путь Антошка показывал мужу перед смертью мужа. Будто там есть временная дыра между мирами обитания душ, людей. Я пошла тем же путем. Остановилась у берега. А берег высокий. Луна светит, снег блестит. Ночные облака кучками собираются. Вдруг, оттуда, где облака разошлись, вырвался ослепительный свет, и по нему, как по лестнице, ко мне стали спускаться люди. Они не шагали, а плыли. Все ниже. Все ближе. Стала различать лица. Первый сын Антон, потом идут все родные, знакомые, незнакомые. Все молодые. Улыбаются. Кожа, как атласным бархатом отликает. Одеты в белое, как раньше на Руси одевались. Рубаха-косоворотка с пояском, брюки белые, сапожки из мягкой ткани, типа замши. Очень красивые все, легкие, веселые, дружные. Высокие - метров пять. Вереница. Первые встали на землю. Антон "подплыл" по воздуху ко мне. Высокий, стройный, волосы отрастил, развеваются кудряшками шпеничного цвета. За ним все родные. Улыбаются. Пока они спускались, я всех рассматривала. Потом только на Антошу смотрела. Антоша опустился на колено, взял мою руку, целует ее. А между нами появилась струящаяся пленка. В соприкосновении наших рук эта пленка как обтекла их. В мире Антошки солнце, лето, трава зеленая, ветерок. А в моем луна светит, зима, снег под ногами. И падает снег. Я плачу, хочу сказать что-то, но не могу. Сыночек смотрит на меня так красиво, нежно. Ладонка его теплая, большая, с мозолями, как у мужчины. Сам весь крепкий, жилистый. И все такие же сзади. Он обхватил мою ладонку, которая утонула в его. И «заговорил». Но он не говорил, а как передавал информацию через руки, глаза. Она потекла в меня, в мою голову, стала моей мыслью: «Мама, мы все живы. Мы находимся всего лишь за «пленкой» друг от друга. Эта пленка для вас имеет огромные расстояния, ведь мы не на другой планете, не в параллельном мире. Мы вокруг, везде, в пространстве, которое вам не доступно пока. Для нас это, как на Земле тоненное стекло. Мы вас видим, вы нас нет.

Сначала была пустота. Она была всегда. Пустота стала эволюционировать. На это ушло бесконечное множество триллионов веков, прежде чем появился Свет. Потом Свет стал эволюционировать. Появился Разум. Разум стал

эволюционировать. Создал микробы, бактерии, вирусы, Вселенные, Галактики, планеты. А Свет вокруг. Очень ласковый и вселюбящий. Но, где есть Свет, там есть и тень - Тьма. Во Тьме стали селиться Темные. Мы - Светлые. Я - не Антон. Я - Светоч. Я поведу своих друзей-воинов на борьбу с Темными. Есть Рай. Помнишь, я писал историю Руси. Там был у руссов Бог Солнца Ра. Так вот, я писал нашу историю. Мы Райские. Наш мир называется Рай. Все идет по спирали. Потому, пока есть начало - есть и конец. Но, на самом деле, не будет ни начала, ни конца, так как спираль когда-то замкнется. Не будет конца Свету и Тьме, Светлым и Темным. И всегда меж ними будет назревать война, так как Темные сеют хаос, не хотят жить в мире, порядке. А есть и просто люди. Мама, мне дана была эта болезнь, чтобы спрятать от Темных.

Я должен был узнать, как далеко Темные продвинулись. Оказалось - очень далеко. Жизнь есть не только на Земле. Она на многих планетах, но все мы встретимся за чертой жизни, в другой плоскости. Светлые живут дружно. Пашут землю, сеют хлеб, пьют молоко, водят хороводы, поют песни. Свет нас оберегает. Здесь все мы достигаем 33 лет. Ты наполовину Светлая, потому я пришел к тебе. Чтобы Темные не нашли, и чтобы сделать тебя Светлой. И ты придешь в наш мир. Отец у меня Темный (но живет среди нас, Светлых). Это хорошо сыграло свою роль. Но меня Темные почти нашли, когда мне было 9 лет. Помнишь, мама? Тогда Светлые вступились за мою жизнь на Земле. Когда мне было 15 лет, ко мне приходил Светлый(Ангел). Помнишь, я тебе рассказывал о Белом Ангеле? Стоял вопрос забрать меня или нет. Но, моя миссия не была завершена. И мы рискнули. Светлые окружили меня, и я мог разузнать о будущем многое. Конечно, память у меня была стерта на 99%.

Когда Темных становится много, то на какой-то планете, в связи с войной Темных и Светлых, наступает конец человечества, а иногда, и самой планеты. Помнишь, ты видела три сна о разных концах света (наводнение, химическая атака, и гибель всей планеты). Это уже произошло с другими планетами. Темные наступают. И потому Светлых срочно отзывают с земель, с планет. Мы станем снова воинами. И снова победим тьму. На Земле не останется жизни. Люди погибнут. Светлые уйдут в Рай. Темные погибнут. Но не все. Оставшиеся уйдут во тьму. Я-воин, мама. Мы ждем тебя. С бабушкой. И с нашей кошкой. Ты придешь совсем скоро. Туда, где царят вечность и бесконечность. Мамочка, мне пора. Родная моя..." Он вложил мне в руку перышко. Сказал еще, что опытные души летают, остальным делают крылья... Взял меня на руки и... положил на кровать. Я вскочила. Утро. В ладошке перышко... Может, от подушки. Но, я хранил его.

Сон 23.10.2016г. "Антоша говорит: "Мама, прости, что не прихожу, некогда, надо нежиков ловить". Я спрашиваю: "Кто такие "нежики?" Он мне отвечает: "Нежики-это живые чувства неживого человека по кинетически (по - земному духу). Когда человек умирает, освобождается ступок энергии с нежиками, и его нужно поймать, чтобы он не зависал "между", не находился долго вне дома.

Иначе, он либо потеряется, либо погаснет, либо заблудится. Когда мое тело(оболочка) умерло, освободился нежик (душа). Мне было так хорошо без боли и страданий! Ты не представляешь, что это такое - воля! Полная воля! От оболочки, боли и негатива! Я знал, что надо было идти домой, к Свету. Но мои нежик так хотели порезвиться с ветром, что меня тоже ловили. Помнишь свой сон? - Я упал в облака, обессиленный, а ты меня взяла на руки и принесла домой, к Свету!

Тяжелее всего ловить нежиков, которые испытывали боль, страдания, и которые ушли посредством суицида. Они так носятся на воле, счастливые и быстрые, что просто невозможно за ними угнаться. Легче всего ловить нежиков богатых людей. Они "над златом чахнут". Там мы их и находим. У убийц нет нежиков. Просто темные пятна. Они сразу сливаются с Тьмой.

18.02.2017г. Сегодня Антоша приходил ко мне в сон. Он был таким счастливым, улыбался своей ослепительной белозубой улыбкой(я всегда ее называла голливудской). Здоровый, плечистый, высокий, стройный! В том свитере, в котором Антошу похоронили. Весь светлый. И от него струился свет. А потом он так смеялся! Просто заливался смехом! Добрым и счастливым смехом. На Земле люди не умеют так радоваться. Когда я проснулась, то помнила все детали сна(он был коротеньким). Потом уснула, а утром детали уже не помню, только сыночку белозубую, эксклюзивную улыбку, заливиный смех и сверкающий от счастья взгляд.

Ты - в каждой цветочке, листочке, порхающей бабочке.

Ты - в радуге снов и в каплях ночного дождя.

*Мой нежный мальчишка, моя неземная лапочка,
твоими глазами звезды с небес глядят.*

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Разговор с сыном.

Нет тебя-и солнце светит тускло,
Нет тебя-и неуютно вдруг.
Нет тебя-и мне так грустно-грустно.
Нет тебя-и нет тепла вокруг.

(Антон Гапоник в 9лет)

Прости меня за все, моя душа-
Что очень больно без тебя дышать,
Что слёзы, мысли только о тебе,
Что жизнь моя осталась в сентябре.

А ты ушел, отдав свои мне годы,
И лучиком сияешь с небосвода...
Вот только как мне жить, совсем не знаю,
Я без тебя, сыночек, погибаю.

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Болезнь дана, как испытанье:
Терпи и до конца борись.
А если выдержи экзамен,
Награда мне за это – Жизнь!

Я справлюсь! Снова стану сильным!
Дурные мысли отгоню,
И маму крепко обниму!
И буду ласковым и милым!

(Антон Гапоник в 11 лет)

Сыночек, родной мой, сладкий,
Ты-мир мой прекрасный, вечный!
За душу, покрытую латками,
Прости меня, безупречный.

За грусть-такую безумную,
За слезы-такие бездонные,

Прости меня, неразумную,
Замерзшую, да бездомную.

Спасибо тебе, мой ласковый,
За счастье, тобой мне данное,
За годы с яркими красками!
Ты-песня моя желанная!

Обвита земными путями,
Я руки тяну ко звездам.
Прости, что любовью кутаю
Непоправимо поздно.

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

О, мамочка, любимая, родная!
Твои глаза сияют добротой!
Твоя любовь – она меня спасает,
Внушая мне надежду и покой.

И если вдруг меня постигнет немощь,
И если вдруг меня настигнет ложь –
Я знаю, ты тогда меня поддержишь!
Я знаю, ты тогда меня поймёшь!

(Антон Гапоник в 12лет)

Ты ко мне никогда не вернешься.
Как смириться мне с этой печалью?
Не окликнешь и не отзовешься...
Ты теперь наслаждаешься далью.

Небо звездами путь осветило,
Облаками тебя обогрело.
Как ты там, мой Антошечка, милый?
Как душа, мой сынок? Отболела?

Между нами разлучница-Вечность:
Ни взглянуть, ни обнять, ни услышать...
И дрожат, вдруг озябшие, плечи.
И слезами мой век щедро выпшит.

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Я выстою, мама, я сильный!
Ты только не плачь, родная!
Я выстою, мама, поверь мне!
Болезни меня не сломают!

Любимая! Самая нежная!
Прошу, за меня не тревожься!
Ты видишь – я счастлив по-прежнему!
Ты знаешь – тебя я не брошу!

(Антон Гапоник в 12 лет)

Без тебя, родной сыночек,
Сколько не спала я ночек,
Сколько не жила я дней,
Всё блуждая меж огней.

Что ищу я, там скитаясь?
За грехи какие каюсь? -
Потеряла я тебя,
Бог же приотгил, любя.

От меня теперь далёк
Самый яркий огонёк.
Самый нужный, самый нежный! -
Ты свети во тьме кромешной,

Окружающей мой дом -
Самый ты желанный в нем!

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

В моё тело болезнь окунулась
И сменила надежды на грёзы.
Ты к окошку сейчас отвернулась,
Но я знаю, в глазах твоих слёзы.

Мама, мамочка, слышишь, не надо!
Плачешь ты, плачем я и метели.
Ведь сегодня с тобою я рядом,

Нас сегодня ничто не разделит.

А, как вечер задрнет окошко,
Ты коснёшься волос моих нежно.
Положу я тебе на ладонку
Голову, и засну безмятежно.

Боль тепло твоих рук успокоит,
И приснится мне сон-невидимка,
Что горячею стала слезою
Мне на щёку упавшая льдинка.

Мама, мамочка, слышишь, не надо!
Плачешь ты – плачу я и метели.
Ведь сегодня с тобою я рядом,
Нас сегодня ничто не разделит.

(Антон Гапоник в 13 лет)

Пишу тебе в вечность...и верю, и знаю,
Что ты обязательно все прочитаешь,
Любимый мальчишка с прекрасной улыбкой,
Прости мне, мальчишка, мои все ошибки.

Прости, что устала со смертью бороться,
Моё ненаглядное, вечное Солнце.
Мой нежный, мой добрый волшебник из сказки,
Ты жизнь разрисовывал в яркие краски.

Я знаю - прочтешь, что люблю тебя очень,
Мой Тошечка милый, мой славный сыночек,
Мой смысл и награда, мой центр Вселенной.
Отзывчивый мальчик с душой откровенной.

Прости, что я плачу, скучаю, страдаю.
Во всем лишь себя я одну обвиняю -
Спасти не смогла я тебя, не сумела,
Душа на рассвете твоя улетела.

А я все стояла над брошенным тельцем
С единым вопросом к болящему сердцу:
"Как въжило ты? Так предательски бьешься.
Что ж ты, равнодушное, не разорвешься?"

Но сердце, разбитое сердце молчало,
Что умерло - просто об этом не знало.
Куда-то исчезла минут быстротечность...
Я снова и снова пишу тебе...в вечность.

(Людмила Гапоник. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Дано нам, мама, было изначально
Печалиться вдвоём одной печалью,
Тревожиться вдвоём одной тревогой –
Ведь это на двоих совсем немного.

Дано нам, мама, было от рожденья
Тепло души, и каждому отдельно,
Чтоб грел тебя, меня ты согревала –
Ведь это на двоих совсем не мало.

(Ангон Гапоник в 14 лет)

За пределом тоски разбиваясь о мертвые скалы,
Мимо слов и признаний, до боли пустых и никчемных,
Вновь беру высоту, на которой мигнешь мне с овала
И улыбкой очистишь ручей моих слез неумных.

Это наша с тобой - высота, поделенная на два,
Здесь покоишься ты - самый преданный мой человек,
Провожаешь скорбящих своим понимающим взглядом...
Здесь схоронят меня. Чтобы рядом с тобою...навек.

А, пока, у черты...обессилена этой разлукой,
Я стою и...молчу. Только ноет безумно внутри.
За пределом надежд безнадежность становится мукой...
Мальчик мой золотой, мои горькие слезы утри.

Намекни, что ...уже...что совсем...очень скоро...уйду,
Упаду в эту землю... последней улыбкою...в небыль...
Без рыданий и слов...прочь проклятую эту... беду...
За пределом тоски только наше высокое...небо!

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Солнце взошло игривое,
Золотом лучик в ладонь мою.
Мамочка, моя милая,
Я для тебя его сохранию.

Я на колени тебе положу
Дар удивительного рассвета.
Лишь для тебя, самой нежной! – скажу –
Весенний комочек дивного света.

Ты оглянись, как прекрасно вокруг
Стало! И в души праздником веет!
А, если меня не станет вдруг –
Солнечный луч твою душу согреет.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Солнышко светит в окошко,
Ищет тебя, Антошка,
Ищет тебя, любимый,
Милый, неповторимый.

Стены щекочет лучик,
Где ты-мой самый лучший?
Где же твои веснушки-
Солнышкины подружки?

Помню, как ты улыбался,
К солнышку сам ласкался,
Мой ненаглядный мальчик-
Солнечный, нежный зайчик.

Солнышко светит в окошко,
Ищет тебя, Антошка,
Но не находит, плачет,
Слёзы за тучку прячет.

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Успокой мою боль, мама,
Ту, что сердце мое точит

Ветер бьется в окно упрямо,
Будто нас разлучить хочет.

Нет покоя младым кронам,
Так неистовы их стенанья.
Где-то, там, в глубине стона,
Различаю свои страданья.

Слышишь, мама, как плачут березы?
Видно, страшно им, не иначе.
Различаю свои слезы,
Где-то там, в глубине плача.

Что же боль моя не уймется?
Будто хочет мне сердце вынуть,
Заслонила собой солнце...
Только я не привык стынуть.

Мы еще поживем, мама!
Мы пошутим еще, знаю.
Даже, если она упряма-
Эта боль. Мы сильнее, родная!

(Антон Гапоник в 15 лет)

Согрей меня теплом своей души,
Позволь мне окунуться в эти краски...
Из чуждой человеческой глуши,
Где в моде нынче каверзные маски,

Ты забери меня. Зачем мне это знать? -
Как люди вас, ушедших, забывают,
Как могут возвышать и...после...гнать...
Зачем мне знать, как дети умирают?

Зачем мне видеть муки матерей? -
Которые кресты теперь целуют...
Мне очень больно. Ты меня согрей,
Все пробки поднебесные минуя.

Я жду тебя...Я жду... как никогда,
Ежесекундно прошлое лаская...

Рисуется...ступеней череда -
Иду по ним и...где-то...в небе...таю.

Твой близок вздох. И, вдруг, замрет душа-
С тобой, сыночек милый, обнимаюсь...
Смотрю в глаза - как жизнь в них хороша!
Но...снова...снова...снова...просыпаюсь.

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Я люблю тебя, мамочка милая!
Той любовью, что только от Бога!
Искалеченный хворью постылою
И, успев в этой жизни немного,

Все ж любовью исполнен, как вечностью,
И о том не стыжусь говорить.
Даже став неземной бесконечностью,
Буду я тебе нежность дарить.

(Антон Гапоник в 15 лет)

Мысль о том, что тебя не вернуть, меня сводит с ума.
Твоих ручек мне так не хватает, Антошечка милый.
Почему я живу и дышу? - Удивляюсь сама.
Может быть, потому, что я верю-ты Ангелом стал легкорылым.

Может быть, потому, что я верю во встречу с тобой.
И уже никогда не разлучит нас строгое время.
Но как трудно терпеть от разлук нестерпимую боль.
Как безумно нелепо нести это тяжкое бремя.

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Я запретных плодов не вкушал,
По Заветам я строил жизнь.
Отчего же рвётся душа
Из убого тела ввысь?

Не знаком я с мирской суетой,
Не ступал по колени в грязь.
Отчего же с моей мечтой

Невзначай судьба разошлась?

Недалёк уже Божий Суд,
Может, ждёт меня вечный рай.
Только, мамочка, я прошу,
Ты, пожалуйста, не умирай!

Обо мне не надо тужить.
В своём сердце любовь храня,
Ты живи, чтобы просто жить,
Ты живи, чтобы помнить меня.

(Антон Гапоник в 16 лет)

Милый мой Тошенька, слышишь ли? -
Ветры гудят и гудят...
В сердце липы тропочка выжжена,
Чтобы дойти до тебя.

Снова прошу я прощения,
Снова и снова винюсь.
Тело-моё заточение,
Доля-страдания и грусть.

Ты же, мой Ангел безвременный,
Крылья расправил в полет.
Освободившись от бремени,
Слышал, как вечность зовет.

Небо-теперь твоя вольница,
Дом твой-Божественный Рай.
Мчит тебя звездная конница,
Я ж на Земле умираю.

Выжжено сердце до доньшка.
Тошенька мой, прилети!
Ты позови меня, Солнышко!
Тропку к тебе освети.

Я без тебя неприкаянно
В боли и грусти брожу,
Слёзы всё льются отчаянно,
В прошлом сиротски кружу.

Милый мой, Тошенька, слышишь ли?
Ветры устали гудеть...
В сердце лишь тропочка выжжена,
Чтоб до тебя долететь.

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Лишь любовь к тебе, мама,
Всей любви, что на сердце, превыше!
Всемогущей, вселечащей
Буду я до конца дорожить!

Мы друг другу доверены
Благодатным Велением Свыше,
Чтоб с удвоенной стойкостью
Все невзгоды свои пережить.

(Ангон Гапоник в 16 лет)

Здравствуй, мой Тошенька! Здравствуй, мой ласковый!
Как ты теперь, мой любимый, живешь?
Богом возлюбленный, небом облаканный,
Ждешь ли, сыночек? Меня ли ты ждешь?

Ночкою темною, утром непрошеным,
Мысли, волшебный мой, все о тебе!
Милый мой, нежный мой, самый хороший мой,
Где ты теперь, мой сыночек? Ты где?

Слезы алмазные бусами катятся,
Чистыми, словно твое естество,
Мама твоя в этой жизни расплатится,
И устремится к тебе, в торжество.

Неба, нам, ясный мой, будет достаточно,
Чтобы мечты наши в нем сохранить.
Лучший мой, славный мой, вечный мой, сказочный!
Сквозь расстоянья мы будем любить!

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

А ты, один - единственный, во мне
Живешь всегда! Твоей любви лишь внемлю!

Приходит утро - снова корчусь в муках,
Настанет день - грустит слеза моя,
И вечерами рядом стынет скука...
И только ночью забываюсь я.

Любимый мой, мой маленький сынок,
Мой Ангел, в небесах теперь летаешь.
Прости, что плачу - боль сбивает с ног,
Мне без тебя никак, ты ж понимаешь.

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Помолись обо мне, мама, милая.
Да услышат молитву в Храме Господа-
Нарекут святой тебя, терпеливая,
А меня-твоей силою крестною.

Да, наделим мы душу любовью,
Пусть же будут наши помыслы чистыми,
А сердца, освящённые Божьей кровью,
Засияют солнышками лучистыми.

Да избавим свой разум от искушения,
Да восславим праведность и справедливость,
Да попросим у Господа-Бога прощения,
Да раскаемся за нерадивость.

Да раскроем друг другу объятия
И простим. И прощая, помолимся
На святое Христово Распятие-
Ненавидеть тогда отневолимся.

Отневолимся плакаться-маяться,
Устыдимся мы грехопадения,
А молитва поможет справиться,
Испросить Божье Благословение.

В эту ноченьку, ночь дивную,
Помолись обо мне, мама, милая-
Станем мы с тобой волей единою,

Станем силой несокрупимою.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Ты-лучший в мире! Я тебя люблю!
Мой маячок, мой мученик-сыночек.
Я так люблю! И небеса моллю
Хранить вовек сей аленький цветочек.

Дарить ему тепло и яркий свет,
Пусть тянется к другим мирам, отныне.
А я, в пределах отданных мне лет,
Светло и свято буду помнить имя -

Антон! Спасибо Высшим силам от души! -
Что дали мне светлейшего из светлых,
Что он любить и радовать спешил,
И мудр был... в вопросах... и ответах.

За силу духа крепкую его -
Я прикоснулась к тайнам мироздания -
Что не было на свете никого,
Кто пробудил бы - жить - во мне желанье,

Лишь только сын, сын Света и добра,
Антошка мой - и хрупкий и могучий,
О, как душа...душа твоя светла!
Ты, несомненно, самый...самый лучший!

(Людмила Гапоник. 2017г. Твоя, горячо любящая тебя, мама)

Войди в мой хрупкий Храм. (Антон Гапоник)

Судьба моя – как мотылёк,
Легит она на огонёк.
Летит туда, где есть тепло,
Но бьётся-бьётся о стекло.

А за стеклом прекрасный вид,
Луна фонариком горит,
Смеётся – ей и невдомёк,
Что где-то плачет мотылёк.

(Антон Гапоник в 11 лет)

- Проснись! – мне ласково солнце шептало –
Настежь все окна раскрой!
Ты видишь, дружок, уже солнышко встало,
Спешит на свиданье с тобой!

Божественным светом простор напоило,
Умыло росой берега,
Проходим улыбку и свет подарило,
В сердцах растопило снега.
Проснись! Поспеши же навстречу рассвету
И в чудо скорей окунись!
Смотри же, как солнце ласкает планету,
Как в ней пробуждается жизнь!

Смотри же, как солнцу послушна природа,
Рассвету и ты улыбнись!
И станет легко, и исчезнет дремота.
Проснись же, дружок мой, проснись!

(Антон Гапоник в 12 лет)

Я спросил у мечты: «Что же ты не сбьлась?
Что же, милая, ты, от меня отреклась?
Чем тебе я не мил, чем тебе не хорош?
Почему же в свой мир ты меня не зовёшь?

Но сказала мечта: «Ты меня не суди,

Всё, что ты пожелал, я сумела найти.
Разве я не сбылась? Разве я отреклась?
Я навстречу тебе быстрой птицей неслась!

Я исполнила всё, что по силам моим.
О дальнейшей судьбе ты спроси у любви).
Я спросил у любви: «Что же ты не пришла?
В одинокие дни что меня не нашла?

Чем тебе я не мил? Чем тебе не хорош?
Почему же в свой мир ты меня не зовёшь?»
Но сказала любовь: «Ты меня не вини:
Ты пришёл в этот мир с сердцем, полным любви!

На меня ты обид не держи, всеравно,
Дать тебе я могу, что лишь Богом дано!»
Я у жизни спросил: «Что ж идёшь стороной?
Потому-что без сил? Потому-что больно?

Чем тебе я не мил? Чем тебе не хорош?
Почему же в свой мир ты меня не зовёшь?»
Жизнь ответила мне: «Ты меня не ругай:
Там, в другой стороне, обретёшь ты свой рай!

Там, среди облаков, что от края до края,
Будешь счастлив, здоров! Я тебе обещаю!»

(Антон Гапоник в 12лет)

Пусть душа заплачет над душою,
О душе душа пусть заболит,
И тепло, терпение людское
Пусть больную душу исцелит.

Пусть Добро пребудет на планете,
На любовь откликнутся сердца,
Пусть душа на этом белом свете
Дорожит душою до конца.

(Антон Гапоник в 12 лет)

Я уйду навсегда,
Я уйду в небеса.

Вечных дней череда
Мне закроет глаза.

Растворится беда,
Словно призрачный дым.
Я уйду навсегда,
Я уйду молодым.

Будет ветер рыдать,
Будет солнце грустить -
Я уйду навсегда,
Чтобы в вечности жить.

(Антон Гапоник в 13 лет)

Благословляю тишину!
Она добра и не утрюма.
Подвластны ей мечты и думы-
Благословляю тишину!

Благословляю доброту!
Она светла и бесконечна,
И бескорыстна, и сердечна-
Благословляю доброту!

Благословляю благодать!
Она божественно певуча,
Она желанна и могуча-
Благословляю благодать!

Благословляю дальний путь!
Пусть станет он скользящей нитью.
Коль, что не так – за то простите,
Благословя мой дальний путь!

(Антон Гапоник в 13 лет)

Я извлеку из сердца
Огонь моей любви,
Чтоб у него погреться
В простуженные дни.

Пусть он осветит людям

К прекрасному пути...
Когда меня не будет,
Огонь любви, свети!

Я извлеку из мысли
Полёт моей мечты,
Чтоб он дождем пролился,
И расцвели цветы.

Пусть он поможет людям
Сквозь тернии пройти...
Когда меня не будет,
Мечта моя, лети!

Я извлеку из чувства
Добро души моей,
Чтоб мир людской очнулся
От суматохи дней.

Оно поможет людям
Жить дружно, не греша...
Когда меня не будет,
Живи, моя душа!

(Антон Гапоник в 13 лет)

О, помоги, Всевышний Боже, помоги!
На день, на час мою надежду сбереги!
Позволь дожидаться летнюю зарю!
О, помоги, молю тебя, молю, молю!
Не забирай моей любви последний миг!
Не отнимаю, кого люблю, к кому привык!
Тебе Господь я с верою шепчу:
О, помоги! Я жить хочу! Я жить хочу!

(Антон Гапоник в 13 лет)

Как над Томью-рекой
Занимался восход,
Золотою каймой
Украшал небосвод,

Щедро краски свои

Разливал над водой,
Красотою поил
Он простор голубой.

Запоздалых огней
Неземное сплетенье
Расшивал по кайме,
Что алмазов вкрапленье.

Кружевную вуаль
Над рекой пазывал,
В золотистую шаль
Реку-Томь одевал.

Распушил облака,
Словно мех белоснежный,
И гордилась река
Красотой своей нежной!

(Антон Гапоник в 13 лет)

Поволокой бескрайней
Брежит берег Томи,
Берег юных мечтаний,
Берег нежной любви.

Спят туманные скалы,
Принакрывшись тайгой;
Вот уж солнышко встало
Над сибирской рекой.
Зашептались берёзы,
Улыбаясь заре,
Расплетённые косы
Утопив в серебре.

В тихих зарослях ивы
Не плеснётся затон,
Лишь трава шаловливо
Комара ловит звон.

Словно ласковый май,
Льётся луч перламутром...
С добрым утром, мой край!
С добрым, ласковым утром!

(Антон Гапоник в 14 лет)

Сибирский край – моя молитва!
Мой, окрещённый Богом, стяг!
Земля до недр твоих пролита
Слезми и потом работяг.

Сибирский край – моя надежда!
Твоя приятна сердцу даль!
Она звенит во мне, как прежде
Молитвословная печаль.

Тобой окован, словно цепью,
Иль околдован, словно сном!
Сибирский край – святая церковь!
Тебе последний мой поклон!

(Антон Гапоник в 14 лет)

Каждый миг корчусь в приступах боли,
Но судьбины иной не хочу,
А предсмертным усилием воли
Я зажгу у Распятья свечу.

И молитву в ночи прочитаю,
И слезу на Распятье пролью.
Ты объятья, Иисус, раскрываешь,
Только гвозди объять не дают.

Только крови они не боятся,
Не покрыли их ржавчиной дни.
А в глазах твоих, Боже, таятся
За страданием силы любви.

А в глазах твоих вера святая
И прощенье своим палачам,
Тем, кто ранил тебя, предавая.
Пряча муки, ты всё им прощал.

Вот уж утро. Свеча догорает,
Освящённая ликом Креста.

Я погасну за ней, умирая,
Чтоб воскреснуть во славу Христа.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Не вырвется стон из груди,
И взгляд не потухнет от боли,
Хоть знаю, что там, впереди,
Недуг мой распишется кровью.

У Бога прошу одного,
И это звучит, как заклатье:
- Терпения дай мне того,
Чем славен Иисус на распятье.

Святому примеру служа,
Я муки приму без рыданий.
Не дрогнет от страха душа,
Не выскажет разум страданий.

Не вырвется стон из груди
В минуту лихого забвенья...
Ты только меня не суди,
Мой Бог, за слезу сожаленья.

(Антон Гапоник в 14лет)

Ужель мы души растеряли?
Зло без помех кропит сердца.
Идут дорожку венца
Дни равнодушья и печали.

Ужель, не одолевши гнёт,
Добро теряет суть и силу?
Коль не сведёт нас зло в могилу,
Уж точно ненависть убьёт.

«Кладём» старательно кресты,
Молитвы вторим беспрестанно,
Но, всё-же, поздно или рано,
Сжигаем за собой мосты.

И всех клянём немилосердно,

И ненавидим всё и вся,
Чужие жизни растряся,
Мы снова молимся усердно.

И снова в церкви святым днём
Прощенья просим у порога...
Словами все мы верим в Бога,
Когда ж душой к нему придём?

Грехи желая отмолить,
Мы бьём неистово поклоны.
И плачут оттого иконы,
Что продолжаем мы грешить.

(Антон Гапоник в 14 лет)

О, Русь! Отрадная земля!
Мою любовь ты не забудь.
Печальной песней соловья
Благослови в последний путь.

Туманной лентой обвяжи
Мою земную колыбель,
Росой алмазной освежи
Над ней склонившуюся ель.

И щедро напои дождем
Цветы, что грусть в себе таят.
Они благоухают днем,
А ночью плачут и скорбят.

О, Русь! Манящие огни!
Молчаньем заверши мой путь.
Нас, уходящих помани
И об ушедших не забудь.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Я спою России песнь свою
О её могуществе и силе.
Нет страны красивей в этом мире!
Славлю я Россию и люблю!
О её стальных богатырях

Издавна народ слагал былины,
Испокон веков непобедима
Русская, священная земля!

Необъятна – взглядом не окинешь,
Всюду горизонта полоса,
Рощи, и дубравы, и леса –
Это всё она, моя Россия!

С ласковой, цветущею весной,
С птицами, что с юга возвратились,
С рожью, что в полях заколосилась,
С утренней, живительной росой.

С листопадом осени печальной,
С переливом серебристых рек –
Где ещё увидит человек
Диво красоты первоначальной!

С долгою, суровою зимой,
С избами, где дым столбом из труб –
Там живут охотник, лесоруб –
Люди с богатейшею душой!

Это всё она – моя Россия,
Гордая, великая страна!
Знавшая лихие времена,
Но не помнящая русского бессилья!

(Антон Гапоник в 14 лет)

Успеть бы сказать, что думаю,
Успеть бы поведать, что знаю.
Снедаемый горькою думою
Я медленно умираю.
Успеть бы собраться с силами,
Чтоб слово сказать последнее:
Прочтите мой стих, милые!
Примите его в наследие!

Любите любовью верною!
Мечтайте мечтой крылатою!
Живите смиренной верою!
По совести, да не латаной!

Цените любое мгновение!
Несите в душе сочувствие!
И знайте, любовь – спасение!
Погибель – зло и бесчувствие.

(Антон Гапоник в 14лет)

Горит свеча в ночи,
Но слаб усталый свет.
Хоть плачь, а хоть кричи-
Спасенья, Боже, нет!

-Спасенья больше нет!-
Грохочут небеса.
И каждый вздох-запрет,
И каждый шаг-слеза.

И мрак все злей и строже,
Свеча вот-вот погаснет.
И каждый день дороже,
И каждый миг - за счастье.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Так отчаянно хочется жить!
Так неистово хочется верить!
И влюблённой душой дорожить,
И любви свою душу доверить.

Так прекрасно желанье мечтать
О здоровье, о доброй удачи!
Так безудержно хочется встать!
До ломоты! До боли! До плача!

(Антон Гапоник в 14 лет)

На Земле недолгий житель,
Отвергаю суету,
В послесмертную обитель
Унесу свою мечту.

Унесу печаль-страдания,
Боль запрячу в звёздной мгле,
Лишь любовь в стихах оставлю
После жизни на Земле.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Подарите мечту, небеса!
Я измучен безумной печалью.
Обречённый на боль изначально,
Закрываю устало глаза.

Подарите мне, нежные, сон,
Вечный сон, унимающий боль.
Я ещё не сыграл свою роль
В окруженье молчащих окон.

Ниспошлите мне благодный мир,
Причастите святою молитвой.
Я уйду, искорёженный битвой-
Лишь юнец. Не поэт, не кумир.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Если в сердце моем не растрочена нежность,
Если я не сдаюсь, а живу и дышу-
Только лишь потому, что гоню безнадежность,
Только лишь потому, что в познаниям спешу.

Если в сердце моём не погасла надежда,
Если ей суждено мою жизнь осветить-
Только лишь потому, что я верю, как прежде,
И болезни себя не даю победить.

Если в сердце моём от начала до края,
Сколько взгляда хватает, поселилась любовь-
Только лишь потому, что в него не выпускаю
Отчуждённость и зло, чтоб не портили кровь.

Если в сердце моём необъятное пламя,
Если свято в душе всё, чем я дорожу-

Только лишь потому, что о родине память
Я всегда в своём преданном сердце ношу.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Там, вдали,
Где-то там, вдали,
Плачут журавли
В царстве осени.
Так печален крик,
Их прощальный крик,
Что немой слезой
В сердце просится.

В небеса,
Канет в небеса
Журавлиный клин,
Словно призрачный.
И покатится
По щеке слеза,
А услышу ли?
А увижу ли?

Может, жизнь, как клин,
Журавлиный клин,
В небе сумрачном
Тропку выстелит.
И душа моя
Полетит за ним,
И укроется
Память листьями.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Я, как прежде, брожу по осеннему саду,
Но уже не ногами, увы, а душой.
Спрячу душу свою в глубине листопада,
И накроет её золотой пеленой.

Нежный шорох скользит по безмолвию сада.
Я услышу его – и душа запоет,
По аллеям пустым разгулялась прохлада,
Подарив облакам журавлиный полет.

По верхушкам дерев веет ветер осенний,
Так прекрасна она – золотая пора!
Обнимает мне душу успокоеньем
И качает её до утра, до утра.

Томный шелест листвы по багряному полю,
Да лазурная блажь высоко в облаках –
Вот что ищет душа, вырываясь на волю,
Вот что жаждет душа у неволи в тисках.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Парю над миром. Это ли не счастье-
Окрепшим духом в облаках витать,
Сливаться с высью, став Вселенной частью,
Все звёздные пути в один сплетать.

Парю над миром. Лёгкий и свободный,
Непостижимое желая обрести,
Влекусь, спешу за вечной, путеводной
Звездой надежды - спутницей в тиши.

Парю, живу, мечтаю, наслаждаюсь,
Под сенью звёзд ищу глубокий смысл,
И в нём нетленным духом возрождаюсь
И закаляюсь, обретая мысль.

Парю над миром. Над неискажённым.
Средь истин самой истинной дышу.
И чувством, до бесстыдства обнажённым,
Созвучию прекрасного служу.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Так хочется упасть в объятье трав
И разговор случайный их подслушать,
И охладить пылающую душу
В тени благоухающих дубрав.
Так хочется нырнуть в прохладу вод,
И по дорожке лунной пробежаться,
И к солнечным лучам лицом прижаться,
И обнимать лазурный небосвод.

Так хочется оковы разметать
И волей, как живой водой, напиться,
И плакать, и смеяться, и молиться,
Утрачивать и снова обретать,
И наслаждаться в томной тишине
Свободным от оков уединеньем,
И ощущать блаженное волнение,
И понимать, как мир велик во мне.
(Антон Гапоник в 14лет)

Я - мотылёк, мятущийся в ночи,
Боюсь огня, но свет его манит,
И я лечу, пусть пламя то свечи
Или пожар... Господь меня хранит!

И я лечу! Я жажду эту новь!
Я устремляюсь к всполохам огня!
И... обжигаю крылья вновь и вновь,
Так больно, но... Господь хранит меня!

А там вверху, горит моя звезда,
Но я ослаб, я не могу вспорхнуть,
Кружит орлом проклятая беда
И заслоняет в поднебесье путь.

И лишь Господь простор мне отдаёт,
Где я резвлюсь, счастливый, безмятежный,
Где Белый Ангел о любви поёт
Так сладкогласно, искренне и нежно!

Я - мотылёк, боящийся огня,
Но без него я плачу поутру.
Хоть искорку оставьте для меня!
Когда она погаснет, я умру.

(Антон Гапоник в 14 лет)

Тебя, о, жизнь благодарю!
За то, что мир такой безбрежный,
За то, что я его люблю,
Пусть безответно, безнадежно.

За то, что полнится душа

Теплом живительного света.
Пусть стрелки на часах спешат-
Но как прекрасна живость ветра!

И нежность музыки дождя!
Она, как мысль, проникновенна-
К исходу выпитого дня
Звучит чарующе напевно.

За то, что всякая пора,
По-своему, неотразима,
За краски раннего утра,
За чувство грусти по любимой.

Тебя, о, жизнь, благодарю
За столь счастливые мгновенья,
За то, что скоро догорю
И не почувствую паденья!

(Антон Гапоник в 14 лет)

Причастите меня, облака!
Причастите меня, дубравы!
Сквозь блаженствующие века
Не ищущие сумасшедшей славы.

На пороге лихих времён
Одарите меня терпением-
Превращусь в колокольный звон,
Оглушая округу пением.

Стану верой в людских сердцах,
Чувства снова зажгу пожаром.
Только, слышите, до конца
Не лишайте словесного дара!

Только людям добро нести,
Только словом лечить позвольте!
К человеческим душам идти я хочу,
Вы меня не невольте!

Причастите меня, облака!
Причастите меня, дубравы!

Был я слабым, наверняка,
Стану сильным душой по праву.

(Антон Гапоник в 14 лет)

В синих глазах твоих
Синего неба край,
Я утопаю в них
И ощущаю рай.
Сердце не знает фраз,
Мечется вольной птицей,
В синее небо глаз
Словно взлететь стремится.

Словно зовёт его
Нежность твоя святая.
Так горячо оно,
Что в синем небе тает.

(Антон Гапоник в 15 лет)

Позови же меня!
Среди ночи и дня,
Среди моря огней
Полечу я к тебе.
Опустишь на ладонь
Лебединым пером,
Словно искра зажгусь,
И согрею теплом
Одинокое сердце в ночи.
Позови же меня!
Не молчи! Не молчи!
Позови...

(Антон Гапоник в 15 лет)

Это было уже, я знаю!
Это было со мной, я помню!
Поле ласковое, без края-
По нему бегу босиком я.

Я навстречу бегу чему-то,
Может, солнцу, а может, Богу.

Увлекают меня минуты,
Мне показывая дорогу.

Вдруг... блеснуло, качнуло, замерло...
И уже я лечу на крыльях
Золотого, небесного Ангела!
На таких могучих и сильных!

Я смеюсь и кричу восторженно,
Забывая про все телесное.
Ожиданием сердце встревожено,
Я лечу в волшебство небесное!

Так легко мне, тепло и радостно
В синем море святой бесконечности!
Помню путь, завершённый благодатью,
Назову его Знаком Вечности.

Верю я, этот миг вернется
И покажет мне вновь дорогу,
Где бегу я навстречу солнцу!
Где лечу я навстречу Богу!

(Антон Гапоник в 15 лет)

Всё претерплю, что писалось судьбою,
Духом свободным явлюсь пред Тобою-
В вере раскроюсь, в грехах повинюсь,
Если позволишь, то с волей сольюсь.

С ней несравнимы земные мечты.
Лишь об одном попрошу у черты:
- Ты научи меня в этой нови
Снова творить по законам любви!

(Антон Гапоник в 15 лет)

Чашу Терпенья беру осторожно.
Не опрокинуть бы! – сердцу тревожно.
Пью. Горьковато. Но я наслаждаюсь.
Пью с неё жадно и не напиваюсь.

Чуден напиток! Такое ли было?

Смешаны в нём все духовные силы –
Вера, смирение и отрицание
Боли, что к смерти приводит сознание.

Кто-то вдруг скажет: «Какая нелепость!»
Только я чувствую, чувствую! – крепость
В жилы могучая гонит волна.
С Чаши я выпил, а Чаша полна!

К ней обращаюсь, и перед иконой
Пью с неё снова, не ведая стона.
Чаша полна! Убеждаюсь с волнением –
Неупиваема Чаша Терпенья!

(Антон Гапоник в 15 лет)

Тяга к жизни во мне остра,
Злую боль я терпеть готов.
Мои думы, как угли костра,
Пышут жаром, не зная снов.

Мои мысли сильнее огня
Жгут мой мозг и не гаснут в ночи.
На исходе уставшего дня,
Сердце верой во мне стучит.

(Антон Гапоник в 16 лет)

Спасибо вам, друзья и судьи,
И просто равнодушный люд,
За неприятье иль приют.
Спасибо вам! Не обессудьте,

Коль слишком боль была сильна
В словах, и в мыслях, и на сердце.
Та боль, с которой не стерпеться.
И не испить её до дна.

Спасибо вам! – скажу смиренно,
За то, что не обрел «броню»,
За чувства, что в душе храню,
Как драгоценный дар Вселенной.

За милость, данную кнутом,
За ад и рай на этом свете,
За то, что мудростью отмечен.
Спасибо, люди, вам, на том!
(Антон Гапоник в 15 лет)

Когда последний луч испепелится,
И темнота погасит небосвод-
Заря моя уже не загорится,
Не озарит моей судьбы полёт.

Я не услышу стон ночной метели,
И не увижу, как сирень цветет.
Земля мой прах сокроет в колыбели,
Мой дух покой небесный обретет.

Не плачьте обо мне, мои печали!
Что суждено-отжито за двоих.
Скажу лишь только тихо на прощанье:
«Не забывайте искренний мой стих»

(Антон Гапоник в 16 лет)

Под светлую луной сидим вдвоем, болтаем
О жизни, о любви, еще о том, о сём.
Как, осень, мы с тобой друга понимаем!-
То вместе загрустим, то вместе запоем.

Нам кажется, что мы блестяще остроумны-
То судим плач дождя, то ветра жалкий стон,
То берем дерев нерадостные думы,
То потревожим вдруг опавших листьев сон.

То станем говорить о журавлиных далях,
То будем вспоминать о листопадных днях,
И спорить, и мечтать, а не гореть в печалях,
И искрами не тлеть в ночных, слепых огнях.

И нам так хорошо, что не заметим утра.
Уж круглая луна в тумане спрячет бок.
Судьба сдружила нас и поступила мудро-
Так одинока ты, и я так одинок.

(Антон Гапоник в 16 лет)

Годы мой рок вершат,
В небо несется мольба.
Город-моя душа,
Город-моя судьба.

Здесь я учился жить,
Здесь я умел вставать,
Всем до конца дорожить,
Все до конца познавать.

Здесь мое сердце поет,
Всем моим чувствам легко.
Здесь начался полет
В то самое Высоко.

Все вдохновенное здесь,
В городе детской мечты-
Вера, любовь и честь,
Непризнанность суеты.

Святость ночной тиши,
Нега любого дня.
Город-покой души.
Город, храни меня!

(Антон Гапоник в 16 лет)

Найдя свой пьедестал, спокоен и уверен
Иду по жизни, славя этот путь.
И не страшат захлопнутые двери,
И всхлипы мне не сдавливают грудь.

И даже тяжкий стон – такой далекий,
Не снится больше в круговерти дней.
И месяц в небе – друг мой светлоокий,
Стал ближе мне, и стал еще родней.

Не умолкают нежные напевы,
И в душу льются звуками любви.

О, жизнь моя, ты праведно и смело
Явись добром! И мне добро яви!

(Антон Гапоник в 16 лет)

Непомерно большим расстоянием
Отдалён я от жизни людской.
Понимаю, внимаю сознанием,
И гоню ядовитый покой,

И мешаю идеи и мысли,
Предоставив их людям на суд,
И живу. И...не чувствую жизни.
Как гнилой, застоявшийся пруд.

Только память, кусая и жаля,
Так жестоко тревожит мой сон-
Вот ребёнок, стремившийся к далям,
Вот подросток, запрятавший стон,

Вот... А впрочем, кому это нужно.
Всяк несёт, сколько Богом дано.
Вот ребёнок, бегущий по лужам,
Вот нетленное слово его.

(Антон Гапоник в 16 лет)

Божьему внемля примеру,
Крест свой несу, да без стона.
Силы уходят. Но верую!
Верую, полон истомы!

Душу питая смирением,
Выбору следую строгому-
Из всякого благословения,
Я выбираю Богово.

Я выбираю страдания,
Чтобы постичь великое,
Чтобы познать все тайное
Во взгляде Святого лика.

Чтоб выстрадать полную мерою
И выстоять в крестной дороге.

И после промолвить: "Верую"-
Это удел немногих.

(Антон Гапоник в 16 лет)

Слезы горькие в сердце запрячу,
Камень зла в душу не положу.
Пусть не балуют в жизни удачи-
Никого ни за что не сужу.

Сны не снятся, мечты не находят-
Только дни не тревожу тоской.
Где-то там, за спиной, кто-то ходит,
Предвещая унылый покой.

Наползают тяжелые тучи,
Черной краской малюя рассвет.
Дождь-зануда упрямо канючит,
Что в той жизни и жизни то нет.

Застилается память забвеньем-
Может быть, я о том и тужу.
Но своим превеликим терпеньем
Верю – вечную жизнь заслужу.

(Антон Гапоник в 16 лет)

Парк молчит, накрывшись мягким снегом,
Вся искрит завьюженная даль,
И какой-то сладостною негой
Будоражит на душе печаль.

Что там в парке? Елка зазывает.
Мальши устроили возню...
Вдруг, невольно детство вспоминаю,
Но упрямо память ту гоню.

Мне так много было в нём неволи,
Не пойду-шептал-так поползу,
Но страдал от немощи и боли
И на мягкий снег ронял слезу.

Мама снег мне в руку подавала,

Говорила: «Это все зима...»
И лицо зачем-то закрывала...
Потому-что плакала сама.

Но к чему теперь воспоминанья,
Все давно растаяло, прошло.
Парк молчит. Огнями елка манит.
Малыши смеются. Хорошо!

(Антон Гапоник в 16 лет)

Я не слушаю вас, мои боли,
Не мечусь от смертельной тоски.
Вы меня обрекли на неволю,
Тело слепо порвав на куски.

Ну и пусть, разве я испугался,
Что жестокий затеяли гнет?
Всеравно Человеком остался,
Остальное с душою придет.

Не унижусь пред вами до торга,
И не стану вам тупо служить.
Умереть, опьянев от восторга-
Ради этого стоило жить.

Не старайтесь сломить мою душу,
В ней так много прекрасной любви!
Я не буду, не буду вас слушать,
Когда сердце мне шепчет: «Люби!»

(Антон Гапоник в 16лет)

Сквозь горькие муки,
Сквозь шалые звуки
Тяну к тебе руки!
О, лик свой яви!
На правду,
На веру,
На жизнь без предела,
Мой Бог, мой Учитель,
Благослови!

Затянуто тело
Смешно, неумело-
Судьба так хотела,
Но Ты позови!
На мысль,
На надежду,
На счастье. Как прежде,
Мой Бог, мой Учитель,
Благослови!

На вздох,
На молитву,
На правую битву,
На доброе слово,
На море любви,
На верность,
На твёрдость,
На чистую совесть,
Мой Бог, мой Учитель,
Благослови!

(Антон Гапоник в 16 лет)

Свой путь я измерю, отныне,
Не бедами, печалыми.
Измерю его святынями
И благословенными далями.

Измерю его молитвами-
Не тягостными, не маятными.
И стану жить не попытками,
Не стонами, не раскаяниями,

Не скорбностью дней неслученных,
Не мигом, напыщенным радостью.-
Душа моя станет пристанью
Для душ, окропленных благодатью.

Вонзится лучиком солнечным
В просторы небесной свежести,
На пике холодной полночи
Прольется потоками нежности.

На все дороги окольные,
Крестами не освященными
Прольется энергия вольная,
Создателем причащенная.

(Ангон Гапоник в 16 лет)

На просторе весеннем
Расцвела моя Русь!
Пахнет мёдом сирени...
Я по полю пройдусь.

Надышуся ароматом
Досьга, до зари.
Ослепительным златом
Огоньки зацвели.

Что же сыплешь, червонная,
В сердце яблони цвет,
Колокольными звонами
Оглашаешь рассвет?

Что ж росистыми травами
Студишь ноги мои,
Молодыми дубравами
Шелестишь о любви?

Русь моя, златоглавая!
Синью нежишь глаза.
За твою молось славу я
На твой образа.

(Ангон Гапоник в 16 лет)

Солнце асфальт застелило
Еле заметной полоской.
Осень уже бродила
По тихой моей Московской.

Взгрустнули о чем-то ели,
Склонили ветви березы,

Как-будто укрыть хотели
Свои осенние слезы.

На нежной моей Ленинградской
Осень парадом шагала,
И все тополинное братство
В кафтан золотой одевала.

Не думала больше о лете,
И воздух дождями крапила,
И даже какой-то секретик
Она здесь тихонько таила.

Играл молодой оркестр,
Трубил продолжение бала,
На улице Достоевского
Осень нарядом сверкала.

Свернула на Комсомольскую-
Рябинки разом зарделись,
А в небо озерно-скользкое
Дорожки важно гляделись.

По Кирова прогулялась-
Какие же там аллеи!
Восторженно удивлялась
Роскошно золотой галерей.

А город притих, приосанился,
Как-будто бы ждал неизбежного.
По улицам осень-красавица
Вальсировала, безмятежная.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Я не стану ни сказкой, ни словом,
Даже звуком не стану в ночи.
Я не буду тобой поцелован,
И не буду одной из причин.

Я тебя не согрею любовью-
От звезды много ль света, скажи?
Лишь своей поднебесною новью
Избегу неприкаянной лжи.

(Антон Гапоник в 16 лет)

Все о тебе, синеглазой и нежной,
Я, непонятно зачем, вспоминаю.
Всеми святыми тебя заклинаю:
Не оставайся на сердце надеждой!

Встретились, знаю, с тобой не случайно,
И разминулись, как Богу угодно.
Но умоляю: сквозь миги и годы
Не оставайся на сердце печалью!

Чувства зажили неистойовой новью,
Вдруг запылала, зарделись, как свечи.
Но, если нам не обещано встречи,
Не оставайся на сердце любовью!

(Антон Гапоник в 17 лет)

Горю и слабости не покорившийся,
Счастью и праздности не угодный.
Пусть одинокий, но не озлившийся,
Пусть обездвиженный, но свободный.
Непониманьем, презрением битый,
Грёзам не нужный, в мечтах обожжённый –
Всё-же, духовною силой увитый,
Стойкостью, мудростью преображённый.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Много неба, такого бездонного,
Много поля и леса с вербою,
Да налейте мне чашу полную!
Выпью всю, и добавки потребую.

Ох, вкусно оно, зелье пряное!
Жаром в голову, сердце дробится!
Выпью всё до дна, окаянное,
Чтоб печаль забыть, исподобиться.

В душу вихрями аромат степной!
В нём туманы и росы небесные!

Вдоволь я напысь красоты земной,
И исполнюсь восторженной песнею!

(Антон Гапоник в 17 лет)

Мой сладок путь. Он слаще, чем вино.
Я упиваюсь им до полного безумья.
Я тороплюсь. И мига на раздумье
Мне в этой жизни, знаю, не дано.

Я тороплюсь страдать и наслаждаться,
И восхищаться благодатью дней-
Один из коих мне не даст дожидаться
Ночного танца тающих огней.

Но не позволю мыслью иль догадкой
Гармонию надежды нарушать.
Чужда мне смерть. Её объятья гадки.
-Я буду жить! – мне хочется кричать.

Я буду жить сквозь горести и боли,
Сквозь муки все, сулящие беду.
В душе моей сокрыта кладезь воли,
Свой путь земной достойно я пройду.

Мне так легко, что жизни угасанье
Уже не может сердца стук вспугнуть.
Нет, не залью свою судьбу слезами.
Недвижим я, но всё-ж, мой сладок путь.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Я-эхо, я-отражение,
Я-плач в глубине сада.
Я-только одно мгновение
В осенней поре листопада.

Я-эфемерный призрак,
Таинственный, как невидимка.
Единственный мой признак-
Туманная, зыбкая дымка.

Я-лучик, пленённый закатом,

Обрывок памяти тленной.
Я-затерявшийся атом,
Средь атомов всей Вселенной.
Я-сладость последнего вздоха,
Я-времени быстротечность.
Я жил, значит, я-Эпоха.
Я умер, значит, я-Вечность.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Сибирь-мой венценосный край!
Ты чудодейственную силу
Несешь надеждой легкокрылой
В мою обитель. Сладок рай

Средь пышности лесов зеленых
И легкой мягкости травы!
Люблю я звон молодой листвы,
Прохладой мягкой упоённой.

Люблю напев, слегка печальный
В объятых девственной тиши.
Отрада для моей души
Сибирь-Храм красоты венчальной.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Цветущий май! Он весело поет,
Березки платья нежные нежные одели.
По тротуарам белые метели,
В садах и парках снежный хоровод.

Цветущий май! Какая благодать!
Какая пышность красоты нетленной!
Живое все весне благословенной
Спешит неистовство души отдать.

Цветущий май! О, как я им польщен!
Ликующий, роскошный, соловьиный!
Как жаль, что путь мне выпадет не длинный.
Цветущий май! А будет ли еще?

(Антон Гапоник в 17 лет)

Разостлался закат над домами,
Луч последний окончил странствие.
Дорогими мне именами
Выстилаю дорогу в Царствие.

Выстилаю дорогу в Безболие
Меж садов Превеликой печали,
И своею недетскою волею
Устремляюсь в Богемные дали.

За окном небо алого цвета
Дарит чувство немого блаженства,
И рисует Святые портреты,
Выстилая мне путь в Совершенство.

Скоро ночь наколдует прохладу,
По полям прогуляется млечность,
И тогда меж садов Звездапада
Отыщу я тропу в бесконечность.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Петляет между скал моя дорога,
Овраги простираются у ног.
-Зачем мне скалы? – я спросил у Бога.
-Чтоб трудности познать, - ответил Бог.

-Чтоб закалить не тлеющее сердце,
Как закаляют сталь в пылу огня,
Чтоб с болью тела и души стерпеться,
И не озлиться всё и всех вина.

Чтоб жизни суть познать, как можно глубже,
И страждущему руку протянуть,
Не хныкать, даже если будет хуже,
И будет все трудней тернистый путь.

Чтоб не сдаваться, трижды не сдаваться,
Пред сотнями преград и крепких пут,
Пусть даже будут бить и издеваться,
И предадут, и на кресте распнут,

Пусть даже обвинят и отвернутся,

Немым презреньем больно обожгут –
Помогут тебе скалы увернуться,
Овраги же тебе уберегут.

А ты познаешь Истину от Бога
И мудрость ту, которой нет конца.
Петляет между скал твоя дорога?
Да нет, она идет тропой венца.

Тебе отведена судьба такая,
Чтоб все познать и все преодолеть
И стать частичкой солнечного рая,
И пламенем с его высот гореть.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Говорят, после смерти Веление Божие будет:
То ли рай обрести, то ли в пламенный ад снизойти.
И взывают с мольбою: «Не грешите, вы слышите, люди!
Высший Праведный Суд от грехов не позволит уйти.»

Вот и я ожидаю с волнением такого Решения.
Дьявол там, за спиной, а в лицо смотрит с нежностью Бог.
Подаю я Всевышнему недостойное Сниже Прощение-
Он, создавший меня, открывает мне много дорог.

Я иду по одной, отражающей Божье сияние,
И тихонько шепчу: «Ошибиться мне, Боже, не дай.
Я пройду до конца! Но тревожит невольно сознание
Неизменный вопрос: что в конце – то ли ад, то ли рай?»

Представляю Врата. Для меня ли они открываются?
Может, сделал не все в этом мире, а может, не так.
Может, надо еще в чем-то брэнном мне, Боже, покаяться,
И тогда для меня распахнешь ты Святые Врата.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Я душу не засоряю ни злобой, ни стылой мезтью,
Ни дерзостью, ни упрёком, ни грузом слепых обид,
Ни пригорно-сладкой ложью, ни липко-противной лезтью,
Я душу не засоряю. Так совесть моя велит.

Я душу не засоряю тщеславием и досадой,
Живут в ней любовь и вера, и страждущая мольба,
Открытость прекрасным чувствам, а подлости здесь не надо,
Я душу не засоряю. И так мне велит судьба.

Я душу не засоряю судилищем над другими,
Стремлением позабавить грехами бrenную плоть.
Царит в ней святая церковь с иконами золотыми.
Я душу не засоряю. И так мне велит Господь.

(Антон Гапоник в 17 лет)

Не живу, и не умираю,
Но чужой не иду дорогой,
В невесомости пребываю
Между болью и Богом.

Пусть страданьям конца не видно,
Только жалости мне не надо.
За людей перед Богом стыдно,
Что живут между злом и адом.

Не отчаялся и не озлился,
Обездвиженный изначально,
А навек душой поселился
Между верою и печалью.

Пусть печали конца не видно,
Но в слезах не ищу покаянья.
За людей перед Богом стыдно
За жестокие их деянья.

О, Господь, обращусь я к тебе
И святеньям твоим поклонюсь.
Решено все в моей судьбе,
За чужие судьбы молюсь.

О, Господь, ты услышь меня!
И молитвам моим внимли.
В своем сердце любовь храня,
Не любившему дай любви!

(Антон Гапоник в 17 лет)

Я росинкой блесну на заре.
Я слезинкой прольюсь из души.
Журавлиной мечтой в сентябре
Кану в самое сердце тиши.

Заплутаю я в Храме берёз,
Обгоняя полёт ветерка,
Насладившись дыханием гроз.
Легкой **блажью** взлечу в облака.

Ты, неволя, меня не зови,
Своей цепью зловеще звеня.
Нет преград для сердечной любви!
Я – любовь! Нет преград для меня!

(Ангон Гапоник в 17 лет)

До неприличья сжатое пространство
Моей судьбе предсказывает крах,
И я, появивший в призрачное царство,
Давно не отражаюсь в зеркалах.

Я растворяюсь в молчаливых стенах,
Я остаюсь незримым для людей,
И только боль, **скребущая** по венам,
Всё нестерпимей, всё **сильней** и злей.

И только слабость, верная подруга.
Бессонной ночью стон мой стережёт.
И вост смерть, как загнанная выюга.
И жизнь мою безжалостно стрижёт.

Но я привык к её признаньям страстным.
Да, только смерти что мне предложить?
А жизнь так многоцветна и прекрасна!
И счастлив я, что довелось мне жить.

Пусть даже мир сожмётся до кровати.
И даже тень устанет от меня,
Всё ж, солнца жаркого мне в этой жизни хватит.
А после жизни – звёздного огня.

(Антон Гапоник в 17 лет)

В небе синем облака тают,
Словно детские мои грёзы.
Подхожу я к своему краю,
Унося с собой боль, слёзы.

Бездна тьмы мне о конце шепчет,
Только сердце всё стучит, спорит:
- Стану я, поверь мне, друг, крепче!
Встретим мы ещё не раз зори.

Очарована душа волей.
Телом словлена, а всё ж, рвётся
В небо синее, да в ширь поля,
Где от счастья так легко поётся.

Ей бы странствовать ещё долго,
Ей бы впитывать ещё много,
Только рыщет злой недуг волком,
Сторожит он мои дни строго.

Силы, словно облака, тают,
С каждым днём боль сильнее и капризней,
Но, чем ближе подхожу к краю,
Тем острее во мне тяга к жизни.

(Антон Гапоник в 18 лет)

Контур надежд размыт,
Боль задаёт тон,
В душу вонзается стыд
За каждый непрошенный стон.

Кружит в дожде плач,
Ветра несносен вой,
Хочет взойти палач
На эшафот мой.

Небо клянёт мглу
За крепость её оков,
Смерть навела стрелу,
Чтобы упал без слов.

Мне бы закрыть глаза,
Да не увидеть крах,
Но горяча слеза,

И крыльев широк взмах.
И я улетаю ввысь,
Сладостен мой полёт.
Там, обретая жизнь,
Снова душа поёт.

(Антон Гапоник в 18 лет)

В предосенней вечерней прохладе
Так уютно и дивно душе!
Мир не тонет еще в листопаде,
Но наряд свой меняет уже.

Я, как будто, сильнее влюбился
В небывалую томность аллей,
Словно в сердце моем поселился
Сладкий сон ожидаемых дней.

Любоваться закатом бы вечно,
Ощущая волнение в груди,
И шептать в этот ласковый вечер,
Что так много всего впереди.

И слезу проливать незаметно,
И надеждой свой стон сторожить,
И поверить, что с каждым рассветом
Все неистовой хочется жить.

(Антон Гапоник в 18 лет)

Все дороги мои сотканы из безмерных страданий,
По какой не пойду, всюду прячется адская боль.
Но прекрасна одна лишь – дорога Великих Познаний,
Только здесь я черпаю вечной мудрости самую соль.

Только ~~здесь~~ неподвластен я чарам немного безволия,
Исцеляюсь душой, раскрываюсь, как в поле цветок
И, свободный, счастливый, резвлюсь на духовном просторе,
И несёт меня вдалёк тайных Знаний могучий поток.

Только здесь возрождаюсь всей сутью своей неуёмною,
И расту. И пыгаюсь ещё что-то в жизни понять,
Принимаю любовь, и дарю её миру – огромную
И способную души от порчи любой исцелять.

(Антон Гапоник в 18 лет)

Дни пролетают, и в них утопает мольба,
Только лишь боль бесконечная тянется нудно.
Всё, что я прожил - поместится в слове «судьба»,
Всё, что познал - обозначится фразою «скудно».

Падают слёзы хрустальною, чистой росой,
Падают тихо в хрустальную, чистую вечность.
Мудрость, легонько коснувшись, прошла полосой,
Щедро оставив в наследие лишь человечность.

Дно этой мудрости слабому мне не достичь,
Впрочем, и сильному вряд ли достигнуть возможно,
Бросила смерть на порог торжествующий клич,
Чтоб доказать - всё, что кроме неё - это ложно.

Время несётся, стремится заветной стрелой,
Всё на пути превращая в руины забвенья,
Тот, кто поймает её - будет вечно живой,
Смело поправ смерти верные дни и мгновенья.

Может, и мне удалось бы стрелу ту поймать,
Только иссушены и искорёжены руки,
Что ж, видно скоро придёт мне черёд умирать,
Ну, а кому-то рыдать от нелепой разлуки.

Только ведь я не боюсь, не расстроен ничуть,
Я не пугаюсь печали и смерти оплота,
Это ведь просто окончится жизненный путь,
А за чертой будет время ещё для полёта.

Годы проходят, и вот уже жизненный край,
Перед Судом я предстану с достойным ответом:
-То, как я прожил - вмещается в дивное «рай!»,
То, что я понял - сравнимо с богатством несметным.

(Антон Гапоник в 18 лет)

Милая земля, обетованная,
Дай мне силы продолжить свой путь.
Ближе, ближе погибель незваная,
Но пока я с тобой, не забудь!

Не забудь же любовь мою вечную,
В ней молитву храню о тебе.
И за память твою бесконечную
У лампы склоняюсь в мольбе.

Да, за веру твою непреклонную,
От которой мой дух всё сильнее,
Горячо я молось, испоконная,
В тишине ускользающих дней.

Суждено ли мне выпить страдания?
Чаша полная, через край-
Выпью всё, не ища оправдания,
И тебя принимая за Рай.

Обними меня травами сонными,
Упокой на раздолье ночей,
Проводи ярко-звёздными сонмами
И огнями церковных свечей.

Стань мне пухом, земляца родимая,
Освяти искорёженный тлен,
Чтоб душа моя-птица незримая,
Позабыла прижизненный плен.

А утратит душа твои прелести,
Чтоб уйти за пределы молвы,
Раствори её в благостном шелесте
Молодой, изумрудной листвы.

(Антон Гапоник в 19 лет)

В час, когда судьба все предаст огню,
Не оставив мне даже каплю слез,
Родина - Земля, душельку мою
Нежно помяни шелестом берез.

Помяни дождем, ветром помяни,
Плачем журавлей в осени златой.
Свежестью небес холм тот обними,
Где моя мечта обретет покой.

И тогда, блажен, в небо вознесусь,
Растворюсь в тиши звездных городов.
Ты прими мой Свет, пресвятая Русь,
Приюти мой вздох в шорохе садов.

Ты мою любовь по ветру развей,
Тихую печаль в поле сохрани,
Окружи, спаси верою согрей,
Песнею своей русской помани.

(Антон Гапоник в 19 лет)

Я возвёл на душе Белый Храм, где не видны страдания,
Где нет места суетам и прочей ненужной лузге.
Я храню и лелею сие непорочное здание –
Эти крепкие стены неподвластны греховной тоске.

В нём зажёг огонёк. Поначалу дрожащий, испуганный,
Превратился он в пламя, способное горе изжить –
Символ жизни моей, безгреховной и не поруганной,
Освящающий в сердце неуёмную жажду любить.

Я возвёл на душе Белый Храм, где достиг единения
Между разумом, сердцем и мудростью прошлых веков,
Где к вершинам святым всё неистовой духа стремление,
Благодарного небу за вечную жизнь без оков.

(Антон Гапоник в 19 лет)

Войди в мой хрупкий Храм, в мой тихий дом смиренный,
Я слабыми руками воздвиг его в тиши,
Из поднебесья крыша, из горизонтов стены.
Войди в него, мой друг, коснись моей души.

Тебе она расскажет, как сладко ей мечталось,
Как птицей, обезумев, к познаниям рвалась...

Но, виражи судьба навеяли усталость –
И всё оборвалось. И жизнь оборвалась.

Тебе она расскажет, как в возведённом Храме
Взмётнётся ненароком глухой, протяжный стон,
Как будто кто-то плачет и молится в печали
О невозвратной неге растаявших времён –

Так плачет дождь осенний о беззаботном солнце,
Так стонет ночь глухая о суматошном дне...
Напев былых мгновений – он больше не вернётся...
Так плачет обречённость о бесконечном сне.

Войди в мой хрупкий Храм, в мой тихий дом смиренный,
Когда меня не будет, ты сохрани его.
Быть может, там приют найдёт мой дух нетленный –
Не разрушай святыню покоя моего!

(Антон Гапоник в 19 лет)

Вы зажгите усталые свечи,
Положите цветы на могилу –
Пусть напомнят о том, что я вечен,
Что, свободный, летаю по миру.

Я – не мученик. Нет! И не пленник.
Я – волна. Я – живительный ветер.
Не страшны мне печали, сомненья,
Стал мой мир неожиданно светел.

Я – привет восходящего солнца,
Свет звезды в этой жизни нетленной.
Было мне лишь доступно оконце,
А теперь я – частица Вселенной.

Нет, не алчу чужого раздолья.
На Руси, средь берёзок знакомых,
Обрету неземное приволье –
Только здесь я поистине дома...

Вы зажгите усталые свечи,
Положите цветы на могилу.
В этот летний и ласковый вечер
Слёз не надо. Лишь сердце б любило.

(Антон Гапоник в 19 лет)

Взметнулась куполами скорбь моя.
Я больше не увижу это лето,
Не воспою закаты и рассветы.
И вдаль уйду я, чувств не утоля.

А, где-то, звон святой колоколов
На сердце мукой сладостною ляжет.
И как бы не был путь земной мой тяжек,
Душа вдруг вольной станет без оков.

(Антон Гапоник в 23 года)(16.09.2013 г.)

Во имя памяти.

(Людмила Гапоник. 2017год. Твоя, горячо любящая
тебя, мама)

Я, как будто исчезла. Затерялась во снах.
Все земное, вдруг, стало немилым, ненужным-
Обернулось единым мгновением в прах...
Только ветер в пустотах взывает натужно.

Возвращаюсь туда, в листопадную ночь,
Задыхаюсь с тобой, мой невинный сыночек,
Память ранена... больно! ... умоляет помочь,
Но ... врывается смерть между памятных строчек.

Мой волшебный малыш, восклицаю: "Дыши!"
Ну, дыши же со мной! Ну, дыши! Заклинаю!
Ты не рвись в небеса... журавлем... не спеши! ...
На Земле ...я твой вздох... я твой взмах охраняю.

Ночь - спасенье моё. Шорох крыльев и в миг...
Улетает душа...к своему малышу...
Там увидит душа Светом залитый Лик
И прошепчет: "Дыши!" ...И услышит: "Дышу!"

Плач подбираю в тон
Прожитых в скорби лет.
Как осознать, что
Больше тебя нет?

Жизнь потерпела крах.
Времнем стерты мечты.
Я превратилась в прах,
В сон превратился ты.

Я не могу жить,
Я не хочу знать,
Землю руками рыть,
Чтобы тебя достать,

Стыгь на ветру там,
Где ты нашел покой,

Слезы дарить ветрам,
Льющиеся рекой,

Прятать эмоций взрыв,
Помнить застывший взгляд,
С жизнью идти в разрыв,
Оглядываясь назад-

Там слышен задорный смех
И виден прекрасный лик,
Там я жила для тех,
Кто дорог был каждый миг.

Мне бы туда скорей!
Заново! Навсегда!...
Сколько еще дней
Мне нагадала беда?

По росистой траве, сквозь седые туманы,
Через черные дни пустоты и печали,
По истерзанной жизни я бреду к океану-
Там о счастье, сыночек, нам чайки кричали.

Чтобы спрятать слезу-в небе звезды считаю,
И упорно пытаюсь в нем тебя разглядеть.
Я уже не смеюсь, и уже не мечтаю,
Мне бы только дойти, мне бы только успеть.

Мне бы только обнять и почувствовать нежность,
В карем омуте глаз разглядеть чистоту,
И прогнать навсегда от себя неизбежность
И шагнуть за тобой...за порог...за черту...

Белоснежный песок и волна под ногами
Нам прошепчут о том, что беда позади...
Облака... высоко...прошпывают стогами...
Слышу - крепкие крылья взмахнули: "Иди!

Нет сил ненавидеть. Нет силы любить.
Душа провалилась в какую-то бездну
И камнем...на дно. И не хочет парить.
А, может, разбилась. А, может, исчезла.

Узнала, как тяжело влачить эти дни -
Все дни без тебя...натыкаясь на холод,
И видеть портреты...портреты одни...
Где ты улыбаешься...и ты очень молод.

Но...плакать нет сил... и уже откричалось,
В отчаянье тихом уже отмолилось...
Когда-то жилось. Ах, когда-то мечталось...
Но...все изменилось...Как все изменилось.

Упали завесы...открылась пустыня -
Вся выжжена горем...Кресты, да могилы.
Осталось лишь имя...одно только имя -
Сынуля! Сыночек! Антошенька, милый!

Мне сегодня опять...
Боже мой...
мне сегодня опять
очень плохо...
неуютно и серо,
и холодом душу сквозит.
Я писала стихи...
не услышав
любимого вздоха,
сердце
сжалось в комок
и....молчит...
и молчит...и молчит.
Я писала о том,
что потеряна
в жизни...без срока.
Знала б срок...
от души
развеселый бы
"двинула" тост...
Приделась бы праздно,
а...впрочем...
какая морока!...
Я бежала б
к тебе,
чтоб упасть
на любимый погост.
Все-же...

время придет,
встречу эту...
с тобою...подарит.
Неожиданно? -
Нет!
Встречу я ожидаю всегда!
Листопадом густым
может, также...
вдруг... осень поманит...
и уже не
разлучит,
сыночек, с тобой никогда!

Я память ругаю. Я память ласкаю.
Ругаю, ласкаю... и снова по кругу...
Со временем помнить, любя... привыкаю -
И в этом, о, память нужны мы друг другу.

Ты - носик-курносик и щечки гугие.
Ты - глазки-смородинки, сладенький мишка.
Ты - первое слово, шажочки впервые,
Ты - счастье, растущее милым мальчишкой.

От первого вдоха его, ты - родная!
Мы в садик ходили, и в школе учились,
Игрушки и книжки, беседы за чаем...
Смеялись, любили. боролись...лечились.

Однажды, с тобой, память, мы проиграли-
Из жизни ушел наш любимый Антоха.
Мы плакали в скорби, мы дико орали...
Мы вместе...теперь...до...последнего вдоха.

Я опять умирала сегодня во сне.
Ты меня через поле пронес на руках.
Я увидела яхту на пенной волне
И парящего змия высоко в облаках.

Голубая лагуна и скалы врзлет.
Всплеск волны, а в ответ робкий шорох песка.
Легкий бриз песню снов увлеченно поет.
И куда-то исчезла подруга-тоска.

Я прижалась к тебе. Я во сне поняла,
Что о счастье потом буду лишь вспоминать.
Я так крепко...навечно...тебя обняла,
Всех богов умоляя...не разнимать!

Ты накрыл меня сильным, могучим крылом,
Говорил...говорил...очень долго со мной.
И вливался в меня голос ласковым сном
Освежал, обволакивал нежной волной.

Говорил ты: "Мамулечка. я же живу!
Этот Свет, этот мир - всё даровано мне.
То, что в жизни моей - это все наяву,
То, что в жизни твоей - происходит во сне.

Ты почувствуй свободу! Посмотри, как светло!
Здесь другая лазурь. Воздух, словно елей.
Это счастье со мною случится смогло,
Потому-что я верил...всей жизнью своей!

Я и лекарь, и воин, и странник в миру-
Я об этом богатстве не смел и мечтать.
Я теперь не умру! Мама, я не умру!
Я тебя буду очень, любимая, ждать!

Мама, мама, родная, мы помним о вас!
Мы везде...мы вокруг...только в мире ином...
А когда там, во сне, будет пробит твой час-
Ты проснешься, навечно забыв о земном.

Мы с тобой рассеемся и...встретим рассвет
Вечной жизни, что свяжет нас всех навсегда.
Станет нас охранять этот ласковый Свет.
В этот ласковый МИР не проникнет беда."

...Я проснулась и...комнату плач огласил.
Не хочу!...Не могу!...Не желаю я здесь!
Нет терпения мне! Нет моих больше сил!
Сын!...Антоша!...Сыночек!...Я там, где ты есть!

Без тебя навсегда. Без тебя никогда!
Никогда...навсегда...-разобраться нет сил.

Почему с нами так поступила беда?
И никто не ответит, кого не спроси.

Без тебя...за тебя...для тебя...за тобой...
Пусть хоть как, только рядом, касаться рукой.
Со слезами, надеждой и верой, с мольбой
Лишь разочек шепнуть: "Ты меня успокой!"

Без тебя ни за что...ни секунды...ни сна...
Но...сквозь темные шторы торопится свет.
А ты знаешь, сынок, наступила весна,
Подарив лучик солнца - желанный привет.

Он меня отогрел от холодной зимы.
Я частичку его сберегла на потом,
Чтобы помнить всегда, мой сыночек, что мы,
Где-то, там...в этом Свете...построим свой дом.

Я живу для тебя, мальчик мой золотой!
Я болею тобой. Я люблюсь тобой!
И горжусь! И надеюсь! И верю в тебя!
Я живу, мой любимый! Живу я, любя!

Пусть туманы горчат, и кукушка молчит,
Пусть сужает кольцо непроглядная тьма,
Только знать бы, что сердце твое все стучит,
Что к тебе очень скоро приду я...сама...

Будет наш триумфален совместный уход
После встречи и радости слез...на двоих...
И рассвет, и закат и, конечно, полет-
И в могучих крылах я согреюсь твоих!

Будет все! Надо только лишь помнить и ждать.
Зимы-осени...словно стрелою...летят...
А за ними...о, счастье - опять и опять
Мне судьба нагадает, сыночек, тебя!

В короткие мгновенья сна
Душа к тебе стремится
И шепчет:
- Вот... еще весна.

А ты в ответ:

- И птицы!

- Растает скоро снег, сынок.

Ты не придешь, любимый?

А ты в ответ:

- Я так далек.

Но... я летаю мимо.

- Ты, прилетишь ко мне, родной?

Ты боль мою излечишь?

А ты в ответ:

- Я здесь. С тобой.

Я обнимаю плечи.

Ты крылья чувствуешь мои?

Они...они могучи!...

Смотри! По небу корабли!

А я в ответ:

- И тучи.

- Послушай, ветерок поет:

"Весна, весна настала!

И все цветет, и все живет!..."

А я в ответ:

- Устала.

Душа не верит в чудеса.

И, все же, в них ютится...

Смотри! Вон Ангел в небесах!

А ты в ответ:

- И птицы!

птицы...

птицыьыьыьы...

Обречена на печаль,

Мир свой ломаю.

Где мой знакомый причал -

Не понимаю.

Все обнуляю года

И расстоянья.

Где-то...рукою подать...

Слышно дыханье.

Мысли... всё мысли...обвал...
Следует бездна.
Кто-то мне где-то сказал:
В ней я исчезну.

Был ли он честен со мной
В этом признании?
Только мне слышно...одной...
Сына дыханье.

В ладошку я твой вздох словила
И... вот... живу...
Его могущественной силой -
Во сне и наяву.
Такой любимый теплый, нужный!
Зачем прощальный?
Вокруг...езде...лишь вой натужный,
А он...венчальный.
Свербит и рвет утраты боль,
И мер не знает.
А он родной..а он со мной...
И он спасает.
Когда совсем...когда тупик...
И сердце плачет...
Твой нежный вздох мой дикий крик
В себе запрячет.

Полоснуло бедой на заре.
Помогите.
Ангел звонко пропел в сентябре:
- Помяните!

Листопад...листопад...листопад...
От начала.
Он тебя не отпустит назад...
Все пропало.

Ставлю память свою о тебе...
На высокую ноту.
Мне б туда, только в этой судьбе
Нет надежды на квоту.

Засыпая листвою, заливая дождями..
Как же вечности много, мой сынок, между нами.
Мне бы вновь рассмеяться, утонув в твоём взгляде,
Но, стою на погосте в вечно чёрном наряде.

Но смотрю на дорогу, что судьба начертала.
Я б судьбу прокляла, но...
твоей мамой в ней стала.

Жизнь моя превратилась в хлам.
Распихала оставшийся по углам.
В середину поставила стол, скамьи:
Мне и Прошлому(для семьи)

Сели с Прошлым: "Поговорим?
Дверь мне, Прошломое, отвори!
Там сыночек, муж, мама, я .
Маловата тебе скамья?"

Больше некому здесь присесть.
Ты ответь мне - а счастье есть?
Призадумалось...Заговорило:
"Счастье было. Во мне оно жило.

Ну, а раз я сегодня здесь,
Значит, счастье, конечно, есть.
Вспоминай же меня скорее!
Обниму. Приголублю. Согрею.

Помнишь сына веселый смех?
Суету? Новый год...на всех?
Мандарины, огни, хлопушки,
Солнце, лужи...еще веснушки,

Щечки, глазки и носик-курносик...
А грибных и ягодных просек -
Сколько их! И повсюду счастье!
Наш Антошка на все был мастер-

Нежный, умненький, терпеливый,
Удивительный и красивый...
Книжки, краски, еще раскраски,
И друг другу смешные гримаски,

Разговоры с чайком - у окошка -
Мы все вместе, и с нами кошка.
Все во мне - до секунды, Люда.
Я ведь Прошлое - это чудо.

Я по жизни с тобой шагаю,
Счастье наше оберегаю."
И опять тишина по залу...
-Как же здорово ты сказало!

Ты-счастливое все! И хорошее!
Я люблю тебя, мое Прошлое!

Я хотела с тобой быть вечно.
Я хотела с тобой по краю-
По пути, что зовется Млечным,
По полям с ароматом рая.

Я тебя на руках несла бы,
Если б только меня пустили
На прекрасный ковчег - корабль...
Только...доля моя - пустыня.

И дорога моя другая,
На которой беда тревожит,
Равнодушием время ломает,
Безысходностью скорбь корежит.

Я хотела вцепиться в небо
И кричать, что меня забыло.
Мне к нему бы! К нему бы...мне бы..
Я его лишь...его...любила...

Я люблю его, силы небесные!
Почему вы такие жестокие?
Он - сыночек мой, самый чудесный!
Стали дни без него - одинокие.

Мы же вместе...хотели...до тризны
Мы же рядом...вдвоем...по краю.
Только он, измученный жизнью,
Мне шептал: "Мама, я умираю".

Я память в шкатулку свою положила,
И лентой атласной ее повязала.
Потом обогрела, слезой окропила,
Баюкала, пела и нежно качала.

Я с ней говорила, ее я читала,
Любила, лелеяла и целовала,
Я ей наслаждалась, я с нею мечтала,
Я ради нее свою душу спасала.

А в памяти много счастливого рая,
Там прошлое бьет родниковой водицей.
И ты там живой, и я там живая,
И песни поют нам заморские птицы.

А сколько там смеха - такого родного -
Заливистым эхом мне радует сердце.
И неба, до боли в глазах - голубого!
И этих ладошек! - Не насмотреться!

Теперь моя память покоится с миром
На полочке, меж равнодушия точек.
Я с ней прихожу к тебе на могилу,
Ее открываю: "Ну, здравствуй, сыночек!"

Вернись ко мне! Не знаю, как.
Но ты вернись!
На крик, на стон, на робкий взмах
мой обернись!

Окутай нежным ветерком.
Заворожи.
Шепни на ушко мне, тайком,
что вечно жив.

Я рассмеюсь. Госку-печаль
прочь прогоню.
И буду в небеса кричать:
"Люблю! Люблю-ю-ю-ю-ю-ю!"

И буду танцевать с дождем -
ведь в нем есть ты..
Когда-нибудь мы перейдем

мосты...
Мосты...

И превратимся навсегда
в небесных птиц...
...О, скорбь,
о слезы,
о беда,
вам нет границ.

Прости меня...
за запоздалое "прости",
за то что я
не знала, как тебя спасти,

за все слова,
что прозвучали невпопад.
Я не права,
и время не вернуть назад.

Прости меня-я-я-я-я!
Кому кричать? И с кем молчать?
День изо дня,
срывая с памяти печать,

я унопущу
туда, где ветры так нежны,
и так дружны...
К тебе, сыночек, я прошущу.

Прости меня,
мне эту боль не утаить:
судьбу кляня -
за все ее благодарить,

за то, что ты
теперь со мной неразделим,
за то, что сбудутся мечты-
мы улетим.

Я назову тебя ласково,
звездочка моя ясная!

Будь для меня ты сказкою-
самою распрекрасною!

Имя твое священное-
сердцу мотив божественный!
Счастье моё блаженное-
миг, на века торжественный!

Ты возвратись знамением,
весточкой долгожданною!
Стань на пути озарением
встречи с тобой, желанный мой.

Что мне воля? Что мне неволя?
Мне тебя не хватает до боли,
Мне тебя не хватает до крика,
Непорочный. Иконоликий.

Руки в небо! Не расставаться!
Мне, сынок, бы с тобой обняться!
Мне с тобой бы наговориться!
Только ...свет от звезды струится,

Пусть холодный и равнодушный-
Без тебя мне, сыночек, душно.
Без тебя мне, любимый, страшно,
Безнадёжно и всё не важно.

Мне б к плечу твоему приткнуться,
В чистоту души окунуться,
Смыть с себя всю земную нечисть
И в хрустальную бездну. На вечность.

Смолк сыночка смех, опустел мой дом.
Больше в доме том... нет счастья.
Милый мой, родной, жив ли в мире том?
Слышишь шепот мой: "Возвращайся!"?

Жду тебя во сне. Жду и наяву.
Где ж надолго так задержался?
Без тебя, сынок, как же я живу?
Мрак в душе моей распластался.

Темнота вокруг. Пустота вокруг.-
Обливают холодом сердце.
Умерли мечты. И любое..."вдруг"
Не несет надежды согреться

Мне в руках твоих - самых дорогих,
Самых - самых ласковых, нежных.
Есть ли место то, где для нас двоих
Станет счастье вечным, безбрежным?

Опустел мой дом. Даже стынет крик:
"Ну, за что судьба так с тобою?" ...
Но...прямит меня твой священный лик,
Не дает согнуться дугою...

Прости, сынок. Тебя я не спасла.
Не знала, что ворвется горе в двери.
И дрогнет гладь оконного стекла
От крика моего: "Нет, нет! Не верю!"

Польются слёзы дивным дождем.
Умрут во мне все чувства и желанья-
И станет жизнь чредою похорон.
И будут жечь огнем воспоминанья.

Да разве мы могли с тобою знать,
Что ждут нас нескончаемые муки.
Что будешь ты от боли умирать.
Что буду умирать я от разлуки.

А за окном сиреневый рассвет
Меня уже не радует, мой милый.
Нас в этом странном мире больше нет.
Прости сынок. Я НАС не сохранила.

Тебе навеки 23, сынок.
Молод ты, красив и безупречен.
Телом болен был, душою вечен,
Мой, в ночи светящийся, огонек.

Жизнь тебя не баловала, милый.
Как могли, мы скрашивали боль.

Но пришел осенний миг, постылый,
И забрал тебя, моя любовь.

А меня оставил здесь, больную.
И слезам моим потерян счёт.
Без тебя, сыночек, не живу я -
Жду, когда душа к тебе уйдёт.

Мне тебя не выпросить у Бога,
И не нужно, там тебе вольней.
До тебя ведет меня дорога,
Я приду, любя ещё сильнее!

А я все жду:
твое дыхание меня излечит.
Как больно, слышишь? -
Невыносимо...

И одиноко.

В жару.

В бреду.

В агонии.

...Мир искалечен...

А вьюга воет.

А вьюга стонет.

И бьет жестоко.

Глаза слепые.

Все слезы, слезы.

И скорбь, без края.

Трещат морозы...

Метаморфоза:

я умираю.

Мне пусто в жизни.

Мне неудобно.

И бесполезно.

Дождаться тризны? -

Какая глупость.

Как неуместно.

Упасть в безмолвье.

На вираже.

Не оглянуться.

Залиться кровью.

...Покой в душе...

Небес коснуться.
Мне надо к сыну!
Я заболела
мечтой о встрече.
Мой Воин сильный,
Мой Ангел Белый
меня излечит.

Покоряясь безмолвию,
Одинокеством вены вскрывая,
Я тебя обнимаю,
Прикоснувшись к осколочкам рая.
Скорбью сковано сердце
(Так больно)
Я кричу и предела не знаю...
Я тебя не увижу ...
Твои рученьки не приласкаю.
Плачет снежное небо,
Слезы-льдинки в метель собирая
(Лебединая стая)...
В ней ли ты? Я гадаю...
Не знаю...
Умираю...
Лежу на погосте.
Эту землю, что нас разделяет,
Руками взрываю.
Встань, сынок!-
Проклинаю тот день, проклинаю...
Рвется вой из груди...
Смысла нет...без тебя.
Умираю.

Не стань же моим прохожим!-
Дождись меня в жизни той.
Единственный и похожий,
Волшебный мой и святой.

Светлейший, могучий воин,
И мудр, и храбр, и силен.
Достоин...вершин достоин,
И в вечную жизнь влюблен.

Не торопись родиться!

Не стань же моим чужим...
Мне страшно развоплотиться,
Не встретившись с сыном моим.

Ангел мой первозданный,
Я люблю тебя очень!
Самый-самый желанный,
Мой лучистый сыночек.

Мотыльком легкокрылым
Ты по Раю порхаешь-
Самым-самым красивым...
Ты свой свет проливаешь

На земные просторы,
На вселенские дали,
Моя точка опоры,
Моя бездна печали.

Моя нежность и мука,
Мой восторг, восхищенье...
Душу гложет разлука.
Я молю о прощенье-

Не смогла, не укрыла
Не сумела спасти.
Ангел мой белокрылый,
Все пойми и...прости.

Рвусь к тебе сквозь стены я,
Ненаглядный, ласковый.
Ты - моя Вселенная
С песнею и сказкою.

Ты - мой сон-знамение.
Родниковой свежестью
Даришь мне прозрение,
Согревая нежностью.

Ты - моё величие.
Гордость потаённая,

В святости обличия
Светом озарённая.

В гости зачистил осенний дождь.
О тебе он напел тайком.
Где же ты, сынок? По сердцу дрожь.
Я не узнаю тебя ни в ком.

Плачу вместе с дождиком навзрыд.
От утраты мертвая душа.
За окном осенне-скорбный вид.
Листики-журавлики кружат.

Осень отняла у нас мечты,
Резанув разлукой по судьбе.
Мой журавлик, где летаешь ты?
Крылья залатаю, и к тебе-

Через осень, через небо, ввысь,
От Земли подальше. Навсегда.
В край, где мы, однажды, родились,
Где не встретит смерть нас и беда.

Много разных сказок в том краю.
Но, для нас не писаны они.
Я ни в ком тебя не узнаю...
Осень, ты сыночка помани.

Сегодня дождь стучит в окно упрямо,
Как будто хочет что-то рассказать.
А мне б услышать ласковое: "Мама"
И две судьбы в единую связать.

А мне б... Да только этому не сбывься.
Мой Ангел затерялся в небесах.
Окно отрою, чтоб дождем умыться-
Быть может, это - Ангела слеза.

Приснись, сынок, скажи мне только слово.
Не ты ль сегодня плачешь о былом?
А дождь стучит, напоминая снова,
Что где-то Ангел мой взмахнул крылом.

Нет, я с тобой никогда, никогда не расстанусь!
Будут мои мечты разбиваться о небо,
Но, навсегда для меня ты останешься самым,
Самым родным и близким, где бы не был.

Буду тебе посвящать я стихи и песни,
Буду гордиться тобой материнским сердцем,
Ждать того мига, когда мы окажемся вместе
И у божественных слов твоих, Ангел мой, греться.

Я благодарна тебе, мой сыночек, за счастье:
Счастье - познать твою душу, мой нежно любимый,
Счастье, мне давшее силы пройти все ненастья,
Счастье - быть мамой, сыновней любовью хранимой..

Снова - прости! - мою душу взрывает виною.
Взгляд в небеса - может, ты меня видишь оттуда.
Нам запретила судьба на Земле быть с тобой,
Но, вместе мы в небесах, мое вечное чудо.

Мой сынок, мой Ангел непорочный,
Большого ума, души и сердца-
Пройдут века, и этот мир непрочный
У слов твоих лучистых будет греться.

Сверкал ты путеводною звездой,
Уютом наполнял родные души.
И твой призыв поистине простой:
"Учитесь, люди, слышать, а не слушать."

Ты жизнь любил. Ты очень жить хотел.
Взрастил в себе духовность, словно чудо.
И вот ты сильным Ангелом взлетел
На небеса. И даришь свет оттуда.

И я горжусь, горжусь, сынок, тобой!
Ты закаленный, непоколебимый,
Несломленный и, сеющий любовь,
Безмерно любящий, безудержно любимый!

Люблю тебя, мой светлый мотылек!
Лети, лети ты в небеса на крыльях.

Зажги надежды вечный огонёк,
Чтоб знала я-ты жив, мой мальчик сильный.

Ты - в моих мыслях, в сердце, в душе и в памяти.

Ты - навсегда, навечно и...никогда.

Я, словно нищенка, стою на холодной паперти,

Отчаянно умоляющая вернуть все твои года.

Ты - в каждом цветочке, листочке, порхающей бабочке.

Ты - в радуге снов и в каплях ночного дождя.

Мой нежный мальчишка, моя неземная лапочка,

Твоими глазами звезды с небес глядят.

Мне ветер доносит родное твоё дыхание.

Твой голос, и смех, и взгляд - навсегда со мной.

Я очень хотела облегчить твои страдания.

Но я не смогла, прости же меня, родной.

А помнишь, сыночек, - от счастья с тобою летали?...

Разбились - осколки лежат под ногами с тех пор.

Пока мы летали, смеялись, любили, мечтали -

Судьба, усмехаясь, писала нам приговор.

Мой сынок, я тебя не забуду.

Сердцу больно. К тебе оно рвется.

Я не верю в бессмертия чудо.

Но твой свет в мою душу все льётся.

Был ты мудрым, и добрым, и нежным.

И любовь отдавал - без остатка.

Как тепло в твоём мире безбрежном!

Как светло, как уютно и сладко!

Ты меня удостоил, мой милый,

Самой высшей наградой на свете -

Мамой стала твоей, и гордилась

Лучшим сыном на этой планете...

Наступила весна без тебя.

Неба синего дивный закат.

Может, где-то, ты этому рад.

Может, рад. Но уже без меня.

Облегченно вздыхает рассвет.
В облаках ветерок прикорнул.
Может, где-то ты тоже вздохнул.
Может, где-то. Но здесь тебя нет.

Я закрою все окна весной.
Больно слышать веселье и гам.
Я тебя никому не отдам!
Не отдам! Только...ты не со мной.

Память плачет, мечты теребя.
Слезы скорби-капель за окном.
Лучик солнечный просится в дом.
Безнадежно он ищет тебя...

Моя скорбь выше неба,
Я люблю тебя очень!
Где б, мой нежный, ты не был, -
Ты со мною, сыночек!

Ты везде, мой хороший-
В мыслях, в сердце, и в жизни...
Мой любимый Антоша,
От рожденья до тризны,

Да и после-сквозь вечность,
Несмотря на разлуки,
Ты – моя бесконечность!
Мои сладкие муки!

Ты - мой дом, моя пристань!
Маячок мой извечный!...
Смерть-непрошенный выстрел,
Только миг скоротечный.

После вместе мы будем!
Неразлучные души...
Неразъёмные судьбы...
Мы по небу закружим!

А пока, мой Антоша,
Моя скорбь выше неба.

Ты прости, мой хороший!
Я с тобой, где б ты не был.

Не могу без тебя! Не могу
Твое имя пишу на снегу,
Твое имя кричу в небеса...
Нет ответа. Лишь только слеза,
Хрусталем звонко бьется: «Ан-тон»,
Вызывая неистовый стон.

И опять тишина... Не могу!...
Не могу без тебя! Не хочу!
Птицей белой к тебе я лечу...
Ввысь на крыльях любви устремляюсь,

И лечу... и о стон разбиваюсь.
Крылья сломаны, сердце в крови...
Не достать до тебя мне с земли.

И опять тишина. И сквозь стон:
«Я с тобою! Я рядом! Ан-тон».

Имя боли моей - Антон -
Слышен в нём колокольный звон,
Дождик так по карнизу стучит,
Тишина так поёт в ночи...

Мой сыночек, прости, родной,
Счастье наше прошло стороной,
Только мучился ты - не жил,
Крылья белые ты заслужил.

До тебя мне достать нелегко
Ты летаешь теперь высоко...
На стене бьют часы «Ан - тон» -
Самый лучший мой, нежный сон.

А знаете? Вы знаете? - Приснился мне сыночек!
Он так смеялся звонко, залиvisto, задорно!
Мой маленький, мой миленький...такой вот...Ангелочек,
Мой самый нежный, ласковый и любящий - бесспорно!

Смешно он морщил носик, а глазки, как смородинки,
Сияли жизнелюбием и жизнеутверждением...
А мне знакомы шрапки, веснушечки и родинки -
Любимого мальчишечки с желанного рождения...

А, после, мне приснился он... в косоворотке белой,
Могучий, строгий и большой, как настоящий воин.
Серьезный взгляд его... такой...отчаянный и смелый,
И высших сил, и высших дел он истинно достоин.

Он рассказал мне, как живет, какие видел дали,
Что странствует, врачует и строит корабли,
Что сеет, пашет, косит, жнет...Его слова звучали -
Исполненные светом возвышенной любви.

Он уходил с зарею. С улыбкой на прощание.
Я гладила... красиво отросший русый волос.
И все звучит, как правда, как жизни обещание
Родной...такой прекрасный...такой чудесный...голос.

Все будет хорошо, когда меня не станет.
Уйдут со мною боль и вечная печаль.
И будет день другим...он больше не обманет.
Не прокричу в слезах: "Сынок, о, как мне жаль!"

Тогда я облачусь в небесные одежды,
К тебе лишь одному на небо поднимусь.
И облегченный вздох: люблю...тебя...как прежде!
И снова обниму...Навек! ...Не оторвусь!

Долой земную жизнь! Ведь в ней была разлука.
Она так сердце жгла...как-будто бы в аду.
Я без тебя жила - какая это мука.
Я так ждала, родной, когда к тебе приду!

Все стало хорошо. Опять ладонь в ладони.
Сидим с тобой вдвоем...и нас так любит Свет.
И облака внизу несутся, словно кони.
А нам до них теперь и вовсе дела нет...

Я обниму родню. И маму поцелую.
Я буду очень громко смеяться и шутить.

И никогда не вспомню про жизнь свою земную.
Мы в вечности счастливой, сыночек, будем жить.

А нить без тебя тонка,
пускай же порвётся скорей!
Я так от тебя далека -
на целую вечность дней.
Ты сердце моё унёс,
а в небо неслась мольба.
На целую вечность слёз
нас обрекла судьба.

Как мне сердечку приказать
Остановиться, не стучать?
Взлететь к сыночку навсегда
Сквозь расстоянья и года.

Как победить мне эту боль,
Что так бездушно душу рвёт?
Как сыну передать любовь,
Что в той душе больной живёт?

Жизнь пролетела, словно миг,
Не надыхалась я тобой,
Сыночек. Лишь твой светлый лик
Как солнце над моей бедой.

Я говорю с тобой стихами,
снами.
Горит свеча твоя
за облаками.
И я смотрю туда - ее я вижу,
И с каждым днем я к ней все ближе...
ближе.
Устала время торопить, сыночек.
Меня зовет к тебе твой
огонечек.
А мне бы свежестью времен
напиться,
Взмахнуть поломанным крылом...
и птицей
Воспрянуть в вечность, что Тобой

зовется...
И навсегда...и на века...
где солнце.

Как сдержат этот крик? -
Душу рвет на куски!
Каждый крошечный миг
Сложен в вечность тоски.

Каждый вымучен стон
О тебе, для тебя.
Я молитву - поклон
Совершаю, любя.

В возведенном тобой
Белом Храме – стою,
И святую любовь
Я тебе отдаю.

Без остатка на жизнь,
Здесь, на грешной Земле,
Ты, любовь, устремись
На могучем крыле

К сыну! Он в небесах.
Ждет ли? - ты расспроси.
Весточку на крылах
От него принеси.

Так много я хочу сказать тебе, сынок мой **неземной**.
Но все слова, мои слова - они уходят в пустоту.
И я молчу, и в тишине я представляю **образ твой**-
Он каждой черточкой зовет в мою **небесную мечту**

Распахнуты твои глаза, их карий цвет **мной так любим**.
Ты **смотришь** нежно на меня с портретов, **что висят вокруг**.
Мой стон молящий **о тебе**, лишь о тебе, **мой светлый сын**.
Как больно память душу жжет костром, **испепелившим** вдруг

Осиротела без тебя. и в скорби дней одна брожу,
Пытаюсь что-то там найти, а может, прошлое вернуть.
Но нет, все-прах, все-только прах. И я тебя не нахожу.
А мне б глазком, а мне б тайком в глаза любимые взглянуть.

Голова болит, разрывается.
Нет покоя мне в чуждом обществе.
За окном ветра надрываются
И кричат твоё имя - отчество,

Мой сынулечка, мой Антошечка
Александрович - Солнце ясное,
Ненаглядная моя Крошечка,
Сказка самая прекрасная!

Жизни нет, сынок. Так устала я
В пустоте сплошной, в одиночестве.
Нет фундамента... Земля талая
Шепчет мне твоё имя-отчество.

Все зовет меня, тянет за тобой,
Чтоб любовь моя к небу проросла.
Как горит внутри. Не найти покой.
С неба Ангела жизнью не спасла.

Слезы горькие, как пророчество
Дней бессмысленных окончания...
Навевают сны имя - отчество -
Столь любимые! Столь отчаянно!

Протяни крыло мне могучее,
Унеси меня в мир, совсем иной.
От Земли чужой спрячь за тучами.
От людей чужих - за своей спиной.

Сыночек, как это страшно -
Во времени и пространстве
Тебя не найти, мой важный...
Лишь траурное убранство

Оплакивать. И...хвататься
За прошлое, что есть силы.
Тобой не налюбоваться...
Тебя не обнять мне, милый.

Сканирую параллельность -
Миры...там...и прочие дали.

На вечную беспредельность,
Где мы неразлучными станем.

В каком же - узнать пытаюсь -
Миру мы по вечности рядом?
Иду туда. Согреваюсь
Под любящим твоим взглядом.

Веди меня, мой сыночек,
Дорогу показывай эту.
Средь дней своих и средь ночек
Живу твоим лучиком света.

Сквозь слезы и сквозь мьгарства
Иду я к тебе, мой вечный.
В палатах небесного царства
Тебя обязательно встречу.

Мой сын, мой самый лучший мальчик на Земле!
Сентябрьским листиком ты стал в календаре,
Судьбой жестоко сорванным навек,
Единственный родной мой человек.

Мой светлоликий Ангел неземной!
Осенним ветром ты играешься со мной.
Рябиновым листочком на ладонь...
Шепнешь мне тихо: "Вот любви моей огонь"

Тепло почувствую, невольно замерев...
Как много листьев падают с дерев.
Как мало листьям жизни на Земле-
Они красиво умирают в сентябре...

И снова память в прошлое вернет,
Где наше счастье тихое живет.
Но мы все дальше - с листопадом дней...
Я больше в доме не держу календарей.

А помнишь, сыночек, мы счастливы были.
И небо, и солнце, и ветер любили.
А вечером все за столом собирались.
И много шутили, и много смеялись.

И жизнь беззаботною сказкой казалась.
Ах, как же, сыночек, нам сладко мечталось!
А помнишь, как ты восторгался рассвету,
Березкам, в зеленое платье одетым,

Травинке, пушинке, грибочку, листочку.
Ты помнишь? - молчишь...Плачу я по сыночку.
Как быстро...как быстро то время промчалось.
Пружинка слетела, и счастье сломалось.

В квартире повисла холодная тишь.
Ты больше не скажешь мне "мама", малыш.

Мы стихами друг в друга проросшие,
Каждой рифмой мы скреплены, спаяны.
Облака, нас куда-то унесшие -
Разноцветные все, неприкаянно

Путешествуют, ветром гонимые,
Созерцая просторы поникшие...
Мы с тобою такие ранимые,
Мы к разлукам совсем не привыкшие.

Осень дарит нам царство уставшее
Слез и слов - нет печальнее повода.
Мы с тобой - словно листья опавшие
С оголенным предчувствием холода.

Но... стихами друг в друга проросшие,
Наш порыв одолеет реалии...
Я люблю тебя, мальчик хороший мой!
Мы с тобой - унесенные далями.

Спасибо, сыночек, за то, что была твоей мамой!
За то, что меня ты так нежно и верно любил.
За то, что святыни твоего поднебесного Храма
Ты мне до конца моих дней охранять поручил.

Спасибо за честь - в наше счастье упасть и забыться,
С восторгом внимать многоцветию ангельских чувств,
Смеяться, шутить, и душою взмывать, словно птицей,
И песенки петь и кричать от восторга: "Лечу-у-у-у-у!"

И вновь целовать...целовать твои слабые ручки,
И знать, что ты рядом, что можно обнять и согреть...
Спасибо, мой Ангел, душою и духом могучий,
Что рядом с тобою мне радостно будет лететь.

Опадают листья. Опадают.
В сердце грусть-тоску они роняют-
По родному, милому сыночку,
День за днем, листочек за листочком.

Первый день - дожди, ветра и слезы.
А второй - жестокие морозы.
Третий - одиночество и скука.
День четвертый очерняет мука.

Пятый день - мольбы о встрече в Вечность.
День шестой являет бесконечность-
Бесконечность боли и страданий.
День седьмой - череда воспоминаний...

И по кругу...Падают листочки.
Не вернется больше мой сыночек.
Осень забрала. Не пожалела.
Мама без него осиротела.

Заливает дождь
слезы горькие.
Только ты поймешь,
как же плохо мне.
Небеса твои,
да высокие,
тучей застланы...
Памятью извне
все рисуется
лик волшебный твой.
Не найти следа,
не украсть покой.

То ли омуты
кареглазые,
все зовут меня
вглубь души твоей?
То ли мудрые

слова фразами,
(тобой сказаны)-
в голове моей?
Не найти ответ,
как затмение-
заблуждение,
заточение.
Может утонуть
в ветрах и дождях?
Мой последний путь,
Милый - до тебя.

Мой мир...он какой-то странный -
Из скорби и из страданий...
А Он называл меня "мамой",
Без всяких на то признаний.

А Он мне бежал навстречу,
Дарил теплоту и нежность...
Но, вдруг нахлынула Вечность-
Жестокая, как неизбежность.

Она распростерла руки,
Меня к Нему не пуская,
Оставив мне адские муки
В прибежище скорбного края.

Я падаю там на холмик,
Сокрывший так много земного...
С портрета, который помню,
Он мне улыбается снова...

Спасибо тебе, сыночек,
За ласку твою сыновью!
За трауром черных точек
Ты смотришь на всех с любовью...

А мир мой...какой-то... купый,
Оборванный на рассвете,
С одной их бракованных функций,
Где рано уходят дети.

Будь со мной! Ты только будь! Навсегда.
Не разлучит ведь нас злая беда?
Ты же знаешь, я живу лишь тобой,
И изнежена, и бита судьбой.

Разве можно мне судьбу проклинать?
Ведь была я в ней и дочка и мать.
По страницам своей жизни иду,
Словно в самом...самом сладком бреду.

Перелистываю лист за листком,
Наслаждаюсь своим нежным сынком,
Что прекрасное-все связано с ним,
С жизнерадостным сыночком моим.

Вот страница повествует о том,
Что семейный мной был выстроен дои.
Неказист? - Да, разве в этом беда?
Только будь со мной, сынок! Будь всегда!

Сегодня, завтра и всегда-
Навечно я с тобой, сынок.
Моя Вселенская звезда,
Ярчайший лучик солнца мой.
Я буду помнить о тебе,
Секунды в памяти сложив.
Ты так велик в моей судьбе!
И так необычайно жив!

Ты светом был, и светом ты остался.
Иные за всю жизнь лишь тьму творят.
А ты за годы малые старался
объять весь свет, и... светом был объят.

Содержание:

1. Предисловие	
2. Слово матери.....	3
3. Антон Гапоник (опыт автобиографии).....	4
4. Ты родился, сыночек.....	6
5. Антоша познает мир.....	10
6. Мы пошли в садик. И узнали о болезни Антоши.....	13
7. В раю воспоминаний.....	16
8. Перед школой.....	21
9. Здравствуй, школа!.....	25
10. История жизни Антоши продолжается.....	29
11. Домашнее обучение. Компьютер. И Чернышка.....	32
12. От сборника к сборнику.....	35
13. Болезнь Антоши берет свое.....	39
14. И все же Антоша успел написать еще два сборника.....	44
15. Как не стало бабушки, Чернышки, Антошки.....	47
16. Письма в вечность.....	61
17. Сны о сыне.....	63
18. Разговор с сыном.....	69
19. Войди в мой хрупкий Храм.....	83
20. Во имя памяти.....	123

Литературно-художественное издание

Книга об Антоне Гапонике

Письма в Вечность...

Книга издана на средства автора

Компьютерный набор текста: Л. Гапоник

Дизайн обложки: Л. Гапоник

Подписано печать 13.06.2017г

Тираж 200 экз. Заказ № 687

Отпечатано в ООО «Медиафера»
652052, Кемеровская обл., г. Юрга,
ул. Ленинградская, 4
тел. 8 (384-51) 547-16

12+

